

Федеральное агентство по образованию
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
Департамент социальной защиты населения
администрации Томской области
Томская епархия Русской Православной Церкви
Московского Патриархата

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В РОССИИ: ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАКТИКА

Сборник научных трудов

Под редакцией профессора Н.А. Грика

Томск
ТУСУР
2009

УДК 364(47+57)(063)
ББК 65.272(2Р)
С69

Социальная работа в России: образование и практика:
С69 сб. науч. тр. / под ред. проф. Н.А. Грика. – Томск : Томск.
гос. ун-т систем упр. радиоэлектроники, 2009. – 250 с.
ISBN 978-5-86889-487-9

Представлены доклады конференции «Социальная работа и социальный менеджмент в XXI в.», которая состоялась 27 февраля 2009 г. в городе Томске. Статьи авторов из разных городов России посвящены широкому кругу проблем теории, истории и практики социальной работы. Сборник состоит из двух разделов: в первом содержатся статьи преподавателей и практиков социальной работы, во втором — публикации аспирантов и студентов — молодых исследователей социальной работы.

Для преподавателей и студентов специальности «Социальная работа», практиков социальной работы, а также всех интересующихся историей и современными проблемами социальной работы и социального менеджмента в России.

УДК 364(47+57)(063)
ББК 65.272(2Р)

Редакционная коллегия:

Берсенев М.В., канд. ист. наук, доц.
Грик Н.А., д-р ист. наук, проф. (отв. редактор)
Казакевич Л.И., канд. ист. наук, доц.
Радченко О.Е., ст. преподаватель

ISBN 978-5-86889-487-9

© Томск. гос. ун-т систем упр.
и радиоэлектроники, 2009
© Департамент соц. защиты
населения администрации
Томск. обл., 2009
© Томск. епархия Рус. Православ.
Церкви Моск. Патриархата, 2009

Предисловие редактора

Сборник посвящен 10-летию специальности «Социальная работа» в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), которая открыта в 1998 г. Инициатором и организатором специальности был заведующий кафедрой истории и политологии профессор Н.А. Лавровский. Под его руководством общеуниверситетская кафедра превратилась в профилирующую и выпускающую. В 2003 г. осуществлен первый выпуск специалистов по социальной работе. С самого начала кафедра установила регулярное сотрудничество с крупными социальными организациями (Департамент социальной защиты населения, Департамент по трудоустройству и занятости населения, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования и др.), что способствует эффективной подготовке специалистов социальной работы в ТУСУРе.

За 10 лет в ТУСУРе подготовлено более 150 дипломированных специалистов социальной работы. Значимым этапом в развитии специальности явились 2006–2007 гг., когда ТУСУР в числе 17 российских университетов стал участником инновационной программы в рамках национального проекта «Образование». Кафедра истории и социальной работы, как и все выпускающие кафедры ТУСУРа, включилась в разработку и осуществление технологии группового проектного обучения (ГПО). Было обновлено учебно-методическое обеспечение преподавания, создана лаборатория социального проектирования, около 40 студентов 3–5-го курсов занимаются в рамках ГПО конкретными проектами, связанными с решением практических и актуальных социальных проблем. Участие в национальном проекте «Образование» потребовало перестройки учебного плана, рабочих программ, что дает серьезные основания для качественной и успешной подготовки к переходу на двухуровневую систему высшего образования.

Основу сборника научных трудов составляют материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию специальности «Социальная работа» в ТУСУРе. Данный сборник является попыткой ее участников определить состояние, тенденции и перспективы образования и практики в области социальной работы в России.

Н.А. Грик

Раздел I

Социальная работа: история, теория, практика

И.А. Трифонова

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Уникальность системы социальной поддержки населения Томской области состоит в ее логической завершенности, в выстраивании вертикали структуры, которая явилась результатом реформирования (в рамках Федеральных законов № 122-ФЗ от 22.08.2004 г. и № 97-ФЗ от 04.07.2003 г.) и разграничения с 01.01.2005 г. полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления в части социальной поддержки и социального обслуживания населения. Эти функции полностью изъяты из ведения муниципалитетов и переданы органу исполнительной власти субъекта — Департаменту социальной защиты населения (ДСЗН), который вместе с подведомственными учреждениями образует единую систему социальной поддержки населения на территории Томской области.

Наряду с самостоятельным осуществлением организации предоставления социальных услуг отдельным региональным льготным категориям граждан, ряд нормативных правовых актов реализуется совместно с Министерством здравоохранения и социального развития РФ, отделением ПФР по Томской области, муниципальными образованиями в сфере предоставления мер социальной поддержки по оплате жилищно-коммунальных услуг, сбору и анализу сведений по предоставлению жилья ветеранам, инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, нуждающимся в улучшении жилищных условий, по обеспечению инвалидов транспортными средствами в рамках дящихся правоотношений, а также исполнения муниципальных программ.

Данные мероприятия ориентированы на различные направления социального развития и нацелены на создание устойчивой системы, которая смягчает негативные последствия экономического кризиса, в том числе бедности. Эффективное решение указанных вопросов во многом обусловлено сформировавшейся за предшествующие два года системой органов социальной защиты населения, развитием сотрудничества с другими областными департаментами и ведомствами

и партнерских отношений с негосударственными объединениями, предприятиями и организациями.

В подчинении Департамента находится 43 подведомственных учреждения. В систему входят учреждения нескольких видов:

- 24 территориальных центра социальной поддержки населения, через которые граждане получают денежные выплаты, детские пособия, льготы, субсидии на оплату ЖКУ, услуги по надомному обслуживанию;
- 15 домов-интернатов;
- областной комплексный центр социального обслуживания населения;
- областной центр реабилитации лиц без определенного места жительства;
- информационно-технический центр;
- центр по выплатам субсидий на услуги ЖКХ.

В сфере социальной защиты занято около 3 тысяч специалистов. С целью повышения доступности социальных услуг и получения мер социальной поддержки в области внедрена система участковой работы: 140 мест участковых специалистов размещены в сельских поселениях области. Эти специалисты оказывают практическую помощь гражданам в оформлении документов для получения мер социальной поддержки.

Томская область — один из первых регионов, где разработали и **внедрили новый подход в организацию работы по приему населения** в органах социальной защиты в рамках проводимой административной реформы. Основная цель этой деятельности заключается в создании приветливой для клиента системы социальной защиты населения, повышении доверия граждан к государству. В 2007 году в экспериментальном режиме внедрены административные регламенты предоставления пяти государственных услуг. В 2008 году разработано 32 административных регламента.

В двух районах области центры социальной поддержки населения начали работу в режиме многофункциональных центров предоставления государственных услуг в сфере социальной защиты. Многофункциональные центры предполагают прежде всего информационный обмен между органами социальной защиты населения и иными организациями. Это избавляет граждан от сбора части документов, необходимых для получения мер социальной поддержки и социальных посо-

бий. Работа с населением организована по принципу «одного окна».

Общие расходы на поддержку различных слоев населения за счет бюджетных источников в 2008 году составили более **2,7 млрд рублей** (в 2007 г. — **более 2,2 млрд рублей**). Численность граждан, пользующихся мерами социальной поддержки, — более 250 тысяч человек, каждый четвертый житель области.

Самую многочисленную категорию получателей социальной поддержки составляют в Томской области **пенсионеры по возрасту**. Для значительной их части установлены дополнительные меры социальной поддержки в соответствии с областными законами, в том числе для участников и инвалидов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, солдатских вдов, ветеранов труда и ветеранов труда Томской области.

Этим категориям граждан предоставляются такие меры социальной поддержки, как ежемесячные денежные выплаты, скидки на оплату жилищно-коммунальных услуг, ежемесячная денежная компенсация на оплату дополнительной площади жилого помещения, предоставление льготного проезда на общественном транспорте по единым социальным проездным документам. С 1 января 2008 года вступил в силу закон Томской области «О ветеранах труда Томской области», согласно которому предусмотрены ежемесячные денежные выплаты ветеранам в размере 500 рублей, а также сохраняется компенсация на проезд в размере 200 рублей.

Дополнительно ежегодно выделяются средства на текущий ремонт жилья, зубопротезирование и оздоровление ветеранов войны и труда, тружеников тыла. Учитывая, что многие пенсионеры старше 75 лет имеют противопоказания для направления на санаторно-курортное лечение, практикуется форма оздоровления ветеранов на базе центральных районных больниц. Для 89 тысяч пенсионеров по старости и по случаю потери кормильца, не имеющих права на другие льготы, выплачивается ежемесячная денежная компенсация на проезд.

Значительное внимание уделяется празднованию памятных дат. В области действует оргкомитет «Победа», который разработал план мероприятий, посвященный победе в Великой Отечественной войне. Этот план действует в течение всего года. Начиная с 2007 года, к 9 мая производятся единовременные денежные выплаты инвалидам и участникам войны (по 1000 рублей), а с 2008 года осуществляется единовременная

денежная выплата в размере 500 рублей труженикам тыла. Более 3,2 тысяч вдов умерших участников войны ежемесячно получают по 500 рублей из средств областного бюджета.

Индивидуальные доплаты к пенсии получают в области столетние жители, родители военнослужащих, умерших в результате заболевания, приобретенного в период прохождения военной службы, бывшие педагогические работники и работники культуры, имеющие почетное звание «Заслуженный...» или «Народный...».

Совместно с отделением ПФР по Томской области оказывается адресная помощь неработающим пенсионерам за счет средств пенсионного фонда. Граждане пенсионного возраста получают материальную помощь на первоочередные нужды, включая газификацию жилья. Некоторые муниципальные образования имеют собственные социальные программы, финансируемые из их бюджета. Например, в городе Томске действует программа «Старшее поколение», предусматривающая текущий и капитальный ремонт квартир пенсионеров, установку электрических и газовых плит, телефонов, оказание материальной помощи, поддержку клубов по интересам и проведение мероприятий, посвященных памятным и знаменательным датам.

Часть средств, в том числе из муниципальных бюджетов и спонсорских взносов, направляется на **оказание адресной материальной поддержки гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации**, для первоочередных жизнеобеспечивающих нужд.

Социальная защита и поддержка граждан, **уволенных с военной службы, ветеранов и инвалидов боевых действий, членов семей погибших военнослужащих, сотрудников других силовых ведомств, участников локальных войн и вооруженных конфликтов** является одной из межведомственных задач и постоянно требует комплексного подхода и скоординированных действий различных государственных и общественных структур. С этой целью при администрации Томской области уже более 9 лет существует Межведомственная комиссия по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, в состав которой, помимо представителей различных областных ведомств, входят руководители общественных организаций бывших военных. Координацию работы Межведомственной

комиссии, а также других ведомств по решению вопросов военнослужащих, уволенных в запас, осуществляет ДСЗН.

Не менее активная работа проводится в решении вопросов социальной поддержки **чернобыльцев**. В области разработан порядок их обеспечения лекарствами по рецептам врачей и порядок их медицинского обслуживания лечебно-профилактическими учреждениями Томской области. Организована система реализации индивидуальных планов реабилитации граждан.

Интеграция **инвалидов** в общество всегда являлась одним из приоритетных направлений в работе органов социальной защиты населения. Уже 12 лет действует Координационный совет по делам инвалидов при администрации Томской области, благодаря которому решаются многие межведомственные вопросы, касающиеся жизни инвалидов. Томская область — один из немногих регионов, в котором в течение 11 лет ежегодно проходит фестиваль спортивных и творческих способностей лиц с ограниченными возможностями «Преодолей себя». Как и во всей России, проводится Декада инвалидов. В целях решения проблемы транспортной доступности для инвалидов в Томской области с 2005 года внедрена служба социального такси. Для инвалидов и ветеранов боевых действий, ставших инвалидами вследствие общего заболевания или трудового увечья, граждан, ставших инвалидами при исполнении обязанностей военной службы по призыву, установлена дополнительная ежемесячная денежная выплата от 800 до 1500 рублей в зависимости от группы инвалидности. Координацию работы по решению проблем чернобыльцев и проблем интеграции инвалидов в общество также осуществляют межведомственные комиссии.

С 2007 года Федеральным законодательством введены дополнительные государственные гарантии, направленные на увеличение рождаемости. На территории Томской области в дополнение к государственным гарантиям действует закон «О социальной поддержке граждан, имеющих несовершеннолетних детей», в соответствии с которым при государственной регистрации рождения ребенка родители обеспечиваются подарочным набором товаров детского ассортимента, дети из малоимущих семей получают ежемесячное пособие, семьи с низкими доходами — ежемесячную денежную компенсацию на оплату услуг дошкольного образования, многодетные семьи

получают 30-процентную скидку с оплаты стоимости коммунальных услуг.

Ежегодно малоимущим семьям оказывается денежная помощь на подготовку детей к школе. С 2009 года эта мера обрела силу закона. Еще одно нововведение 2009 года — денежные выплаты в размере 300 рублей в месяц с начислением на эту сумму районного коэффициента для малоимущих беременных женщин, вставших на учет в медицинских учреждениях, а также для малоимущих кормящих матерей до достижения ребенком шести месяцев.

На территории области дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обеспечиваются бесплатным проездом на транспорте в форме ежемесячной денежной выплаты в размере 200 рублей.

С января 2007 года государство гарантировало всем семьям, чьи дети посещают государственные или муниципальные дошкольные учреждения, компенсацию части родительской платы за содержание ребенка в образовательном учреждении, размер которой зависит от количества детей в семье. Полномочия по выплате указанной компенсации на территории области осуществляют органы социальной защиты населения.

В 2008 году в рамках Года семьи женщинам, направленным органами здравоохранения в федеральные медицинские учреждения для проведения операций по экстракорпоральному оплодотворению, компенсировались расходы на оплату проезда к месту проведения операции и обратно.

Осуществление мероприятий по **профилактике бродяжничества и социальной реабилитации лиц БОМЖ** является одним из направлений повседневной работы территориальных ОГУ ЦСПН, центров социального обслуживания. Активную работу в данном направлении проводит Центр социальной адаптации г. Томска. Учреждение оформляет на лечение в стационарные учреждения здравоохранения, на стационарное обслуживание, МСЭ, восстанавливает паспорта, оформляет пенсии, продает медицинские полисы, способствует в трудоустройстве, выдает талоны в Салон дареных вещей.

Наиболее традиционной формой **социального обслуживания** являются стационарные учреждения (всего их 15) — дома-интернаты, стационарные отделения при ЦСОН, оказывается также социальная помощь на дому. Полустационарное соци-

альное обслуживание пожилым людям и инвалидам предоставляют два учреждения.

Департаментом ведется работа по привлечению внимания граждан к проблемам нуждающихся людей (публичные акции, взаимодействие со СМИ). Проводится постоянная работа по анализу обращений граждан.

Цель работы Департамента социальной защиты населения Томской области — последовательное повышение качества жизни населения, сокращение бедности, обеспечение всеобщей доступности основных социальных услуг. Система социальной защиты населения сегодня одна из самых динамично развивающихся отраслей социальной сферы, предназначенная для того, чтобы помочь всем нуждающимся гражданам была постоянной и эффективной.

Н.А. Грик

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ И ТЕХНОЛОГИЯ ГРУППОВОГО ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ

Специалисту по социальной работе прежде всего необходимы знания относительно объекта деятельности — тех общественных отношений, в которые включены клиенты, попавшие в трудную социальную ситуацию. Эти знания относятся преимущественно к области психологии, юриспруденции, социологии. Кроме этого профессиональная подготовка предполагает освоение конкретных методов и технологий социальной работы, то есть специфических способов профессиональной деятельности. При этом успешная социальная работа требует от специалистов особых личных качеств, позволяющих разрешать конфликты, осуществлять посредничество в спорах и т.д. Поэтому профессиональная и социальная компетентности во многом совпадают и определяют успешность в общении с людьми [1, с. 21].

В настоящее время на смену знаниевой парадигме приходит парадигма саморазвития, социального опыта, творчества,

умения быть успешным в жизни и профессии. По мнению многих исследователей, результатом саморазвития человека является компетентность [2]. На личностном уровне компетентность — результат развития основополагающих способностей, включающих предметные знания, навыки, способы мышления, понимание ответственности за свои действия. Сегодня человеку недостаточно знаний «о деятельности», необходимы знания «в деятельности», позволяющие превращать знания в виды деятельности, с помощью которых он может преобразовывать собственную жизнь и жизнь общества [3]. Продуктивной образовательной технологией, поддерживающей компетентностно-ориентированный подход в образовании, является метод проектов.

В 2006–2007 гг. в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники начал осуществляться инновационный образовательный проект, целью которого является подготовка специалистов, способных инициировать и реализовывать инновационные проекты. База процесса состоит в организации широкомасштабного группового проектного обучения (ГПО) в сочетании с индивидуальной траекторией обучения и созданием инфраструктуры, обеспечивающей возможность работы над реальными инновационными проектами.

В качестве обязательной дисциплины ГПО введено в учебные планы с 5-го по 8-й семестры как альтернатива вузовским компонентам. Предусмотрено 6 часов аудиторных занятий и 6 часов самостоятельной работы студентов в неделю. Причем занятия ведутся в режиме «Дня ГПО» в масштабе всего университета, что позволяет организовать межкурсовые связи, освобождает на этот период всех руководителей ГПО от других занятий.

В ходе реализации инновационной образовательной программы ТУСУРа в качестве ее ресурсного обеспечения была создана система лабораторий и центров коллективного пользования. Лаборатории ГПО служат для вовлечения студентов в проектную деятельность с 2–3-го курсов обучения, имеют статус кафедральных. Кафедра истории и социальной работы (ИСР) активно включилась в разработку технологии ГПО применительно к социальной практике в мае 2006 г. Начальным и во многом сложным этапом оказался поиск инновационных идей и предложений, которые могли бы быть реализованы

в форме технологий и практик, востребованных социальными институтами российского общества. В конкурсе 2006–2007 гг. участвовали преподаватели кафедры и 8 студентов третьего курса специальности «Социальная работа».

Формирование групп проектного обучения проходило на кафедре на принципах добровольности и первичности инициативы студентов. Таким образом было обеспечено желание студентов трудиться над своими проектами, заинтересованность в их выполнении. Руководитель на этом этапе являлся первым экспертом в оценках перспективности темы, возможности реализации продукции проектной деятельности. Важной установкой являлась ориентация проектов на решение практической задачи, поскольку именно это делало их жизнеспособными. Между тем проведенные конкурсы проектов на втором курсе в 2007–2008 гг. как форма отбора лучших из них пока не смогли выполнить всех своих функций. Во многом выбор студентами руководителей их будущего проекта определялся тем, что преподаватели до этого являлись научными руководителями их курсовых работ, читали у них учебные курсы. В таком выборе есть как положительные, так и отрицательные моменты. Положительное в том, что студенты и преподаватели уже знали стиль работы друг друга и выбор студентов доказывал, что такой стиль их устраивает, поэтому ниже вероятность конфликтов между студентами и руководителями групп. Узкие места подобного выбора заключаются в отсутствии альтернативы для студентов, в привязке их интересов больше к личности руководителя, чем к теме проекта. Разрешить данное противоречие коллектив кафедры пытается формированием благоприятной информационной среды для студентов 2-го курса. Предусматривается более основательная предпроектная работа, организация дискуссий по выдвинутым проектам, где студенты выступали бы самостоятельными субъектами процесса.

Вместе с тем конкурс проектов на 2-м курсе, скорее всего, перманентно обречен на противоречия и трудности. Дело в том, что именно этот период фактически в той или иной степени затрагивает все основные этапы проектной деятельности. Первый (организационный) этап полностью осуществляется на 2-м курсе. Аналогично и второй этап, посвященный выбору и формулировке общей проблемы, определению целей и задач проекта, во многом осуществляется во время конкурса проектов. Однако, как показывает наш опыт, эта работа

продолжается частично во время 5-го семестра, когда происходит уточнение планов достижения поставленных целей и задач, то есть на предпроектном этапе (у нас это 2-й курс).

В конце мая 2008 г. две группы ГПО, созданные в начале 2006/07 уч. г., защитили свои проекты. Одна группа осуществила защиту проекта «Сопровождение социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями в вузе» (ответственный исполнитель — студентка О.А. Митяева, научный руководитель — доцент В.И. Зиновьева). Группа на стадии планирования задач приняла решение о создании добровольческой студенческой кураторской службы «Вуз для всех» для работы с целевой группой студентов. В многотиражной газете, через электронную рекламу, созданный сайт и телефонную службу была проведена реклама проекта. В рамках ГПО члены группы прослушали авторский курс практикующего психолога «Семь навыков высокоэффективных людей», что помогло им подготовиться к индивидуальной работе и тренингам со студентами, нуждающимися в психологической адаптации. Социологические исследования, фокус-группы, обсуждения в студенческой среде фильмов о включении лиц с ограниченными возможностями в жизнь обычных людей в студенческой аудитории — все это становилось предметом изучения содержательной стороны проекта. В ходе реализации проекта сложилось сотрудничество с некоммерческой общественной организацией «ДИВО» (доступное для инвалидов высшее образование). На базе этого проекта его участниками начато практическое воплощение в жизнь своих наработок. При кафедре осенью 2008 г. создана студенческая социальная служба по социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями в университете. В планах службы организация работы с абитуриентами-инвалидами. В целях изучения опыта группа студентов была отправлена в командировку в Челябинский госуниверситет, где плодотворно функционирует региональный центр образования инвалидов.

Вторая проектная группа поставила перед собой решение проблемы адаптации студентов филиалов и первокурсников к условиям университета. Итогом проекта явилась разработка модели института кураторства в ТУСУРе. Подготовлены программы и осуществлена подготовка кураторов из студентов второго курса специальности «Социальная работа». Студенты этой группы в настоящее время приступили к созданию

института кураторства в рамках университета. Студенты первого выпуска ГПО сегодня готовят дипломные работы на базе проектов и заинтересованно продолжают заниматься ими, пытаясь воплотить их в жизнь. Можно утверждать, что первый опыт осуществления ГПО свидетельствует о том, что образование становится лично значимой деятельностью студентов. Работа над проектами способствовала развитию внутренней мотивации, то есть мотивированию через саму работу, которая систематически обогащала содержание труда, повышала самостоятельность в труде. Студентам приходилось действовать в ситуации неопределенности, решать задачи и применять на практике теоретические знания. Столкновение мнений, позиций — весьма частое явление в практике проектирования, что в свою очередь повышало культуру общения, расширяло и совершенствовало межличностные коммуникации, учило эффективному слушанию.

Центр деятельности проектных групп сосредоточен в кафедральной лаборатории социального проектирования, оснащенной 10 современными компьютерами, оргтехникой, проектором с экраном, фотоаппаратами, видеокамерой, диктофонами. В настоящее время на кафедре пять групп ГПО, на третьем-четвертом курсах в них занимается 29 студентов. Темами проектов являются: подготовка истории гуманитарного факультета, разработка демографической политики в рамках областной программы, разработка модели студенческого самоуправления в ТУСУРе, программа подготовки несовершеннолетних заключенных к освобождению из воспитательных колоний и постпенитенциарное сопровождение, разработка модели волонтерского движения в университете, создание методики оценки эффективности социальных проектов и грантов по материалам г. Томска. Последний проект предусматривает подготовку экспертов. Студентами группы проведены мониторинги конкурсных муниципальных грантов и проектов 2007 и 2008 гг. Заинтересованная сторона в лице Комиссии по самоуправлению администрации г. Томска выразила благодарность ректору университета, премировала участников группы. Студенты воодушевлены своей практической причастностью к столь ответственной деятельности. В конце каждого семестра каждая проектная группа должна осуществить презентацию проекта и защитить определенный этап своей деятельности на заседании специальной комиссии. В состав комиссии входят

научные руководители, представители заинтересованных сторон. Председателем комиссии, за которым остается решающая оценка работы проектных групп, назначается приказом ректора по учебной работе представитель другого факультета или кто-либо из руководителей учебного или научного управлений университета.

В рамках ГПО предусмотрен специальный теоретический курс. На кафедре истории и социальной работы это «Разработка и управление социальными проектами и программами». Основной формой изучения дисциплины являются тренинги. Студенты не только знакомятся с принципами и технологиями социального проектирования, но под руководством специалиста-практика начинают отрабатывать этапы своих проектов. Данная дисциплина дает основные навыки для проведения диагностических и прогностических исследований, знакомит с основами социальной экспертизы, контроля за реализацией проекта, его корректировки. Кроме того, участников группового проектного обучения мотивируют в университете и материально: студенты-отличники получают, фактически, двойную стипендию, что является серьезным стимулом.

Использование технологий социального проектирования в процессе подготовки будущих специалистов по социальной работе весьма продуктивно, логично вписывается и в структуру ключевых компетенций бакалавра социальной работы, которая включает такие блоки, как социально-личностный, общенаучный, общеобразовательный и специальный [4]. Более того, проектное обучение, на наш взгляд, заставляет систематически обновлять учебные планы, уточнять компетенции обучения, что приводит к заметному улучшению качества образования и отвечает требованиям Болонского соглашения. Помимо этого, как свидетельствует первый опыт организации ГПО, наши технологии позволяют преодолевать недостатки обучения бакалавров, порожденные американской системой, где слишком мало времени отводится для углубленных учебных процессов, которые приносятся в жертву соответствию экономическим мотивам реформы. Англосаксонская модель утрирует близость к практике в интересах потребителей продукции вузов так, что общее университетское образование становится столь же необязательным, как и образование с целью формирования личности [5, с. 52].

В целом опыт организации группового проектного обучения на кафедре свидетельствует о том, что это существенная инновационная деятельность. Ее реализация в 2006–2008 гг., на наш взгляд, способствовала саморазвитию, творчеству всех участников ГПО. Наш опыт подтверждает гипотезу, что ГПО поддерживает и развивает компетентностно-ориентированный поход к образованию, позволяет создавать условия деятельности студентов и преподавателей, максимально приближенные к реальности. Социальный проект начинает выступать средством управления познавательной, практической, исследовательской деятельностью студента.

Существенно меняется роль преподавателя. Он становится организатором проектной деятельности. Роль его при выполнении проекта изменяется в зависимости от этапов работы над проектом. Но на всех этапах он выступает как помощник, фасилитатор. Он уже не передает знания, а направляет деятельность студентов, то есть консультирует, мотивирует, фасилитирует. Научный руководитель провоцирует вопросы, размышления, самостоятельную оценку деятельности, моделирует различные ситуации, трансформируя образовательную среду (например, организация групповой дискуссии), наблюдает. Подобные изменения повышают требования к научной работе преподавателей, ориентируют ее на фундаментальные и прикладные исследования, проводимые в непосредственной взаимосвязи с образовательным процессом, составляют основу качественного образования.

Таким образом, компетентностный подход к профессиональной подготовке социальных работников, осуществляемый с помощью технологии группового проектного обучения, имеет, на наш взгляд, обнадеживающую перспективу, которая положительно повлияет на изменения мотивационной структуры будущих социальных работников.

Список литературы

1. Чиганова С.Д. Формирование профессиональной и социальной компетентности специалиста по социальной работе / С.Д. Чиганова // СОТИС. – 2006. – № 1. – С. 21–26.
2. Решетников В.А. Компетентностный или социокультурный подход: необходимость синтеза / В.А. Решетников // Социогуманитарное образование в России : проблемы

и перспективы : сб. науч.-метод. тр. – Иркутск : НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2007. – С. 11–17.

3. Иванов Д.А. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий / Д.А. Иванов, К.Г. Митрофанов, О.В. Соколов. – М., 2002. – 98 с.

4. Информация к разработке стандартов третьего поколения // Вестник учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. – М., 2006. – № 2. – С. 32–37.

5. Хохштрассер Ф. Компетенции при обучении социальной работе в уголовно-исполнительной системе / Ф. Хохштрассер // СОТИС. – 2008. – № 1. – С. 46–53.

Т.И. Сулова

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Социальные трансформации российского общества в последние два десятилетия по-новому актуализировали потребность в изучении молодежи. Акцент приходится на противоречивость характера современного молодого человека. Конечно, в первую очередь не могли не сказаться общие — и для всего российского социума, и для молодежи — причины. В качестве такого определяющего социального фактора выступает социальный, хозяйственный и политический кризис современного российского общества, находящегося в состоянии неустойчивого равновесия. Seriously сказывается быстрый рост социального расслоения, дифференциации и маргинализации общества. Для молодежи особенно значимо изменение традиционных форм социализации и межпоколенческой преемственности, социальной мобильности, путей и способов профессионального самоопределения и роста. Молодежь и подростки стали одним из самых активных и самостоятельных субъектов на все расширяющемся потребительском рынке. Молодые люди получили возможность самостоятельно зарабатывать деньги (как легально, так и нелегально); они осваивают иные культурные пространства и новые повседневные практики, о которых их родители не имели (отчасти не имеют и до сих пор) представ-

ления. Это привело к нарушению естественной цепочки передачи от поколения к поколению культурного и социального опыта. Произошло нарушение общего социально-культурного процесса передачи опыта старших младшим, от молодежи — к подросткам, от взрослых — к молодым.

Процесс социализации поколений, входящих в общественную жизнь, по сути представляющий процесс самовоспроизводства общества, тесно связан с традициями. А современный этап мирового общественного развития не менее тесно связан с инновациями. Эти два, казалось бы, взаимоисключающих обстоятельства, тем не менее, вынуждены совмещаться в одном социальном пространстве, что порождает не только объективные коллизии современной истории, но и все более настоятельно требует выработки знаний, принципов, правил и методов деятельности, способной учесть и эффективно выстроить их взаимодействие, избежав катастрофических противоречий. Период обучения в вузе является наиболее важным для человека в плане происходящего в это время личностного роста, становления его как личности.

Несмотря на множественность направлений и подходов, разработка проблемы социализации молодежи сегодня не только далека от завершения, а напротив, все более демонстрирует необходимость как переосмысления ранее исследованного, дополнительного изучения почти устоявшегося, так и открытия новых граней и полей изучения. Это касается, в частности, совершенно новых аспектов в традиционной проблеме взаимоотношений поколений, которая сегодня утратила свою дихотомичную структуру, ввиду чего пространство требуемых ее решений значительно усложнилось, а современное общество оказалось к этому совершенно не готово, ни идейно, ни деятельностно. Это относится и к кризису современного образования, ставшего традиционным институтом социализации молодежи, оказавшимся не в состоянии квалифицированно осмыслить суть происходящих в начале XXI века изменений и выработать адекватную им стратегию собственного развития. Наконец, в этот же ряд можно поставить даже саму проблему социализации молодежи, которая сегодня подвержена настолько сильному давлению реалий нового тысячелетия, что уже трудно определить, что отныне имеется в виду под молодежью и какое отношение к традиционному содержанию социализации имеет то, что становится ее современным смыслом.

Представляется необходимым, выявив стержневые факторы, попытаться осуществить такое концептуальное видение этой проблемы в целом, из которого и стали бы понятны многие уже проявленные в событиях ее аспекты, подуровни или части и сформировалась бы теоретическая платформа для дальнейших прогнозов, оценок и стратегий. Таким конституциональным фактором в проблеме социализации молодежи, особенно на современном этапе, является диалектическая взаимосвязь традиций и инноваций, или даже шире — традиционного и инновационного, в некотором смысле ставшая знаменем времени, в большой степени определившая и обуславливающая изменения и характеристики многих современных процессов, проблем и затруднений.

Священник Н. Абрамов

О СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

1. Духовные основы социального служения Православной Церкви

Чтобы понять смысл, характер, качества, цель социального служения Православной Церкви, необходимо обратиться к основам самого христианства. Кратко изложим необходимые для данной работы положения.

- Одно из главных откровений Христа о том, что существует Царствие Божие, пакибытие — ещё одно бытие по отношению к земной реальности, некоторая объективная духовная реальность, в которой Бог, ангелы, души святых. Царствие Божие исполнено божественных энергий, благодати, божественного света, которые пронизывают и весь вещественный мир. Христос называл его главным благом и призывал: «Ищите же прежде Царства Божия...» (Мф. 6.33, все последующие подобные ссылки из [1]). Поэтому цель и смысл жизни христианина чрез добродетели и святые Таинства (Священнодействия) так преобразить человеческое естество, чтобы оно было способно уже здесь на земле при содействии Божиим воспринимать эти божественные нетварные энергии, благодать, излучаемые из

этой объективной духовной реальности — пакибытия, Царства Божия, затем войти в него душою и, наконец, всей полнотой человеческого естества — душой и телом.

• Второе, что следует указать, это откровение Христа о Боге. Обычно его выражают так: Единый Бог есть Святая Троица — Отец, Сын и Святой Дух (Мф. 28.19). Эту истину можно выразить иначе: «Бог есть любовь» (1Ин. 4.8). Отец, любящий нас и отдающий Единственного Сына ради нашего спасения, Сын, отдающий Себя на крестные страдания ради нашего спасения, Дух Святой, оживляющий нас для жизни во Отце и Сыне и Святом Духе.

Итак, существует пакибытие, Царство Божие, исполненное божественных энергий, божественной благодати, божественного света, которые происходят от Царя этого Царства — Бога. И Бог есть Святая Троица, Бог есть любовь. Эти две истины определяют характер духовной жизни христианина. Во-первых, жизнь по вере христианской имеет не умоглядный религиозно-философский характер, но это всегда духовный опыт, это взаимодействие человека и Бога, Божественной реальности, чрез божественные энергии, божественный свет, благодать. Во-вторых, внутреннее качество этого духовного опыта — любовь, ибо Бог есть любовь.

2. Внешняя сторона социального служения Церкви

В конце своего земного служения Христос рассказал притчу о Божием суде (Мф. 25.34-36): «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: “придите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне”».

Итак, накормить голодного, напоить жаждущего, принять странника, одеть раздетого, нагого, больному помочь, заключенного утешить — вот внешняя сторона социального служения христианина. И думается, что этот перечень имеет символический характер. Смысл его — оказать помощь всякому человеку, оказавшемуся в трудных обстоятельствах. В выступлениях Святейшего Патриарха Алексия II последних лет много говорилось о социальном служении Русской Православной Церкви в социальных и лечебных учреждениях, в больницах, детских домах, интернатах, домах престарелых, о помощи

бездомным, инвалидам, освобождающимся заключенным [2, с. 32–47]. Можно сказать, что Церковь интересуют все социальные проблемы, которые стоят перед нашим обществом в настоящее время.

3. Внутренние основы дел милосердия, социального служения Православной Церкви

Духовный, внутренний смысл социального служения имеет для Православной Церкви первостепенное значение, и в этом отношении она резко отличается от любых светских социальных организаций. Духовные принципы дел милосердия изложены в Евангелии, в святоотеческом наследии. Приведем некоторые из них.

Отметим, что они тесно связаны с религиозными положениями, изложенными в п. 1, и в определенной степени определяются этими положениями.

• **Милость втайне.** Обратимся к слову Христа о милости (Мф. 6.1-4): «Смотрите не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам **награды от Отца вашего Небесного** ... У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука не знает, что делает правая, **чтобы милостыня твоя была втайне**; и Отец твой, видящий тайное, **воздаст тебе явно**». По мысли Христа, совершенно и истинно исполненное дело милости вводит человека в духовный опыт созерцания пакибытия, Царствия Божия. Человек становится способным к восприятию невидимого — **«награды от Отца Небесного»**, воспринимать это невидимое **«явно»**.

Житие преп. Марии Египетской сообщает, что добродетель христианская, исполненная напоказ, «не то что без пользы для подвижающегося, а служит для него причиной великого зла» [3, с. 197].

• **Милость бескорыстная и нелицеприятная.** Лк. 6.32-36. «И если любите любящих вас, **какая вам за то благодарность?** [по церковн.-сл. благодать, по греч. χάρις — благодать, дар, милость]... И если делаете добро тем, которые вам делают добро, **какая вам за то благодарность?** ... И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, **какая вам за то благодарность?** ... Но вы любите врагов ваших, и благотворите и займы давайте, не ожидая ничего; и **будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего**;... Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.»

Из приведенных евангельских текстов следует, что соблюдение принципов (заповедей) Христа в делах милосердия, во-первых, придаёт этому делу определенное благородное качество, во-вторых (и это главное), делает человека способным к восприятию Божественной благодати: **«Отец твой, ... воздаст тебе явно», «будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего»**. Христос непрестанно подчеркивает главный критерий истинного блага, истинной добродетели, главный духовный плод — восприятие человеком Божественного дара благодати. Свт. Григорий Палама отмечает: «Конечно, всякая Божья заповедь и всякий священный закон имеет предел до чистоты сердца; ... Но это не значит, что за Божьими заповедями нет ничего другого, кроме чистоты сердца, — есть, и что-то очень великое: даруемый в этом веке залог обетованных благ и сокровища будущего века, через этот залог видимые и вкушаемые» [4, с. 79]. Очевидно, что Святитель Григорий указывает тот же самый критерий истинности духовного опыта: созерцание человеком сокровищ пакибытия, Царствия Божия, будущего века, которые чрез исполнение заповедей Божиих становятся видимыми.

4. Христианское совершенство и социальное служение

В Евангелии несколько раз сообщается о том, что ученики Христа спорили между собой, кто из них первый и кто из них больше (см. Мрк. 9.33; Мф. 20.17; Мрк. 10.42; Лк. 22.24). Рассмотрим учение Христа, которое Он преподавал при этих беседах учеников.

Мрк. 10.43-45: «...кто хочет **быть большим** между вами, **да будет вам слугою**; и кто хочет **быть первым** между вами, **да будет всем рабом**. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, **чтобы Ему служили**, но **чтобы послужить** и отдать душу Свою для искупления многих».

Итак, если кто-то хочет духовно возрасти, он должен начать **служить ближним** своим, если же человек стремится к духовному совершенству, «да будет **всем** рабом», его служение должно распространиться на всех, ибо таков Сам Христос — **«Сын Человеческий ... пришел ... чтобы послужить...»**. Поэтому добродетель служения имеет для христианства фундаментальное значение, она есть одно из проявлений христианского идеала — смирения и утвержденной на нем любви.

5. Тайна Христа

Если вновь обратить внимание на притчу о Божием суде, о которой говорилось в п. 2, то можно заметить, что Христос утверждает, что «алкал **Я**, и вы дали **Мне** есть; ... напоили **Меня**; ... и вы приняли **Меня**; ... одели **Меня**; ... посетили **Меня**; в темнице был, и вы пришли ко **Мне**», когда же праведники спросили, когда же это мы **Тебе** сделали, то Христос ответил: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из **братьев Моих меньших**, то сделали **Мне**» (Мф. 25.40). Подобным образом людям, не оказавшим милости, Христос отвечает: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этому одному **из сих меньших**, не сделали **Мне**» (Мф. 25.45). По мысли Христа, Он таинственно присутствует со всяким нуждающимся человеком этого мира. Когда оказывается милость истинно нуждающемуся, она оказывается Христу, когда мы кем-то пренебрегаем, мы пренебрегаем Самим Христом. Это слово Христа придает известное духовное напряжение, казалось бы, обыкновенному, обыденному социальному служению, и всякое наше дело милосердия вдруг приобретает вселенское значение, чрез которое проходит нерв Божественного внимания. Служа ближнему своему, христианин служит Самому Богу.

Список литературы

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Заветов.
2. Обращение Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II к клиру, Приходским советам храмов гор. Москвы, наместникам и настоятельницам ставропигиальных монастырей на Епархиальном собрании 21 декабря 2005 года. – М.: Издательский Совет РПЦ, 2006. – 70 с.
3. Богослужебные указания на 2005 год. – М.: Издательский Совет РПЦ, 2004. – 664 с.
4. Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих / Св. Григорий Палама. – М.: Канон, 1995. – 384 с.

А.Л. Афанасьев

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ОБЩЕСТВ ТРЕЗВОСТИ В ТОМСКЕ И ТОМСКОМ УЕЗДЕ (КОНЕЦ XIX В. – 1916 Г.)

Российское трезвенное движение 1880–1910-х годов, периода капитализма, явилось ответом общества на разрушительные последствия растущих производства и продажи алкоголя. Первыми участниками движения на земле Томской стали томичи, вступившие в общества крупных городов европейской России. Так, в лист основанного Л.Н. Толстым московского общества «Согласие против пьянства», начатый 2 февраля 1888 г., под № 643 была внесена следующая подпись вступившего члена: «Пётр Иванович Макушин 44 лет. Томск» [1]. Очевидно, что записавшимся был известный томский книготорговец и просветитель П.И. Макушин (1844–1926).

Первым обществом трезвости на земле Томской стало Иглаковское церковное общество трезвости в селе Иглаково (ныне территория г. Северска) Томского округа, открытое 8 сентября 1894 г. Вероятно, оно возникло под влиянием указа Св. Синода от 10 августа 1889 г., призывающего духовенство «содействовать Правительству в борьбе с пьянством», или работ учителя-трезвенника С.А. Рачинского, опубликованных в журнале «Церковные ведомости». Об обществе известно то, что к 1 августа 1912 г. в нём числилось 8 членов, оно слабо проявляло деятельность и вело «чтения Великим постом» [2, с. 12–13]. Возможно, что, будучи деятельным в начале, к 1912 г. оно существовало только на бумаге.

Движение получило толчок в начале 1900-х гг. в связи с введением в России казённой винной монополии. В 1901 г. прихожане томского Никольского храма И.Ф. Мусиенко, Стороженко, М.В. Деров, В.Я. Утенков неоднократно предлагали руководству Попечительства при храме открыть общество трезвости. Все они были выходцами из крестьян, уроженцами европейской России, иногородними членами Казанского общества трезвости. Предложение поддержал настоятель Никольского храма священник Семён (Симеон) Львович Сосунов (1849 – после 1915). Он получил благословение у епископа Томского Макария (Невского, с 1906 г. — архиепископ),

и 30 декабря 1901 г. на собрании членов-учредителей было открыто первое в Томске и городах Томской губернии «Общество трезвости при Попечительстве градо-Томской Никольской церкви» [3, с. 1; 4, с. 31] (с 1912 г. — «Первое Томское общество трезвости при Никольской церкви»). Председателем стал С.А. Сосунов — деятельный и отзывчивый пастырь.

Цель и задачи общества видны из его устава, утверждённого епархиальным начальством 4 февраля 1911 г. (судя по всему, повторявшего первоначальные Правила общества, не дошедшие до нас). Согласно § 1 «Общество имеет целью противодействовать употреблению спиртных напитков»; § 2: «Для достижения намеченной цели Общество открывает: чайные, столовые, читальни...; издаёт и распространяет в народе книги и брошюры нравственного содержания, поучающие воздержанию от вина, устраивает беседы, а также организует отделы и кружки из лиц, воздерживающихся от употребления спиртных напитков». Общество состоит «из членов обоюбого пола христианского вероисповедания, всех званий и сословий». Согласно правилам того времени в члены не допускались несовершеннолетние, нижние воинские чины, учащиеся в низших и средних учебных заведениях. Действительными членами считались все, вносящие в общество «ежегодно по одному рублю или единовременно 20 рублей». Согласно примечанию к § 5 «местный епархиальный архиерей и губернатор по своему положению состоят почётными членами, если изъявят на то согласие» [5].

Далее: «§ 6. Члены Общества обязаны соблюдать следующие правила: 1) совершенно и безусловно отказаться от употребления спиртных напитков; ... 3) отказаться от угощения других крепкими напитками; 4) распространять сведения о вреде пьянства и приглашать других присоединяться к Обществу Трезвости для борьбы с пьянством».

История деятельности общества такова. В 1902–1904 гг., как и позднее, по воскресеньям в церковно-приходской школе проводились религиозно-нравственные чтения (часть статей обличала пьянство) с фонарём (проектором) и пением церковного хора. Слушателей в среднем было от 320 до 460. В 1902 г. 23 июня и 18 августа открылись две дешёвые чайные-столовые, где можно было послушать граммофон и прочесть газеты и журналы. Первая из них, расположенная близ устья

р. Ушайки, действовала до октября 1905 г. Вторая, на Воскресенской горе, была закрыта как убыточная в 1903 г.

В 1902 г. проведено народное гулянье в городском саду с выручкой 35 р. 38 к. Бедному члену-основателю В.Я. Утенкову (1840–1906) выдавалось бесплатное содержание, он жил в комнате при чайной-столовой.

В 1903 г. число членов снизилось по сравнению с 1902 г. почти втрое — с 492 до 159. Это объяснялось, во-первых, «голодом на образы»: обществу не хватало красивых зримых образов и открытых действий. Например, часть членов Никольского общества перешла в Казанское (в г. Казань) общество, которое бесплатно выдавало членам серебряные жетоны по 3 р. и высылало свой журнал «Деятель» по 2 раза в год. (Значком и присланным журналом можно было гордиться!) Во-вторых, к православно-охранительному обществу неодобрительно отнеслись томские городская дума и управа, газеты «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», «томские миллиончики» [6, с. 7–9, 13; 4, с. 32]. Это последнее обстоятельство лишало трезвенников поддержки влиятельной либерально-буржуазной и демократической части томской публики. (Отметим, что члены общества, по данным его отчётов, были «преимущественно из простонародья», «бедными чернорабочими». Никольский приход находился в небогатом районе «Уржатка».)

Положение удалось отчасти исправить, когда с 1903 г. в день Казанской иконы Божией Матери, 22 октября, стал проводиться ежегодный праздник общества с крестным ходом от Никольского храма к Иверской часовне и архиерейскому дому, где проходили молебны и чтения с участием епископа. В 1904 г. почетный член общества профессор, заведующий кафедрой нервных болезней и психиатрии университета М.Н. Попов прочёл в обществе несколько замечательных лекций на тему «Как обыкновенные люди делаются пьяницами» [7, с. 7–8]. Возможно, что именно вследствие названных мероприятий число членов общества в 1904 г. выросло со 159 до 197 (табл. 1).

Революция 1905–1907 гг. привела к спаду трезвенного движения. Многие отошли от общества, в нём осталось лишь несколько десятков преданных деятелей. В дни октябрьских событий 1905 г. пришлось закрыть столовую в устье Ушайки. К концу года была построена аудитория Никольского общества на Уржатке, где стали проводиться воскресные чтения.

Двадцать третьего февраля 1906 г. обществом была открыта воскресная общеобразовательная школа, работавшая до марта 1911 г. За 1906–1910 гг. в ней обучилось грамоте 523 человека обоего пола в возрасте в основном от 15 до 25 лет: рабочих, швей, прислуги, служащих магазинов, домохозяек [7, с. 13–14].

Таблица 1
Число членов Никольского общества трезвости
(на 31 декабря соответствующего года)

Год	Члены				Всего	В % к 1902 г.
	Мужчины	Женщины				
		абс.	в % к итогу			
1901				50		
1902				492	100	
1903				159	32,3	
1904	187	10	5,1	197	40,0	
1908	99	–	–	99	20,1	
1910				111	22,6	
1911				184	37,4	
1913	237	40	14,4	277	56,3	
1914	275	46	14,3	321	65,2	
1915	277	48	14,7	327	66,4	

Примечание. Учтены члены всех категорий: почётные, пожизненные, действительные [8, с. 70].

Подъёму трезвенного движения в 1908–1912 гг. способствовала деятельность Комиссии «О мерах борьбы с пьянством» III Государственной думы, образованной 11 декабря 1907 г., а также принятое под влиянием Комиссии определение Св. Синода от 4–6 июня 1909 г. «О борьбе с пьянством в народе». Последнее было энергично поддержано архиепископом Макарием. Шестнадцатого ноября 1909 г. в Томске открылось Сретенское общество трезвости при Сретенской церкви (табл. 2 [8, с. 70]). Товарищем председателя, а затем председателем стал настоятель храма священник П.Н. Комаров (1868 – после 1915). Общество проводило чтения, построило собственную аудиторию.

Таблица 2

Число членов Сретенского общества трезвости
(на 31 декабря соответствующего года)

Год	Члены				
	Мужчины	Женщины		Всего	В % к 1910 г.
		абс.	в % к итогу		
1910	75	5	6,7	80	100
1911	76	6	7,9	82	102,5
1912	89	5	5,6	94	116,3
1914	88	16	18,2	104	130
1915	31	6	16,2	37	45

В мае 1911 г. Никольское и Сретенское общества приняли участие в общероссийской кампании посылки прошений к членам III Думы о необходимости принять законопроект о мерах борьбы с пьянством. Шестого – двенадцатого августа 1912 г. С.А. Сосунов и П.Н. Комаров участвовали в Москве во Всероссийском съезде практических деятелей по борьбе с алкоголизмом.

В 1913–1914 гг. трезвенное движение получает открытую поддержку Николая II, стремившегося найти в нём дополнительную опору для укрепления положения в стране. В результате стало возможным проведение открытых трезвенных действий. В рамках Первого, Второго и Третьего российских праздников трезвости в Томске местные общества при поддержке властей провели 28–29 апреля 1913 г., 11–12 мая 1914 г. и 3 мая 1915 г. городские праздники трезвости с крестными ходами, чтением антиалкогольных лекций, сбором пожертвований, продажей значков и раздачей брошюр. В ходе первого из них 29 апреля 1913 г. по распоряжению попечителя Западно-сибирского учебного округа И.А. Лаврентьева во всех учебных заведениях Томска первый урок был посвящен лекции о пользе трезвости и вреде пьянства [8, с. 67–68].

С расширением движения появилась необходимость создать объединяющий орган, и 26 ноября 1913 г. в Томске открылось Епархиальное братство трезвости имени св. Иннокентия (Иннокентьевское епархиальное братство трезвости. Председатель — С.А. Сосунов, с 1914 г. — П.Н. Комаров). Оно

помогало проводить работу церковно-приходским обществам трезвости обширной Томской епархии, к концу 1914 г. издало 11 листовк противоалкогольного содержания. В отчёте братства за 1913–1914 гг. указывалось, что под его влиянием в 1914 г. «...открылись общества трезвости в больших сёлах по бывшему большедорожному Иркутскому тракту: Семилужном и Ишимском, население которых издавна привыкло к пьяной жизни. В селе Семилужном под влиянием убеждений священника приговором сельского общества [казённая] винная лавка закрылась навсегда, а в селе Ишимском, как пишет священник, наблюдается течение среди крестьян в пользу закрытия винных лавок во всём Ишимском приходе» [9, с. 641]. В январе 1914 г. в с. Кривошеинском Томского уезда¹ местный отдел Русского народного союза Михаила Архангела открыл общество трезвости, в котором проводились чтения с «туманными картинками».

В связи с началом первой мировой войны появились новые формы работы. Так, 29 октября 1914 г. по распоряжению епископа Томского Анатолия при Никольском обществе трезвости был открыт «детский кружок», который явился, как указывалось в отчёте общества, «...полезным развлечением для детей, отцы которых ушли на войну. Своими целями кружок поставил: во-первых, помочь родителям в воспитании детей, во-вторых, отвлечь детей от уличной жизни. Для достижения этих целей в каждый воскресный день в два часа пополудни предлагались детям чтения: 1) веро-нравоучительное, 2) общеобразовательное, 3) пение церковных кантат». Число слушателей увеличивалось и дошло до 800. Чтения посещали учащиеся как церковной школы, так и школ Министерства народного просвещения. Вследствие переполненности аудитории детям министерских школ даже пришлось отказываться [1, с. 3–4].

Движению оказывали покровительство наиболее дальновидные представители церковной и гражданской власти. В 1902–1916 гг. сменявшие друг друга томские архиереи и губернаторы были почётными членами Никольского общества трезвости, время от времени присутствовали и выступали на его чтениях. В 1916 г. в связи с тяготами первой мировой войны трезвенное движение ослабло. После февраля 1917 г. под воздействием революции церковные общества трезвости на

¹ Ныне районный центр с. Кривошеино.

земле Томской, как и по всей стране, прекратили своё существование. (Светских обществ в этом регионе не было.)

Итак, за короткий исторический период, с конца XIX в. по 1916 г., трезвенное движение на земле Томской прошло путь от одиночек до организаций, объединённых в пределах целой епархии (губернии), добившихся признания властей и передовой части населения. Церковные общества трезвости проводили большую работу, которую можно отнести к социальной: антиалкогольное и духовное просвещение, обучение грамоте в воскресной школе, материальная помощь бедным, устройство разумных развлечений, сплочение разных социальных слоёв. Всё это способствовало оздоровлению граждан, семей и общества в целом, увеличивало возможности для мирного развития страны. Опыт трезвенной работы нуждается в изучении и применении в современных условиях.

Список литературы

1. Отчёт Первого Томского общества трезвости при Никольской церкви за 1914 год. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1915. – 20 с.

2. Комаров П. Трезвенное дело в Томской епархии и Московский Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом / П. Комаров. – Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1912. – 47 с.

3. Отчёт общества трезвости при Попечительстве градо-Томской Никольской церкви за 1902 год. – Томск, 1903. – 21 с.

4. Бельтюков П. Из жизни Томского общества трезвости за 1906 г. / П. Бельтюков // Вестник трезвости. – СПб. – 1907. – № 154. – С. 30–34.

5. Устав Томского общества трезвости, состоящего при попечительстве градо-Томской Никольской церкви. – Томск, 1911. – 10 с.

6. Отчёт общества трезвости при попечительстве градо-Томской Никольской церкви за 1903 год. – Томск, 1904. – 29 с.

7. Десятилетие Никольского общества трезвости, состоящего при попечительстве градо-Томской Никольской церкви. – Томск, 1911. – 21 с.

8. Афанасьев А.А. Трезвенное движение в России в период мирного развития: 1907–1914 годы. Опыт оздоровления

общества : моногр. / А.А. Афанасьев. – Томск: Томск. гос. ун-т. систем упр. и радиоэлектроники, 2007. – 196 с.

9. Краткий отчёт о деятельности Иннокентьевского епархиального общества трезвости за 1913–1914 г. // Томские епархиальные ведомости. – 1915. – № 15. Ч. неофициальная. – С. 636–643.

Е.Н. Афанасьева

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Одной из важнейших задач существующей системы социальной защиты населения является реабилитация лиц с ограниченными возможностями. Социальная политика в отношении граждан, имеющих ограничения жизнедеятельности, определяется необходимостью обеспечения равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества, социальной и правовой защищенности, поддержания достойного жизненного уровня, создания условий для активной трудовой деятельности.

Качество жизни этой многочисленной социально не защищенной категории населения является показательным индикатором социально-экономических проблем общества и эффективности государственной системы социальной поддержки и реабилитации.

Социальная реабилитация инвалида представляет собой систему и процесс полного или частичного восстановления способностей к самостоятельной общественной и семейно-бытовой деятельности [1, с. 27]. В неё входят социальная адаптация и социально-средовая ориентация.

Система социальной адаптации включает в себя производственную, бытовую и досуговую адаптацию. Производственная адаптация — важнейший фактор социальной адаптации, при котором в индивиде наряду с профессиональными умениями и навыками постоянно мобилизуются социально-психологические, биофизиологические стороны развития. Бытовая адаптация решает различные аспекты в формировании

определенных навыков, установок, привычек, направленных на восстановление нормальной жизнедеятельности инвалида, и охватывает различные отношения, складывающиеся в его социальном окружении. Досуговая адаптация предполагает формирование установок, способностей к удовлетворению эстетических переживаний, стремление к поддержанию здоровья, физического совершенства [2, с. 158].

Важное место в системе социальной работы с инвалидами занимает также социально-средовая ориентация. Это система и процесс определения структуры наиболее развитых функций инвалида с целью последующего подбора на этой основе вида общественной или семейно-общественной деятельности [3, с. 176]. Она может быть охарактеризована как выявление и развитие с помощью специальных процедур (психологической диагностики, коррекции и консультирования, социокультурной реабилитации, обучения социальным навыкам и общению) потенциальных внутренних ресурсов инвалида, не используемых должным образом, и как изыскание и привлечение внешних ресурсов, которыми клиент еще не воспользовался. При этом человек рассматривается социальными работниками как комплекс ресурсов, способностей и возможностей, используемых для исполнения жизненных функций и достижения поставленных целей. При подборе мероприятий социально-средовой ориентации необходимо учитывать дифференциацию развития физиологических, психологических и интеллектуальных способностей инвалида, принимать во внимание социальный статус, состояние здоровья, возрастные ресурсы.

Любой вид социальной реабилитации требует не только определенных способностей индивида, но и хорошо организованной профессиональной деятельности со стороны органов социальной работы различного профиля, предназначенных для помощи человеку в адаптационном процессе. Поэтому возрастает роль специалистов по социальной работе различных служб помощи населению, призванных использовать свою профессиональную компетенцию для содействия в восстановлении позитивных взаимоотношений человека с социальной средой. Важнейшая функция социальной работы заключается в том, чтобы создавать связующие звенья между нуждающимися гражданами и социальными структурами, которые могут быть полезны в решении их проблем, и вовлекать клиентов в социальные связи для активизации внутреннего потенциала.

Необходимо отметить ряд недостатков действующей в настоящее время системы учреждений реабилитации граждан с ограниченными возможностями:

- отсутствие в отдельных регионах реабилитационных центров соответствующего профиля, труднодоступность реабилитационных учреждений в силу их территориальной удаленности и неприспособленности социальной инфраструктуры к потребностям граждан с ограничениями способности к передвижению;

- отсутствие квалифицированных специалистов и услуг по социально-психологической реабилитации;

- несвоевременное предоставление технических средств реабилитации;

- отсутствие подходящих вакансий для инвалидов в отделениях службы занятости.

Опыт работы специалистов учреждений медико-социальной экспертизы по оценке реализации индивидуальных программ реабилитации инвалидов показывает, что причина неполного или несвоевременного выполнения реабилитационных рекомендаций нередко заключается в недостаточной скоординированности действий реабилитационных учреждений различного профиля, в отсутствии единого координирующего центра, помогающего инвалиду в прохождении всего реабилитационного маршрута. Практика также показывает, что в процессе реабилитации инвалидов недостаточно активно задействованы учреждения культуры, спорта, коммерческие организации и средства массовой информации. При этом данные учреждения располагают реальными возможностями содействия реабилитации и интеграции в общество граждан с ограниченными возможностями.

Актуальной задачей современной социальной политики является поиск механизмов координации деятельности учреждений, задействованных в процессе социальной реабилитации граждан с ограничениями жизнедеятельности. Нужна эффективная, слаженная система социальной помощи, обеспечивающая реализацию установленных законодательством мероприятий и поиск новых форм организации работы, в том числе социокультурной, социально-психологической, отвечающей потребностям инвалидов и способствующей восстановлению активной жизненной позиции.

Важно способствовать тому, чтобы клиенты помогали себе, чтобы инвалид имел возможность рассмотреть свою компетенцию и способности, поверить в собственные силы, научиться самоконтролю и позитивной самооценке, управлять собой и своими общественными ролями. Для этого специалистам реабилитационных учреждений следует уделять внимание общению с клиентами реабилитационных учреждений, работать над повышением их мотивации к участию в реабилитационном процессе, применять индивидуальный подход в подборе способов выполнения мероприятий, внесенных в индивидуальную программу реабилитации инвалида. Необходимо проведение квалифицированной психологической коррекции жизненных установок инвалидов — выработка активной жизненной позиции, стремления к реабилитации и трудоустройству. Формирование активной жизненной позиции у клиента во многом определяет успешность реабилитационного процесса, конечной целью которого является способность человека вести полноценную, успешную жизнедеятельность в условиях сложившейся конкретной жизненной ситуации.

Список литературы

1. Деятельность специалиста по социальной работе в учреждениях медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов : метод. рекомендации / Андреева О.С. [и др.] – М.: ФЦЭРИ, 2003.
2. Антипьева Н.В. Социальная защита инвалидов в Российской Федерации: Правовое регулирование: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – 224 с.
3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 ноября 1995 года (в редакции ФЗ от 31.12.2005 № 199-ФЗ) // Информационно-правовая система «Консультант плюс».

М.В. Берсенева, И.А. Мусабинов

**ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ
КАФЕДРЫ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
В ПРОЦЕССЕ ГРУППОВОГО ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ
КАК ЗНАНИЕВЫЙ ЦЕНТР И ПРОЕКТНЫЙ ОФИС
В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ**

По мере того как всё более интегрированной в учебный процесс становится технология группового проектного обучения (ГПО), возникает необходимость в более осознанном, системном подходе к организации процесса ГПО с обращением внимания к его подпроцессам и задействованным в нём ресурсам. При этом анализ эффективности использования ресурсов не должен и не может происходить в отрыве от целей и показателей эффективности самого процесса ГПО (надсистемы) и опираться только на внутренние по отношению к ресурсу показатели [1].

В полной мере это должно приниматься во внимание и при рассмотрении такого важного инструмента ГПО, как организованная на кафедре ИСР лаборатория СП (здесь и далее так будем обозначать лабораторию социального проектирования). Лаборатория СП выступает как место сбора и обработки требуемой информации. В том числе это касается информации, требующейся для реализации конкретных проектов.

В настоящий момент в лаборатории СП организован доступ к Интернет-ресурсам томской и внешней сетей, существует каталог сайтов, необходимых для работы с проектами, который постоянно пополняется. Проводятся фокус-группы, в лаборатории образовалась коммуникативная площадка по обмену опытом, что необходимо для формирования и развития команды [2]. Вместе с тем следует признать, что потенциал лаборатории еще не раскрыт до конца.

Если рассматривать лабораторию СП с точки зрения отдельных проектов, то увеличение ее эффективности должно заключаться в большей «полезной загрузке» внутри проектов. Однако эффективность должна анализироваться не исходя из каких-то искусственных внутренних показателей и даже не из показателей использования в конкретных проектах, а по от-

ношению к процессу ГПО вообще, так как целевая функция лаборатории СП как системы может быть задана только в рамках надсистемы [1, 3].

При этом важно понимать отличие между проблемами, возникающими в ходе каждого конкретного проекта, и проблемами процесса группового проектного обучения. Первые — локальны, влияют только на успех конкретного проекта (и в меньшей степени на успех последующих проектов, руководителя и членов проектной группы); вторые же влияют на большинство или даже на каждый из проектов — как текущих, так и будущих. По итогам анализа опыта ГПО на кафедре ИСР, проведенного рядом руководителей проектных групп, выявлен ряд проблем (по большей части технологических), характерных для процесса ГПО на кафедре в целом.

Среди таких общих проблем — недостаточное (как минимум, к моменту начала участия в ГПО) владение студентами практическими навыками, технологиями и методами, а подчас и знаниями, необходимыми для реализации социальных проектов, в том числе и в области прикладных информационных технологий, технологий проектного управления, социологических исследований. В настоящий момент эти и другие проблемы решаются проектными группами самостоятельно, в меру компетентности руководителей и добросовестности членов группы. Результат проекта в той или иной степени достигается за счет пересмотра целей конкретного проекта для их приведения в соответствие с фактическими способностями участников.

С точки зрения процесса ГПО этот подход малоэффективен и нерационален, так как предполагает повторное решение «с нуля» одних и тех же типовых проблем в каждом проекте. При этом увеличиваются суммарные трудовые затраты и, что даже более важно, не обеспечивается улучшение повторных решений проблемы на основе обратной связи. В свете этого подхода используется большинством проектных групп и лаборатория СП. Из доступных ресурсов берутся для решения схожих проблем рецепты, качество которых зависит как от компетентности участника группы в формулировке запроса, так и от обработки информации в проектной группе. При этом в общем случае и исполнитель-студент, и руководитель проектной группы, и группа в целом обеспечиваются информацией, не всегда приводящей к нахождению лучшего (или хотя бы

эффективного) решения. Последствия могут быть малозаметными (а могут быть и провальными) для конкретного проекта, но сказываются как на профессиональном уровне исполнителя, так и на будущих проектах руководителя проектной группы (повторно задавать вопросы, на которые, казалось бы, известен ответ, будут далеко не все).

Частично эта проблема решается путем внешней оценки работ и обмена опытом в традиционных формах — публикаций, конференций и т. д. Вместе с тем постоянное обновление контингента исполнителей-студентов, динамичный характер процесса ГПО и другие факторы не позволяют говорить о возможности использования традиционных форм обмена опытом в качестве единственных. Исходя из этих же посылок, в практике управления проектами формулируется требование к построению системы управления знаниями как одной из функций процесса управления проектами вообще [3, 4].

Система знаний должна обеспечивать накопление опыта, фиксирующегося в доступной для всех текущих и будущих проектных групп форме. Этот опыт включает в себя не только результаты проектов в форме стандартных отчетов, но и решения, приемы, методики и инструментарий, примененные на каждой стадии каждого проекта. При этом необходима и аналитическая составляющая, призванная выявить, опять же, не только лучшие по заданной и адаптируемой системе критериев проекты (разработка и адаптация которых и сама является одной из задач аналитического компонента), но и лучшие практики, инструменты, пригодные на каждом этапе проекта.

Опуская сейчас вопрос о детальном описании такой системы применительно к ГПО, так как подробное его рассмотрение далеко выходит за рамки настоящей работы, обрисуем контурно роль лаборатории СП в реализации данной системы. В этом смысле лаборатория СП становится не только и не столько местом сбора и обработки требуемой информации, сколько центром управления знаниями (которые мы без претензий на универсальность определим для целей работы как информацию в релевантном контексте), или знаниевым центром. Структурно эта система может быть реализована на базе ИТ коллективного создания контента, например таких, как wiki-системы, однако технологический вопрос вторичен. При этом, как указывалось выше, неотъемлемой и тесно переплетенной с управлением

знаниями функцией становится и функция анализа проектного знания, его структурирования и оценки. Применительно к процессу ГПО эта функция подразумевает оценку и отбор наилучших способов, методов, решений (best practices), разработанных в рамках проектов, для их последующего внедрения в учебный процесс, а также для формирования портфолио кафедры, имеющего самостоятельную методическую, а в некоторых случаях и коммерческую ценность.

С практическим осознанием этих двух функций лаборатория СП приобретает, в неразрывной связке с ответственным персоналом кафедры ИСР, значение проектного офиса [5, 6], с одной стороны, играющего роль знаниявого центра, а с другой стороны, предоставляющего для каждого конкретного проекта услуги аутсорсинга части повторяющихся функций. Очевидно, что такой подход, обеспечивающий эффективное использование лаборатории СП с точки зрения процесса ГПО, требует изменений в организации процесса вообще, его целеобусловленного реинжиниринга.

В настоящий момент этому препятствует ряд факторов, в том числе: неготовность как руководителей, так и исполнителей к межгрупповому взаимодействию, а точнее, изоляционизм, вызванный отсутствием опыта такого взаимодействия, по сути являющегося разработкой коллективного блага [7]; недостаточный опыт всех участников процесса в использовании релевантных информационных технологий; организация требований к ГПО, обуславливающая (в лучшем случае) фиксацию только результатов работы, а не процесса решения проблем, включающего поиск и проработку альтернатив и их анализ. Безусловно, детальная проработка организации процесса ГПО и роли лаборатории СП в нём является сложной и комплексной задачей, требующей участия всех субъектов процесса в целом, однако уже сейчас можно выделить основные направления как модификации процесса ГПО, так и работы лаборатории СП для постепенного перехода к требуемому подходу.

Первым шагом на этом пути может служить процесс фиксации и обмена между проектными группами на всем протяжении проектов опытом реализации, фокусирующимся не на результатах проекта (их внешняя оценка происходит по итогам проекта в целом), а на возникающих в процессе проектирования сложностях, проанализированных источниках, информационных ресурсах и технологиях, с уделением внимания

процессу выбора альтернативных решений, логике такого выбора. При этом фиксация такого опыта должна сопровождать промежуточные этапы отчетности по проекту, а обмен опытом происходит в рамках неформальной коммуникации между проектными группами. На этом шаге лаборатория СП может выступать в качестве дружественной коммуникативной площадки, снижающей формальность процесса не в ущерб эффективности, и места фиксации результатов.

Несмотря на то что поднятые вопросы требуют дальнейшего рассмотрения и детализации как с научной, так и с практической точки зрения, при должном подходе к вышеуказанным шагам можно обеспечить полезное использование лаборатории СП в процессе ГПО и поднять качество ГПО в целом, в том числе обеспечить большую подготовленность студентов к решению реальных задач, которые встретятся им в профессиональной деятельности, и потенциально сформировать базу для создания профессионального методологического портфолио кафедры ИСР.

Дискуссионным можно считать вопрос о необходимости такого знаниевого центра вне контекста ГПО. Вместе с тем в защиту такого подхода наберётся достаточное число весомых аргументов. Во-первых, акцент на практической ориентированности обучения по мере перехода на двухуровневую систему образования не ослабевает, а усиливается. При этом доля проектной деятельности в специфике практической соцработы весьма внушительна, то есть потребность готовить выпускников, обладающих максимально практико-ориентированными технологическими навыками как в предметной области, так и в реализации проектов, очевидна. Технически вместо обособленного процесса ГПО концепцию знаниевого центра и соответствующую систему управления знаниями можно использовать, адаптировав соответствующим образом «обычные» образовательные, контрольные и научно-практические мероприятия. Во-вторых, описанная выше система очевидным образом является средством повышения конкурентоспособности кафедры и как поставщика образовательных услуг, и как поставщика научно-практических работ. И наконец, в-третьих, еще более возрастает роль такого знаниевого центра в процессе возможной подготовки площадки к обучению студентов на второй, магистерской, ступени высшего образования.

Список литературы

1. Буторин В.К. Прикладной системный анализ: концептуальный подход / В.К. Буторин, А.Н. Ткаченко, С.А. Шипилов. – Кемерово: Кузбассвузиздат: АСТШ, 2006. – 323 с.
2. Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие / В.А. Луков. – 7-е изд. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета: Флинта, 2007. – 240 с.
3. Дрогобыцкий И.Н. Системный анализ в экономике / И.Н. Дрогобыцкий. – М. : Финансы и статистика, 2007. – 512 с.
4. Каллингэм Мартин. Маркетинговые исследования глазами заказчика: Как и для чего организации используют исследования рынка / Мартин Каллингэм. – Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2005. – 272 с.
5. Ильин В.В. Проектный офис – Центр управления... проектами. Системный подход к управлению компанией / В.В. Ильин. – М. : Вершина, 2007. – 264 с.
6. Сантосус М. Служебная дисциплина: зачем нужен проектный офис / М. Сантосус // Директор ИС. – 2003. – № 12. – URL: http://www.osp.ru/cio/2003/12/173054/_p1.html.
7. Bandiera O. Cooperation in collective action / O. Bandiera, I. Barankay, I. Rasul // Economics of transition. – URL: <http://econ.lse.ac.uk/staff/bandiera/collective.pdf>.

А.Э. Бурмакин

ПРЕДМЕТ «СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ» И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ

Работа с молодёжью требует от специалиста не только исключительных личных качеств, организаторских способностей, широкой эрудиции, но и конкретных предметных знаний в самых разных областях науки. Особенно актуальным это становится, когда речь заходит о воспитании подрастающего поколения и, в частности, об экологическом воспитании.

Большинство исследователей приходит к выводу о том, что главной причиной настоящего экологического кризиса, истощения и деградации природы является ориентация современной цивилизации на потребление. Потребляя всё больше,

человек забывает о том, что его материальные потребности могут расти беспредельно, в то время как ресурсы биосферы, призванные их удовлетворять, исчерпаемы. Именно экологическое воспитание, начинаемое с самых ранних лет жизни ребёнка, способно изменить варварское отношение человека к природе и противостоять потребительской идеологии. «Ещё в семье и в дошкольные годы ребёнок должен получить некоторые начальные сведения об окружающем мире, природе, о необходимости и целесообразности бережного отношения к растениям и животным, о сохранении чистой воды, воздуха, земли» [1, с. 33].

Экологическое воспитание и экообразование — это «непрерывный процесс обучения, направленный на усвоение систематизированных знаний об окружающей среде, умений и навыков природоохранной деятельности, формирование общей экологической культуры» [2, с. 114]. Они должны присутствовать и в научном, и в дополнительном образовании.

В формировании у молодого человека соответствующего мировоззрения могут и должны сыграть свою роль специалисты по работе с молодёжью. И неоценимую услугу в этом им окажет изучение социальной экологии.

Социальная экология — это сравнительно новая область знания. Она возникла на «стыке» многих дисциплин, и до настоящего времени нет единой точки зрения на её предмет. Тем не менее большинство авторов считает, что объектом социальной экологии является система «общество — природа», а специфическим её предметом — закономерности развития системы «общество — природа», сложные и многогранные отношения в структуре «общество — человек — техника — природная среда», а также пути оптимизации и гармонизации отношений в этой области [3, с. 64–76].

Современный этап развития социальной экологии связан с резким обострением экологических проблем во второй половине XX века. Необходимость незамедлительного решения этих вопросов нашла отражение в деятельности многих общественных организаций, и прежде всего в деятельности «Римского клуба», который впервые выступил с научно обоснованными прогнозами последствий загрязнения окружающей среды.

Учёные на большом фактическом материале доказали, что мир как целостность имеет очевидные пределы роста (знаменитый доклад 1972 года «Пределы роста»), преодоление кото-

рых неизбежно приводит к коллапсу. Поэтому, пока не поздно, мир должен выработать стратегию развития, обеспечивающую каждому жителю нашей планеты базовые материальные средства, а миру в целом — условия экологической стабильности [4, с. 29–34].

Формируясь в качестве специфической науки, социальная экология выделяет три главных направления исследований.

1. Изучение взаимоотношений общества и природы на глобальном уровне, взаимоотношений человечества с биосферой и космосом.

2. Социальная экология в узком смысле — отношение различных социальных групп и классов к окружающей среде и структура этих взаимоотношений.

3. Экология человека — взаимоотношения человека как индивида с природной средой, сохранение его здоровья, прогноз возможных изменений в здоровье населения под воздействием неблагоприятных факторов окружающей среды [5, с. 21–22].

В процессе своего развития социальная экология выработала ряд важнейших принципов: человечество, как и любая другая популяция, не может расти беспредельно; общество в своём развитии должно учитывать меру биосферных воздействий; устойчивое развитие общества зависит от своевременности перехода к альтернативным ресурсам и технологиям; любая преобразующая деятельность общества должна основываться на экологическом прогнозе; освоение природы не должно уменьшать разнообразия биосферы и ухудшать качество жизни людей; устойчивое развитие цивилизации зависит от нравственных качеств людей, каждый несёт ответственность за свои действия перед будущим; надо мыслить глобально, а действовать локально; единство природы обязывает человечество к сотрудничеству [6, с. 184].

Социальная экология самым тесным образом связана с такими науками, как экономика, медицина, демография, юриспруденция, философия, этика, биология, геология и география, экологическая политика [5, с. 20]. Интегрируя данные различных наук, «...социальная экология призвана уяснить и помочь преодолеть разрыв между человеком и природой, между гуманитарным и естественно-научным знанием» [7, с. 11]. Большое внимание социальная экология уделяет анализу современных проблем окружающей среды, конкретным последствиям её загрязнения и возможным путям выхода

из существующего кризиса. Также рассматриваются экологические движения, их роль в экологической политике и решении экологических проблем. Особо подчёркивается важность экологической культуры и экологического сознания. Очевидно, что социальная экология представляет собой основу экологического воспитания и поэтому должна быть включена не только в учебные программы студентов специальности «Организация работы с молодёжью», но и в программы других гуманитарных и негуманитарных специальностей.

Список литературы

1. Моисеев Н.Н. Историческое развитие и экологическое образование / Н.Н. Моисеев. – М., 1995.
2. Экологическое образование и устойчивое развитие. – М., 1996.
3. Комаров В.Д. Социальная экология — философские аспекты / В.Д. Комаров. – Л., 1990.
4. Бганба В.Р. Экологическая этика / В.Р. Бганба, В.Р. Церера. – М., 1998.
5. Горелов А.А. Социальная экология : учеб. пособие / А.А. Горелов. – М.: МПСИ: ФЛИНТА, 2004.
6. Козлова Т.А. Экология / Т.А. Козлова, Т.Е. Сухова, В.И. Сивоглазов. – М., 1996.
7. Бганба В.Р. Социальная экология: учеб. пособие / В.Р. Бганба. – М.: Высшая школа, 2004.

Н.А. Грик, Л.Н. Дубовская

**ПРАКТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ
РАБОТНИКОВ: ИЗ ОПЫТА СОДРУЖЕСТВА ТУСУРА
И КОМПЛЕКСНОГО ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Процессы, происходящие сегодня в социальной работе как академической дисциплине и профессиональной практике, свидетельствуют о том, что характер этой профессии в современном мире меняется. Из специфической деятельности с четкими границами между теорией и опытом, образованием и практикой, между специалистами и клиентами она эволюционирует в направлении признания равных, партнерских отношений преподавателя, специалиста, клиента, где практический опыт приобретает все больший вес наряду с академической подготовкой. Подобный характер изменений, в частности, выражается в замене термина «клиент» понятиями «пользователь услуг», «потребитель услуг», «участник», «член группы поддержки» [1, с. 329].

В последние годы растет признание того, что отношения теории и практики в помогающих профессиях должны быть более близкими и взаимными, т.е. не только практика соотносится согласно теоретическим постулатам, но и теория развивается из переосмысления практического опыта. Вместе с тем, как справедливо замечает М. Пэйн, клиенты и их надежды являются сущностью социальной работы, именно они делают ее такой, какая она есть. Своей теоретической и практической деятельностью социальные работники, клиенты и социальные службы в какой-то степени влияют на ожидания общества, политические и социальные процессы [2, с. 10]. В то же время социальная работа испытывает на себе мощное влияние господствующих социальных, экономических и культурных факторов. Поэтому знания, умения и ценностные ориентации, получаемые студентами в процессе обучения, могут не полностью соответствовать тем требованиям, которые выдвигает реальная практика в стране, регионе, области.

Как показывают исследования отечественных и зарубежных ученых и практиков, готовность будущего специалиста к самостоятельной деятельности не может рассматриваться вне связи с профессиональной компетентностью социального работника. Так, с одной стороны, профессиональные качества субъекта деятельности рассматриваются в контексте проявления психологических особенностей личности, необходимых для усвоения специальных знаний, умений и навыков, обеспечивающих требуемую эффективность профессионального труда. С другой стороны, предъявляемый к современной социальной работе комплекс требований (динамичность развития, системность и комплексность оказываемой поддержки, ее адресный характер и др.) в целом может быть достигнут только за счет обеспечения компетентности как в деятельности соответствующих служб, так и отдельного социального работника.

Профессиональное мастерство социального работника представляет собой совокупность качеств, отражающих степень его квалификации, уровень знаний и навыков, готовность и способности, связанные с осуществлением комплекса мер по социальному обслуживанию населения. Если оценивать основную роль социального работника, то он является специалистом, уполномоченным государством оказывать помощь человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации.

Потребности в поиске качественного решения столь сложных задач актуализируют проблему оптимизации курса практической подготовки будущих социальных работников в вузе. Тривиальный факт: успех практической подготовки во многом зависит от характера и качества ее организации. Речь идет об отношениях между университетом и учреждением социальной работы: использование обучения на рабочем месте как формы подготовки специалистов.

С 2001 г. кафедра истории и социальной работы ТУСУРа плодотворно сотрудничает с ОГУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Томской области» (КЦСОН), имеющим серьезную материальную базу, интересный и в чем-то уникальный опыт работы. Практика, организованная в учреждении, является неотъемлемой составной частью учебного процесса и выступает средством формирования у студентов профессиональных навыков и умений. Она четко согласуется с требованиями Государственного образовательного стандарта по специальности «Социальная работа» и выполняет ознакоми-

тельную, учебную, производственную, преддипломную функции.

Целями деятельности данного учреждения являются оказание семьям и отдельным гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, помощи в реализации законных прав и интересов, содействие в улучшении их социального и материального положения, а также психологического статуса. Для выполнения указанных целей КЦСОН осуществляет следующие виды деятельности: социально-экономические, социально-правовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-бытовые, а также санаторно-курортное лечение граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи в полустационарных и стационарных условиях.

Подобная многопрофильность функционирования учреждения позволяет студентам более комплексно и успешно проходить практику, знакомясь с различными категориями граждан, нуждающихся в социальной защите, поддержке, обслуживании. Все студенты первого курса во время ознакомительной практики посещают центр, специалисты которого рассказывают им об истории, основных направлениях работы, знакомят со всеми его службами. На втором и третьем курсах часть студентов проходит учебную практику в КЦСОН, а на пятом — производственную и преддипломную. Как правило, студенты старших курсов выполняют курсовые работы на материалах этого учреждения. Кроме того, несколько учебных дисциплин студенты изучают в центре. Его сотрудники подготовлены к приему практикантов, обладают навыками педагогов-наставников. Студенты под их руководством не только наблюдают, подражают, но и получают возможность самостоятельно выполнять задания, включающие фазы планирования, воздействия, оценки и подведения итогов.

Для эффективной реализации практики центр представляет собой хорошо оснащенную полноценную базу с двумя отделениями и службой экстренной социальной и психолого-психотерапевтической помощи. В рамках социально-психологической службы работает «Телефон доверия». Материальная помощь осуществляется «Салоном дареных вещей». В отделении реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями работают спортивные залы с тренажерами и оборудованием для развития двигательных функций у детей

с детским церебральным параличом, нарушением осанки, задержкой психического и моторного развития; физиотерапевтический кабинет; массажный кабинет. Для проведения психотерапевтических вмешательств предлагаются арт-терапия, музыкотерапия, ипотерапия. В планах отделения стоят задачи разработки программ психотерапевтических вмешательств с учетом психологических особенностей детей и организации семейно-ориентированного подхода к обучению новым приемлемым формам поведения, совместной работы с родителями.

Отделение социальной реабилитации и правовой помощи инвалидам, ветеранам войны и труда осуществляет психологическую и социально-культурную реабилитацию, социально-медицинскую помощь (ЛФК, ФТО, галотерапия, теплечение, фитотерапия, массаж и др.) лицам старшего возраста. В центре функционирует методический кабинет, разрабатывающий и координирующий реабилитационные мероприятия, осуществляющий стратегическое планирование взаимодействия с организациями в целях повышения эффективности оказания социальной поддержки лицам старшего возраста.

Все это создает благоприятные условия для более полного осознания студентами ценности социальной работы, формирует и развивает профессиональные отношения с клиентами в процессе оказания им помощи, воспитывает ответственность перед ними, социальным учреждением. Здесь же студентам приходится встречаться с этическими дилеммами и учиться разрешать их, применяя на практике знания о поведении и потребностях человека, о ресурсах помощи клиентам. Совсем по-другому, тщательно и основательно, они вынуждены обращаться к изучению нормативных документов по социальному законодательству.

Во время практики студенты получают конкретные задания: освоить и закрепить необходимый теоретический материал, выполнить контрольные задания к практике, наладить взаимодействия с клиентами, освоить методы наблюдения и беседы, составить комплексную социально-психологическую характеристику, выполнить работу по заказу специалиста учреждения, составить отчет и защитить его. Посещая учреждение на практических занятиях в течение семестра, студенты приходят на практику, имея представление о функциях учреждения. Такой подход позволяет реализовать методику подготовки специалистов по социальной работе, которая пред-

полагает последовательное внедрение принципа непрерывности и интеграции теории и практики в течение всего периода обучения в университете.

Студенты изучают основные направления работы учреждения, его задачи, функции, контингент обслуживаемого населения; организационную структуру; источники финансирования; материально-техническую базу и возможности дальнейшего развития; формы и методы связей и взаимосвязей с государственными учреждениями и общественными организациями на обслуживаемой территории; количественный и качественный состав социальных работников, динамику происходящих в нем изменений; функциональные обязанности социального работника, анализ оказываемых услуг клиентам (платных и бесплатных); порядок и формы участия социальных работников в подготовке и оформлении документов, необходимых для установления опеки и попечительства, помещения в случае необходимости одиноких пенсионеров и инвалидов в соответствующие дома-интернаты.

Во время преддипломной практики происходит осмысление приобретенных навыков самостоятельного планирования и проведения исследований, освоение процедур расчета статистических показателей, анализ результатов, проверка гипотез, написание научного текста. Исследовательские работы могут касаться разработок академических занятий, образовательных тренингов с клиентами и их социальным окружением, программ профилактики и пилотных исследований новых форм вмешательства и обслуживания населения. В ходе преддипломной практики студенты пишут квалификационные работы, в которых находит отражение и творческое применение приобретенных практических навыков и теоретических знаний, полученных в вузе. В определенной степени некоторые из студентов в ходе этой практики вплотную подходят к изучению проблемы разрыва между теорией и практикой и говорят о необходимости сенситивной кооперации между вузом и агентствами социальной работы, при этом указывают на положительный опыт сотрудничества ТУСУРа и КЦСОН.

В целом плодотворное сотрудничество кафедры и центра свидетельствует о том, что КЦСОН стал универсальной базой практической подготовки студентов всех курсов. Важно, что сотрудники центра не навязывают своего мнения, а воспринимают студентов как равных. Практиканты чувствуют, что

с ними считаются, и работают с более четкой мотивацией и большей отдачей. Это позволяет закрепить студентов, предоставляя рабочие места, выполняя программу трудоустройства выпускников. За 2004–2007 гг. трудоустроены и работают по настоящее время три выпускницы ТУСУРа. Подобная тенденция, на наш взгляд, обеспечивает дальнейшую перспективу сотрудничества вуза и учреждения в деле овладения студентами практическими навыками социальной работы, что особенно важно в условиях перехода высшего образования России на двухуровневую систему.

Список литературы

1. Ярская-Смирнова Е.Р. Феноменология профессионализма: практическое знание в социальной работе и современная система образования / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов // Социальное образование России XXI века: традиции и вызовы времени, достижения и проблемы. Социальная работа и подготовка социальных работников в новое время : сб. науч. ст. и учеб.-метод. материалов ученых, преподавателей и практиков стран европейской социокультурной традиции. – М., 2006. – С. 326–344.
2. Пэйн Малькольм. Социальная работа: современная теория : учеб. пособие / Малькольм Пэйн ; под ред. Дж. Камплинга ; пер. с англ. ; науч. ред. рус. текста д-р филос. наук, проф. И.В. Наместникова. – М.: Академия, 2007. – 400 с.

А.А. Захаров

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Осенью 2007 г. в нашей стране произошло событие, имеющее важное значение для каждого из россиян. Указом № 1351 от 07.10.2007 г. Президента В.В. Путина была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее Концепция-2025).

Любому государству, а тем более демократическому, необходима сильная, хорошо продуманная и эффективная социальная политика, одной из составных частей которой является политика демографическая. Она может быть успешно осуществлена лишь при наличии хорошо просчитанной концепции, описывающей цели, задачи и сроки реализации политики в области народонаселения. Все вышесказанное касается нашей страны в первую очередь. Мы переживаем тяжелую демографическую ситуацию, связанную с депопуляцией населения. Депопуляция, начавшаяся в 1992 г., имеет затяжной характер, приводит к серьезнейшим издержкам в социальной, экономической и иных сферах. Появление в таких условиях Концепции демографической политики, на первый взгляд, вполне объяснимо.

Вместе с тем не все так просто. Похожее событие имело место и в 2001 г. Именно тогда появилась Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. (далее Концепция-2015). Выход в свет за такой короткий период (6 лет) двух документов, посвященных разработке фундаментальных основ нашего демографического развития, не может не вызвать чувства легкого недоумения. Зачем была нужна новая концепция, почему не была продолжена работа по реализации старой программы?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сравнить две концепции. И самый поверхностный анализ позволяет сделать следующий вывод. Концепция-2015 — это документ, носящий во многом декларативный характер. В нем были определены важнейшие приоритеты в области демографической политики, но при этом не были поставлены конкретные задачи (в их цифровом исчислении), не указаны точные сроки по выполнению этих задач. Слабо были проработаны региональные аспекты демографического развития страны. Именно эти обстоятельства, как можно предположить, и заставили еще раз вернуться к определению наших целей и задач в области народонаселения.

Каковы же характерные особенности Концепции-2025, в чем она повторяет предыдущую концепцию, что вносит нового? Проведем сравнительный анализ этих концепций. Прежде всего о сходстве между ними, о некоей преемственности нового варианта по отношению к старому. И там и там акцент

сделан именно на определении среднесрочных перспектив демографического развития России. Есть несомненное сходство и в структуре указанных документов. В обеих концепциях анализируется современная демографическая ситуация в РФ; заявлены цели и задачи нашего демографического развития; определены одни и те же главные приоритеты (а именно: укрепление здоровья россиян, повышение уровня рождаемости, привлечение в страну мигрантов); предусмотрено информационное обеспечение, необходимое для осуществления концепций 2015 и 2025 гг.; разработан конкретный механизм, с помощью которого могут быть реализованы концепции. По каждому направлению демографического развития выделены некие «болевы́е точки», наиболее проблемные аспекты, требующие особого внимания. Их перечень по многим пунктам совпадает. И в Концепции-2015, и в Концепции-2025 говорится о необходимости борьбы с алкоголизмом, о важности принятия мер, направленных на улучшение материального положения семей с детьми, о том, что следует создать механизмы, способствующие привлечению мигрантов в РФ, в первую очередь из ближайшего зарубежья, и так далее.

Теперь о различиях. Даже с чисто внешней стороны (без учета внутреннего содержания сравниваемых документов) Концепция-2025 выглядит более основательно. Концепция-2015 была одобрена распоряжением Правительства РФ. Новая же Концепция была утверждена на более высоком властном уровне, а именно Указом Президента. В названии старой Концепции речь шла о демографическом развитии страны (а оно может быть в чем-то хаотичным, случайным); в названии новой Концепции заявлен термин «демографическая политика», а это подразумевает и продуманность, и планомерность. Концепция-2015 была рассчитана на 15 лет (2001–2015 гг.). Срок реализации Концепции-2025 — 19 лет (2007–2025 гг.). При этом в последней провозглашено, что всё запланированное будет осуществляться в три этапа (2007–2010, 2011–2015, 2016–2025 гг.). Концепция-2015 каких-либо этапов не подразумевала. В структуре новой Концепции появились дополнительные пункты, не представленные в Концепции-2015. Среди них — принципы демографической политики РФ, ожидаемые результаты реализации демографической политики (причем в привязке к каждому из трех запланированных этапов), источники финансирования мероприятий Концепции-2025.

Теперь о внутреннем содержании сравниваемых концепций. Одно из ключевых различий — формулировка целей и задач демографической политики нашего государства. В Концепции-2015 в качестве целей заявлены стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту. Среди задач выделяются, например, следующие: увеличение продолжительности жизни, создание предпосылок для повышения рождаемости, регулирование миграционных потоков в целях создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения. Каких-либо цифровых показателей, конкретных рубежей, как уже отмечалось выше, нет и в помине. Заявлены некие намерения и не более того. В Концепции-2025 поставленные цели и задачи наполнены конкретным содержанием, намечены четкие рубежи. Так, к 2025 г. население страны должно вырасти до 145 млн чел. и рост должен сохраняться и далее (для сравнения, в конце 2006 г. население страны составляло 142,2 млн чел. и начиная с 1992 г. неуклонно сокращалось); уровень смертности должен сократиться не менее чем в 1,6 раза; ожидаемую продолжительность жизни намечено довести до 75 лет (в 2006 г. она составляла 66,7 года); суммарный коэффициент рождаемости запланировано увеличить в 1,5 раза; предполагается обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. чел. ежегодно (в 2006 г. он был на уровне 128 тыс. чел.). Заявленные показатели — это дополнительный аргумент для обоснования тезиса о том, что в самом деле необходимо было или коренным образом скорректировать старую Концепцию с ее абстрактными постулатами, или вообще разработать новую Концепцию. Именно последнее и было сделано.

У Концепции-2025 есть и масса других отличий, позитивных по своей сути. В разделе, посвященном вопросам повышения рождаемости, появился ряд новых пунктов, имеющих принципиальное значение. Речь идет, например, о дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в форме представления материнского капитала; о механизмах дополнительной поддержки неполных семей с детьми и многодетных семей с низкими доходами (в Концепции-2015 такие семьи вообще не упоминались); об обеспечении потребности семей в услугах дополнительного образования и так далее.

Несомненный плюс Концепции-2025 — это акцентированное внимание на проблеме повышения качества жизни всех социальных групп нашего населения, в том числе и инвалидов. В отношении последних заявлена идея о необходимости создания безбарьерной среды обитания.

В Концепции-2025 обращает на себя внимание и такой аспект, как регионализация демографической политики государства. О субъектах РФ идет речь во всех разделах документа, начиная с характеристики демографической ситуации и заканчивая перечнем источников, из которых должны финансироваться расходы на демографические нужды. Поставленные цели и задачи должны быть реализованы обязательно с учетом специфики каждого региона, в том числе сложившихся типов воспроизводства населения, моделей семьи, обычаев, традиций, имеющихся ресурсов. Концепция в качестве необходимой задачи, поставленной государством перед субъектами РФ, называет обязательную разработку региональных демографических программ. Такие программы должны быть составлены в течение 2007–2010 гг.

Концепция-2025 имеет и иные достоинства. Работа над этим документом, таким образом, была и оправданной, и результативной. Можно обнаружить в Концепции и отдельные слабости. Одна из поставленных задач — сокращение уровня смертности. Но при этом не ясно, о чем идет речь: об абсолютных цифрах по умершим или же об общем коэффициенте смертности (ОКС)? По вопросу о рождаемости. В тексте документа упоминается суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Но при этом вообще речь не идет о таком важном демографическом показателе, как общий коэффициент рождаемости (ОКР). Сравнение ОКС и ОКР всегда дает важную информацию как о демографической ситуации в стране, так и о тенденциях в развитии народонаселения. И еще о рождаемости. СКР в 2004 г. составлял 1,34 рождений на одну женщину, в 2005 г. — 1,287 рождений. К 2025 г. СКР должен вырасти в 1,5 раза, то есть по сравнению с 2005 г. он должен составить 1,93 рождения. Намеченный показатель, между прочим, меньше коэффициента 2,15, необходимого для даже не расширенного, а простого воспроизводства населения.

Есть и определенные сомнения в отношении запланированных цифр по привлечению в страну мигрантов. Давно

в прошлом 1994 г., когда в силу уникальных обстоятельств миграционный прирост составил 978 тыс. чел. В более близкий нам период миграционный прирост был скромным по своему объему: 2001 г. — 72 тыс. чел., 2002 г. — 78 тыс. чел., 2003 г. — 35 тыс. чел., 2004 г. — 39 тыс. чел., 2005 г. — 1,7 тыс. чел., 2006 г. — 128 тыс. чел.

Указанные аспекты не перекрывают общий позитивный потенциал Концепции-2025. Намеченные рубежи должны быть обязательно достигнуты. При ином варианте страна может столкнуться со многими неблагоприятными факторами, в том числе носящими геополитический характер. Поставленные в Концепции цели и задачи не могут быть реализованы только усилиями одного государства. Важную роль должны сыграть и институты гражданского общества, и организации, и предприятия. Да и каждый россиянин должен задуматься о своем демографическом поведении, в том числе касающемся здоровья на индивидуальном уровне.

Список литературы

1. Бутов В.И. Демография: учеб. пособие / В.И. Бутов. – М.: Март, 2008. – С. 527–536.
2. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demographia.ru/articlec_N/index.html?idr=58idArt=947.
3. Демографические итоги 2006 года (часть I) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscop.ru/weekly/2007/0279/barom03.php.
4. Демографические итоги 2006 года (часть II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscop.ru/weekly/2007/0281/barom01.php.

В.И. Зиновьева

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА (НА ПРИМЕРЕ ТУСУРА)

Формы самоорганизации студентов разнообразны, имеют давнюю академическую традицию, и во все времена они развивали навыки управленческой деятельности, развивали активность и воспитывали ответственность. В последние десятилетия, с прекращением существования крупной политической организации ВЛКСМ, которая, несмотря на идеологическую функцию, способствовала творческому развитию молодежи, в вузовской системе нет структуры, поощряющей студенческие инициативы. В большинстве случаев студенческий профком занимается социальными вопросами, центры воспитательной работы — культурно-досуговой деятельностью. О необходимости развития студенческой самоорганизации говорилось в 2001 г. на I Всероссийском студенческом форуме [1].

В студенческой среде существует потребность в различных клубах по интересам, актуальным является установление взаимосвязей, контактов, сотрудничества. Вместе с тем молодежь скептически относится к устаревшим формам социальной практики, таким, например, как проведение учредительных собраний или отчетно-перевыборных конференций. Формирование новой модели студенческого самоуправления представляется реальным в рамках социального проектирования. Значительную роль в этом играет проявление солидарности.

«Среди социальных ценностей людей солидарность — одна из высших. Явной или латентной (скрытой, подспудной) целью социального проекта всегда является достижение солидарности людей, включая и групповую солидарность непосредственных участников проекта» [2, с. 32].

К 2007 г. на кафедре ИСР уже сложился некоторый опыт проектной деятельности. Стало ясно, что тема проекта не может быть определена только научным руководителем. Студентам нужно было предоставить инициативу. Кроме того, предварительные беседы по поводу новой технологии ГПО пробуждали любопытство и активность. Материальная мотивация

(повышение стипендии участникам ГПО) не была решающим обстоятельством в формировании групп. Главным оказалось желание попробовать свои силы в новом деле, приобрести организационные навыки, отработать технику социологических исследований, установить новые связи и взаимоотношения. В группу 0706, которая формировалась автором настоящей статьи, пришли наиболее инициативные студенты 3-го курса, лучшие по успеваемости: Куманеева О. (ответственный исполнитель), Шитикова А., Доценко М., Горева А., Тертичев В. и немного позднее — Шевелева А. и Сердюкова Н. Поисковый этап был непродолжительным. Первоначально группа хотела заниматься профилактикой профессиональных стрессов, затем — социализацией студентов дистанционной формы обучения. Наконец, была выбрана тема, которая захватила всех своим масштабом и актуальностью, — «Разработка модели студенческого самоуправления в ТУСУРе». Расширение состава группы и сложность задачи обусловили привлечение к научному руководству еще одного преподавателя кафедры — зав. лабораторией социального проектирования доцента М.В. Берсенева.

Заинтересованной стороной проекта объективно являлись все студенты, недовольные заорганизованностью студенческого профкома. Ректорат и деканаты также потенциально были заинтересованы в установлении обратной связи от студентов к администрации. Кроме того, проектная группа рассчитывала на сотрудничество с наиболее активной частью студентов университета, которую можно привлечь в ходе решения конкретных задач.

На заседаниях группы были проанализированы прототипы, существовавшие формы студенческого самоуправления в других вузах страны. Методом «мозгового штурма» выбрана наиболее целесообразная форма самоуправления студентов ТУСУРа — студенческий клуб, ассоциация. В этом случае студенты не противопоставляли свою организацию студенческому профкому или Центру воспитательной работы и имели возможность самостоятельной деятельности. Цели проекта, по общему мнению, заключались в изучении потребностей и проблем студентов, постановке задач и организации действий по их решению. В числе ближайших задач были намечены те, которые самим участникам представлялись наиболее важными и соответствовали перспективе улучшения качества социальной жизни в вузе:

- при помощи социологического метода фокус-групп исследовать наиболее насущные интересы студентов университета;
- создать информационную среду для студентов в электронных ресурсах, предусмотреть вывешивание расписания, размещение деловой информации, различных объявлений и пр.;

- способствовать расширению коммуникативной среды за счет проведения мероприятий и развития межфакультетских связей;

- оформить организационно ассоциацию, разработать устав, эмблему, девиз и зарегистрировать ассоциацию.

Актуальных проблем студенческой жизни можно было найти множество: работа студенческих столовых, создание копировального центра в главном корпусе, организация бюро проката и обмена вещами и т.п. В качестве пробной задачи на аналитическом этапе исследования была выделена реорганизация столовой в главном корпусе. Здесь занимаются студенты в основном двух факультетов — ГФ и РКФ. При опросах студентов выяснилось, что из-за использования работниками столовой единственной микроволновой печи для разогрева блюд в обеденное время (с 12.15 до 13.15 ч.) создаются длинные очереди, на которые в среднем уходит от 20 до 30 мин., и многие студенты, в особенности первокурсники, а также те, кто переезжает в другой корпус, так и оставались голодными. Уровень обслуживания, неопрятность персонала, пластиковая посуда вызывали всеобщее недовольство. Студенты хотели видеть свою столовую цивилизованным местом, без очередей, соответствующей понятию «столовая инновационного вуза».

На этапе планирования была определена следующая тактика.

1. Составить бизнес-план новой столовой как центра коммуникации студентов, с плазменным телевизором (чтобы, к примеру, можно было поздравить своих друзей с днем рождения), беспроводным Интернетом, автоматами для продажи напитков, печенья и пр.

2. Организовать встречу с ректором, проректором по АХЧ и дирекцией столовой.

3. Подготовить и опубликовать в СМИ статьи поддержки этих инициатив.

Апробация этого направления проекта показала сложность поставленной задачи, зависимость ее реализации от согласо-

ванности действий многих лиц. В итоге, получив поддержку ректора, студенты проектной группы совместно с А. и В. Емельяненко, студентами ФСУ, разработали миссию столовой, в которой содержались принципы развития пункта общественного питания, предусматривалось раскрытие потенциала ее работников, описывались варианты будущего интерьера и пр. Совещание с дирекцией столовой и проректором по АХЧ О.Е. Трояном показало различие в представлениях. В частности, администрация видела в столовой место, куда студент заходит только пообедать. Тем не менее такие встречи закладывают основы новых коммуникаций внутри вуза. К сегодняшнему дню столовая частично преобразилась, там появилась линия раздачи, идет ремонт. Обратная связь, таким образом, начала осуществляться.

Контакты с газетой «Радиоэлектроник» оказались неудачными, так как редакция долго держит материалы, не уважает авторское право и печатает статьи как анонимные. Из 5 статей, написанных студентами по темам ГПО, только в двух случаях редакция напечатала фамилии авторов.

С осени 2008 г., на стадии апробации, проектная группа приступила к проведению мероприятий по организации труда и отдыха студентов во время летних каникул. Интересным направлением, привлечшим внимание широкой аудитории, стали интерактивные встречи, организованные проектной группой, с двумя городскими фирмами — STAR Travel и Space, организующими поездки студентов за границу по время каникул для того, чтобы «увидеть мир, заработать денег и сделать свой отдых максимально насыщенным». Поездки за границу по упрощенному варианту, предлагаемые фирмами, способствуют расширению знаний студентов, помогают приобрести необходимые навыки языкового общения и жизненный опыт в целом. Работа за границей высоко котируется при устройстве молодых специалистов на рабочее место. Всего были проведены 3 встречи в ноябре–декабре 2008 г. Они потребовали подготовительной работы, установления договоренностей, распространения приглашений и пр. На самих встречах и обсуждениях, проходивших живо и непринужденно, были интересные выступления руководителей и участников поездок, задавалось много вопросов. Каждый раз в них принимало участие 25–30 студентов разных факультетов. Это направление может привести к более тесному сотрудничеству и развитию

взаимовыгодных отношений, при которых фирмы могут оказывать и спонсорскую помощь ассоциации.

Важнейшим в своей деятельности на завершающем этапе проекта группа считает работу по выявлению карьерных и жизненных траекторий студентов ТУСУРа. Это проводится, в частности, с целью подготовки такого мероприятия, которое студенты считают центральным и называют его «**Событием**». Оно представляет собой дискуссионную встречу студентов и преподавателей с участием экспертов по вопросам конкурентоспособности выпускника вуза в условиях современных экономических трудностей и финансового кризиса. Подготовка такого события уже начата. Для изучения карьерных интересов студентов выбран социологический метод факторного анализа (Q-методология), по которому был прослушан курс лекций американского профессора Рональда Ли Пека, доктора философии, приглашенного в ТУСУР по инициативе Центра корпоративного развития. Факторный анализ привлек внимание проектной группы как метод, который позволял исследовать индивидуальные установки и мнения студентов с целью выяснения их мотивации, выявления проблемных точек, требующих приложения усилий. Метод позволяет выявить потребность в новых связях и коммуникативных каналах как внутри вуза, так и во внешней среде. Работа по этому методу позволяет выяснить также инициативных людей и группы, заинтересованные в реализации своих инициатив.

Одной из важнейших задач проекта было внешнее оформление, разработка статута студенческого самоуправления. Долгое время группа не могла подобрать подходящего названия. Необходимо было придумать что-то новое, дистанцироваться от штампов и одновременно выразить сущность самоуправления. Так родилось название: Межфакультетская ассоциация инициативных студентов (**МАИС**) «**ВМЕСТЕ**», придуманное А. Шевелевой и О. Куманеевой, которое означало, что все действия группы осуществляются совместно в духе девиза «**Мы все делаем сами!**» и осуществляются **в том месте**, где студенты живут и учатся. Этот двойной смысл отражал факт сформированности команды проекта и ее готовность действовать в направлении перемен. Другим важным шагом стала разработка устава — статута группы, обсуждение которого также происходило методом мозгового штурма. Все согласились с тем, что ассоциация согласует принципы своей деятельно-

сти с Уставом ТУСУРа и Концепцией воспитания студентов ТУСУРа, официальными документами вуза. Решено было также, что документ будет состоять из трех частей: общие положения, порядок формирования и структура, цели и основные задачи. Вся проектная группа пришла к выводу, что основополагающими идеями студенческого самоуправления нового уровня являются:

- важность понимания личности студентов, их интересов, потребностей, мотивов поведения;

- приобретение студентами личного опыта демократических отношений;

- важность подготовки конкретных коллективно-творческих дел, проектов и их осуществление;

- развитие инициативы, активности студентов, предоставление студентам реальных прав и самостоятельности в процессе самоуправленческой деятельности при разграничении их обязанностей и ответственности.

Основные цели и задачи ассоциации, таким образом, состоят в выяснении проблем студенческой жизни, развитии социальной и культурной коммуникации, межгрупповых и межфакультетских взаимоотношений для совместной деятельности, самореализации личности студента.

При разработке раздела «Порядок формирования и структура» решено было максимально упростить форму участия студентов. Статут подчеркивает, что ассоциация действует на основе партнерства и координации и состоит из центральной группы (учредителей) и ассоциированных целевых групп, ориентированных на решение конкретных задач социального развития студентов. Все желающие участвовать в работе самоуправления могут обратиться к членам ассоциации непосредственно, на том или ином мероприятии или через электронные ресурсы принять участие в обсуждении событий или дел. Такой подход позволяет при проведении мероприятий или обсуждении проблем собирать разные по численности группы.

Таким образом, студенты гуманитарного факультета выбрали одну из актуальных тем проектной деятельности в вузе. Они начали формирование органа студенческого самоуправления нового порядка — межфакультетской студенческой ассоциации как органа, аккумулирующего студенческие инициативы разного рода и создающего новые связи и взаимоотношения для воплощения этих инициатив.

В социальной работе этот метод общественной деятельности принято называть системным. Теория систем обосновывает работу в целостной среде, выявление систем связей и вовлечение этих систем в процесс изменений для достижения принципов социальной справедливости.

Модель студенческого самоуправления как независимого клуба или ассоциации студентов является технологичной, даже учитывая инертность студенчества и неразвитость межфакультетских связей. Межфакультетская ассоциация инициативных студентов «**ВМЕСТЕ**» может стать центром, вокруг которого объединятся клубы, кураторские службы, уже созданные другими проектными группами, занимающиеся разными направлениями социальной работы, действующие на гуманитарном факультете ТУСУРа.

Список литературы

1. О проекте «Студенческое самоуправление» // Всероссийский проект Российского Союза Молодежи при поддержке Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: HYPERLINK «<http://www.studorg.ru/about.html>».
2. Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие / В.А. Луков. – 7-е изд. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета: Флинта, 2007. – 240 с.

Л.И. Казакевич

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРМИНА «ВОЛОНТЕРСТВО»

Социальная работа в России приобрела статус профессиональной деятельности сравнительно недавно — с начала 90-х гг. XX в. С этого же времени началась подготовка специалистов этого профиля. Для профессионального становления в любой сфере деятельности важное значение имеет овладение понятийно-категориальным аппаратом. Это утверждение в полной мере относится к социальной работе. Цель данной

публикации — проследить эволюцию в содержании понятия «волонтерство» в России и в англоязычной литературе.

Широко известно, что понятия «волонтер» и «волонтерство» происходят от фр. *Volontair* — добровольный, а оно в свою очередь от лат. *Voluntarius, voluntas* — добрая воля, и равнозначны таким славяноязычным понятиям, как «доброволец» и «добровольчество», понимаемым как добровольческая деятельность. Анализ справочной литературы, изданной в России на протяжении продолжительного периода времени, показывает, что понятие «волонтер» воспринималось исключительно в военном контексте. Так, энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданный в России более века назад, определял волонтера как лицо, «добровольно поступающее на военную службу охотником или вольноопределяющимся» [1, с. 83]. Статус охотника или вольноопределяющегося был определен в российском законодательстве для поступавших на военную службу, исходя из их возрастного и образовательного ценза.

Первое издание Большой советской энциклопедии в статье «Добровольцы» также подчеркивало военный аспект термина: «Добровольцы — лица, добровольно поступающие на военную службу» [2, с. 794–795]. Оценка добровольчества как явления давалась, исходя из классового подхода — из связи добровольчества с «тем или иным классом, обстановкой классовой борьбы и системой комплектования вооруженных сил». Авторы подчеркивали и положительные, и отрицательные стороны добровольчества, опираясь на опыт Гражданской войны в России 1917–1921 гг.

Спустя два десятилетия Малая советская энциклопедия поместила статьи «Добровольные общества» и «Добровольные спортивные общества» (ДСО). За краткой информацией о том, что в СССР существуют научные, научно-технические, оборонные и другие добровольные общества трудящихся, оставалось в тени главное — формальный и мнимый характер добровольности таких обществ и фактически полный партийно-государственный контроль за их деятельностью. Что касается добровольных спортивных обществ, они создавались как «типовые спортивные организации, имеющие задачей развитие физической культуры и спорта, повышение спортивного мастерства, воспитание спортсменов в духе советского патриотизма». Добровольные спортивные общества создавались по

территориальному и производственно-отраслевому признаку. При этом не скрывалось, что на партийно-советские органы и Всесоюзный Центральный Совет профессиональных Союзов (ВЦСПС) «возложена функция контроля и координации деятельности республиканских и всесоюзного советов спортивных обществ» [3, с. 621–622].

В той же Малой советской энциклопедии давалась расшифровка понятия «волонтер»: «Человек, поступивший на военную службу по собственному желанию, доброволец» [4, с. 571]. Такой же подход закрепила Большая советская энциклопедия в своем третьем издании [5, с. 327]. Кроме того, это издание поместило статью «Добровольчество», где отмечалось, что это «один из способов комплектования и пополнения вооруженных сил, основанный на привлечении в войска добровольцев» [6, с. 374].

Справочные издания, появившиеся в России в последние полтора десятилетия, демонстрируют некоторые перемены в подходах к понятиям «волонтер» и «волонтерство». Прежняя трактовка термина «волонтер» просто как лица, поступающего на военную службу, была признана устаревшей [7, с. 207; 8, с. 152]. В толковом словаре современного русского языка волонтер — это тот, «кто добровольно участвует в каком-либо деле (обычно новом, трудном, опасном для жизни)» [8, с. 151]. Среди фундаментальных справочных изданий последних лет следует назвать Большой толковый словарь официальных терминов. Его авторы поместили в словаре статью «Добровольческая деятельность (волонтерство)», где записано, что это «добровольная, безвозмездная, социально значимая деятельность физических лиц — добровольцев, реализуемая от лица и / или по поручительству негосударственной некоммерческой организации». Это определение было заимствовано из статьи 1 «Основные понятия» закона г. Москвы от 12.04.2004 г. № 8 «О взаимодействии органов власти г. Москвы с негосударственными некоммерческими организациями» [9, с. 211].

Среди специальной справочной литературы последних лет следует назвать Словарь-справочник по социальной работе под редакцией доктора исторических наук, профессора Е.И. Холодовой. Этот словарь является одним из первых в России изданий, в котором систематически изложены основные вопросы теории и практики социальной работы. По признанию авторов, коллектив встретился с большими трудностями при

описании каждого понятия. Несмотря на это авторам удалось, опираясь на наиболее авторитетные словари, справочники, энциклопедии по целому ряду смежных дисциплин, включить в словарь научные термины, имеющие непосредственное отношение к социальной работе. Словарь-справочник содержит интересную и обстоятельную статью, посвященную волонтерам [10, с. 45–47]. Читатели могут узнать помимо общеизвестного, что «волонтеры — это люди, делающие что-либо по собственной воле, по согласию, а не по принуждению», также и то, что они могут действовать как в государственных, так и в частных организациях медицинской и образовательной сфер или сферы социального обеспечения либо являться членами добровольческих организаций. Что касается волонтерских или добровольческих организаций, одним из основополагающих принципов их деятельности является «неправительственная, негосударственная сущность организации, хотя возможно привлечение внимания государства к нуждам и особенностям своих клиентов». Важно также и то, что «деятельность волонтерских организаций часто связана с благотворительной деятельностью и милосердием». Авторы обращают внимание на широкое распространение добровольческого сектора в современном мире, признавая при этом неравномерность этого распространения. Наибольшего распространения волонтерство достигло в индустриально развитых странах. Например, в Соединенных Штатах Америки «по подсчетам экспертов, более 75 % взрослых американцев входят по крайней мере в одну добровольческую группу». В Великобритании добровольческая деятельность имеет очень давние и устойчивые корни: в 1601 г. был издан закон, который заложил основы благотворительной добровольческой деятельности. Этот и последующие законы определили деятельность британских добровольческих организаций, имеющих многовековую историю. Некоторые добровольческие организации вышли за рамки национальных границ и превратились в разветвленные по всему миру сложные структуры с сильно развитой бюрократией. В качестве примера могут быть названы Армия Спасения, Корпус мира, Общество Красного Креста.

Важен вопрос о мотивации волонтеров. Авторы словаря-справочника выделяют следующие:

- убеждения нравственного и религиозного характера;
- потребность в общении, активности;

- потребность в реализации своих способностей;
- потребность в общественном и государственном признании;
- желание приобрести новую работу или профессию.

Волонтерские организации могут существовать в различных организационных формах. Например, в России, где в 1990-е гг. добровольческих объединений становилось все больше, это были благотворительные фонды, общества или ассоциации, учреждения. Благотворительные фонды занимаются сбором средств, а затем их распределением среди нуждающихся или на реализацию различных социальных программ. Благотворительные общества или ассоциации, как правило, имеют членскую структуру и небольшой штат во главе с руководителем. Получили распространение группы самопомощи, члены которых помогают друг другу решать проблемы здоровья, злоупотребления алкоголем, наркотиками, проблемы психического здоровья, одиночества и др. Такие группы самопомощи могут рассматриваться как альтернативные существующим службам здравоохранения и социальной сферы. Например, ассоциации родителей детей-инвалидов существенным образом дополняют работу государственных учреждений, оказывающих помощь детям с ограниченными возможностями и их семьям. Что касается такой организационной формы, как благотворительные учреждения, они могут действовать в виде театров, мастерских, центров реабилитации, клубов здоровья и др.

Авторы словаря-справочника выражают уверенность в том, что «успешность социальной работы на современном этапе также зависит от добровольного участия многих людей в деятельности по изменению социальной ситуации» и что «волонтерская деятельность как проявление милосердия и человеколюбия будет существовать до тех пор, пока сохраняется потребность людей в той или иной помощи и ограниченность возможностей государства удовлетворять потребности своих граждан в социальной поддержке».

Публикация словаря-справочника была очень своевременной. Развитие социальной работы как профессиональной деятельности и подготовка специалистов данного профиля обусловили то, что к пятидесятичному тиражу 1997 г. был допечатан в 2000 г. дополнительный тираж в 5 тыс. экземпляров. Развитие информационных технологий позволило решить отчасти

проблему адекватного информирования заинтересованных лиц через систему Интернет. Получила признание и широкое распространение электронная «Википедия» — свободная энциклопедия, где посетитель сайта может узнать о волонтерах и волонтерской деятельности.

«Википедия» определяет волонтера как «любое физическое лицо, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, которое осуществляет волонтерскую деятельность». Что касается самой волонтерской деятельности, она включает «традиционные формы взаимопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия». К волонтерской деятельности относится помощь таким категориям граждан, как престарелые люди, беспризорные дети, бездомные, люди с ограниченными возможностями (инвалиды), мигранты, беженцы, бывшие заключенные, молодежь и студенты. Волонтеры работают на благоустройстве дворов и улиц, сажая цветы, кусты и деревья, проводят уборку мусора и загрязнений, пропагандируют здоровый образ жизни, занимаются профилактикой наркомании, СПИДа, подростковой преступности, организуют благотворительные концерты и театрализованные выступления. «Википедия» подчеркивает, что волонтеры заняты благотворительной, неоплачиваемой, деятельностью. Однако не только альтруизм побуждает людей к занятию волонтерской деятельностью. В процессе работы волонтеры приобретают опыт, специальные навыки, знания, устанавливают личные контакты. Преимущества волонтерской деятельности выражаются также в том, что она может стать способом получения оплачиваемой работы, дает возможность попробовать себя в разных сферах деятельности и определиться с выбором жизненного пути.

Обращаясь к российскому опыту, авторы «Википедия» считают, что в советский период по сути волонтерской деятельностью были субботники. Само же волонтерство как таковое началось в России с 1990-х гг. с появлением НКО — некоммерческих организаций, которые занялись благотворительностью и просветительской деятельностью. Оценивая волонтерство как «обычное явление» для многих стран Европы, Азии и Америки, авторы «Википедия» утверждают, что «из-за многих социальных стереотипов волонтерская деятельность в России плохо приживается и не пользуется одобрением большинства населения».

На фоне новых подходов и оценок волонтерства в России выглядит анахронизмом попытка некоторых изданий представить волонтеров только как людей, добровольно поступивших на военную службу [11, с. 89, 165; 12, с. 283].

Представляют интерес также подходы к понятиям «волонтер» и «волонтерство» в известных англо-американских изданиях. Несмотря на ограниченный опыт волонтерства в России и, напротив, его широкое распространение в таких странах, как Великобритания и США, обнаруживаются любопытные моменты. Например, в Британской энциклопедии искусств, науки, литературы и общей информации, изданной в 1911 г., была помещена пространная статья о волонтерах. Ее авторы утверждали, что волонтеры — «общий термин для солдат, которые не являются профессионалами и не находятся под ружьем в мирное время». Отмечалось, что «было бы трудно сказать, когда принцип добровольческой (волонтерской) организации для национальной обороны был впервые принят в Англии, ясно, что волонтерские военные объединения существовали в различных частях страны во время царствования Генриха VIII». Волонтерские территориальные силы, созданные в Англии, стали образцом для создания аналогичных отрядов в различных частях обширной Британской империи на протяжении XVI–XVIII вв. [13, с. 208–209].

Аналогичный милитаристский подход к понятию «волонтеры», но в минимизированном варианте демонстрировали авторы Краткого Оксфордского словаря, изданного двумя десятилетиями позже: «Волонтер — это лицо, добровольно поступающее на военную службу в противоположность тем, кто делает это по обязанности или входит в состав регулярной армии или вооруженных сил» [14, с. 2371].

Перемены, похожие на российские, в трактовке понятий «волонтеры» и «волонтерство» можно обнаружить в английских и американских энциклопедиях, изданных в 1990-е гг. Очередные издания уважаемых Новой Британской энциклопедии (основанной в 1768 г. и выдержавшей к 1994 г. 15 изданий) и Американской энциклопедии (основана в 1829 г.) свои статьи по волонтерам посвятили одной из влиятельных добровольческих организаций США — «Волонтеры Америки». Автор заметки в Американской энциклопедии Дэвид Р. Белч подчеркивает, что «Волонтеры Америки» являются религиозно-социальной организацией протестантской церкви, основанной

в Нью-Йорке в 1896 г., реализующей около 470 различных социальных программ в более чем ста городах и населенных пунктах США. Основная цель организации заключалась в оказании духовной и материальной помощи нуждающимся независимо от расы и вероисповедания. Духовная помощь от организации «Волонтеры Америки» предоставлялась в виде занятий в воскресных школах, создании специальных классов по изучению Библии и др. Материальная помощь предоставлялась в родильных домах, летних лагерях, домах для престарелых и др. Читателям сообщается, что клиентами «Волонтеров Америки» ежегодно становятся более 2 млн человек [15, с. 231].

Анонимный автор Новой Британской энциклопедии, фактически, сообщает такую же информацию, добавляя, что «Волонтеры Америки» появились в Нью-Йорке в результате раскола в Армии Спасения и представляли собой полувоенную организацию, предоставляющую «широкий спектр социальных услуг» в более чем 800 сервисных центрах [16, с. 428].

Более подробную и разнообразную информацию о волонтерстве в США мы находим в специальном профессиональном издании — Энциклопедии социальной работы, опубликованной в Соединенных Штатах в двух огромных фолиантах и изданной в России в виде трехтомника. Энциклопедия социальной работы содержит статью «Добровольческие агентства» [17, с. 231–241]. Ее авторы — Элмер Дж. Тропмен и Джон Э. Тропмен — дали определение добровольческой организации. По их мнению, это «некоммерческая негосударственная организация, обеспечивающая гуманитарную социальную помощь». Цель таких организаций — «помочь людям достичь более высокого качества жизни и обеспечить их средствами и услугами, помогающими разрешить кризисы повседневной жизни». Волонтерские организации США представляют собой многочисленную (примерно 124 тыс. организаций — активная часть составленного Налоговым управлением списка, включавшего 275 тыс. организаций) и неоднородную группу. Наибольшее распространение получили следующие типы волонтерских организаций:

- организации, основная задача которых — помощь своим членам;
- организации при церквях, синагогах, мечетях;
- благотворительные организации, включая фонды, оказывающие помощь не только своим членам, но и другим людям;

– организации самопомощи для оказания социальной поддержки, например «Анонимные алкоголики».

Кроме этого Э. Тропмен и Дж. Тропмен включили в разновидность добровольческих организаций частных лиц, оказывающих социальную помощь (частная практика), на том основании, что они являются одной из форм социального обслуживания, но ни в коей мере не представляют собой «организации» и, как правило, не являются «добровольными», хотя и могут принимать некоторых клиентов бесплатно или за невысокую плату. Представляет также интерес трактовка авторами социальных функций волонтерских организаций:

1) компенсация сокращающейся взаимопомощи по мере урбанизации — добровольческие организации выходят на сцену «как противоядие безличностному миру города»;

2) компенсация ограниченности демократии и рынка как механизмов удовлетворения социальных нужд;

3) волонтерство как тип общественного контроля, который заменяет принудительный административный контроль;

4) являясь механизмом компенсации социальных нужд, добровольческие организации ослабляют напряженность в обществе.

Энциклопедия социальной работы, адресованная прежде всего американскому читателю, дает исторический обзор основных этапов развития добровольчества в США, освещает проблемы финансирования волонтерства, взаимоотношения власти и некоммерческого сектора, деятельность наиболее крупных волонтерских организаций. Подчеркивается, что в целом для волонтерства в США характерно большое количество действующих организаций, которые удовлетворяют значительное число потребностей, а масштаб их работы исчисляется десятками миллиардов долларов. Американские волонтерские организации представляют, и совершенно обоснованно, одну из вершин в треугольнике наряду с властью и бизнесом.

Таким образом, анализируя отечественную и зарубежную литературу по проблемам волонтерства, следует отметить, что первоначально волонтерство как явление рассматривалось исключительно в военном контексте. Термины «волонтеры» и «волонтерство» в связи с практикой социальной работы стали употребляться за рубежом начиная с последней трети XX в., а в России — с конца XX – начала XXI вв. Термин «волонтер-

ство» стал означать некоммерческий негосударственный сектор в социальной работе, заменив терминологически, но сохраняя по сути такое явление, как благотворительность.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон. – СПб., 1892. – Т. 13.
2. Большая советская энциклопедия / Государственный институт «Советская энциклопедия» ; гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. – Т. 22.
3. Малая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1959. – Т. 3.
4. Малая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия», 1959. – Т. 2.
5. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т. 5.
6. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 8.
7. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
8. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Астрель: АСТ, 2001.
9. Большой толковый словарь официальных терминов: более 8000 терминов / сост. Ю.И. Фединский. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004.
10. Словарь-справочник по социальной работе / под ред. д-ра ист. наук проф. Е.И. Холостовой. – М.: Юрист, 2000.
11. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е.С. Зенович. – М.: Олимп: АСТ, 1998.
12. Большой российский энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005.
13. Encyclopedia Britannica. A Dictionary of Arts, Science, Literature and General Information. – N. Y., 1911. – Vol. XXVIII.
14. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Prepared by William Little. Revised and edited by C.T. Onions. – Third Edition. – Oxford, 1933. – Vol. II.
15. The Encyclopedia Americana. International edition. Complete in Thirty Volumes. First Published in 1829. – Danbury, 1994.

16. The New Encyclopaedia Britannica, vol. 12, Micropaedia. 15th Edition, Founded 1768. – Chicago, 1994.

17. Энциклопедия социальной работы. В 3 т. Т. 1 : пер. с англ. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.

Н.А. Лаеровский

**СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ПОДГОТОВКУ
СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
 («МНОГО ПРИЗВАНО, МАЛО ПРИЗНАНО»)**

Десятилетнее существование сугубо гуманитарной специальности в техническом университете — явление весьма примечательное. Она получила поддержку в вузе и, смею сказать, со стороны общественности.

За 10 лет в ТУСУРе подготовлено более 150 дипломированных специалистов социальной работы. Наши выпускники работают в социальных учреждениях Томской и Кемеровской областей, Красноярского края, республик Тыва и Саха (Якутия), Москвы и даже Германии. Вместе с тем отсутствие на профилирующей кафедре истории и социальной работы интереса к вопросам трудоустройства своих выпускников не позволяет оценить степень востребованности специалистов данной категории со стороны социальных учреждений и органов социальной работы. Известно лишь, что специалисты социальной работы практически не обращаются в службы трудоустройства.

Возможно, степени признания качества специалистов способствует привлечение к их подготовке первых руководителей и высококвалифицированного персонала социальных учреждений и органов социальной работы различных уровней — от районных до областных. Вместе с тем известно также и то, что немало выпускников данной специальности оседает в различных управленческих структурах и на производственных предприятиях.

Причины этого, на мой взгляд, коренятся в несбалансированности большого объема различных теоретических дисциплин, носящих порой схоластический характер, и практического освоения получаемых теоретических знаний, работы на

различных уровнях оказания социальной помощи гражданам, нуждающимся в социальной поддержке и обслуживании.

Профессиональной невостребованности и отсутствию желания у выпускников работать по полученной специальности способствует несколько обстоятельств: крайне низкий уровень оплаты труда в социальных учреждениях и отсутствие желания овладевать методами практической помощи нуждающимся людям как следствие огульного подхода к набору студентов — лишь бы побольше платных, без учета их личностных особенностей и склонностей. Не секрет, что члены приемной комиссии по нашей специальности в беседах с абитуриентами практически избегают разъяснения особенностей, сложности и трудности профессиональной социальной работы, ее роли в жизни общества, не акцентируют внимание абитуриента на необходимой личной предрасположенности к такому специфичному виду деятельности.

Начиная с «Введения в специальность» для первокурсников и на протяжении всего периода обучения, особенно в курсе «Технология социальной работы», мы постоянно обращаем внимание студентов на то, что им предстоит прежде всего выполнять функцию социального терапевта и перечисляем безусловно необходимые личностные и профессиональные качества такого работника. К сожалению, почему-то мы сами редко вспоминаем эти прописные истины, когда ведется новый набор. В погоне за количеством теряется качество: получается при приеме «много призванных», а в последующем «мало признанных».

Руководству кафедры и гуманитарного факультета следовало бы добиться полного прекращения перевода на нашу специальность (хотя бы и на платной основе) студентов технических факультетов, «заваливших» первую сессию. Опыт показывает, что спасенный таким образом от отчисления студент рассматривает обучение на чуждом ему факультете только как возможность получения такой ценой вузовского диплома и в дальнейшем считаться специалистом с высшим образованием.

Положение усугубляется и нынешней организацией практик, во время которых студенты зачастую выполняют функции канцелярских работников или пассивных созерцателей действий профессионалов, не неся никакой ответственности за результаты практик.

Встает характерный для нашего мировоззрения вопрос — что делать? А я бы его сформулировал иначе — как делать?

На мой взгляд, не вдаваясь в детали, следовало бы подумывать о том, чтобы вслед за ознакомительной практикой шла практика учебно-производственная по формированию навыков оказания социальной помощи с самых элементарных действий — и не за канцелярским столом, а совместно с профессионалами и под их руководством в процессе живого общения и взаимодействия с клиентами. Кроме того, за счет сокращения аудиторного времени на некоторые непрофильные дисциплины или элективные курсы значительно следовало бы увеличить объем — как по срокам, так и по содержательности — учебно-производственных практик (с обязательной защитой отчетов) и по их результатам оценивать действительную склонность (или отсутствие таковой) будущего специалиста к избранной профессии.

Еще одним направлением совершенствования подготовки специалистов социальной работы мог бы стать критический анализ содержания и практической полезности дипломных работ, связи их с практикой деятельности социальных служб хотя бы за последние два года. Вероятно, эту работу мог бы выполнить заведующий кафедрой или председатель Государственной экзаменационной комиссии. Обсуждение итогов этого анализа, по моему мнению, было бы полезно провести совместно с руководителями социальных служб.

Подобное, как мне кажется, возможно будет осуществить в подготовке бакалавров с внесением соответствующих поправок в ГОС. В этих условиях должна возрасти ответственность преподавателя — руководителя практики — за ее содержание. Это предполагает с его стороны повседневный контроль за тем, что конкретно выполняет студент в качестве соучастника профессионального работника в его действиях. Такой контроль позволит оценивать результаты практики не столько по дневниковым записям студента, сколько по ее конкретной результативности, а самому студенту — лучше понять и оценить степень своего профессионального призвания. И конечно, для этого необходим определенный уровень знания практической стороны деятельности социального учреждения преподавателем.

Желательно также при наборе студентов ввести тестирование абитуриентов для хотя бы приближенного определения их склонности к общению с людьми, гуманному отношению к ним. Тесты должна разработать профилирующая кафедра с участием специалистов-психологов. Тестирование желательно проводить до рассмотрения итогов ЕГЭ или вступительных экзаменов. Было бы полезно предложить абитуриентам организованное посещение хотя бы одного из социальных учреждений. Например, Комплексного центра социального обслуживания населения г. Томска.

Конкретные предложения (с учетом рекомендаций данной конференции) было бы целесообразно направить в УМО для рассмотрения при разработке нового ГОСа. При переходе на двухуровневую систему подготовки специалистов нельзя допустить отстранения от участия в учебном процессе руководителей и ведущих специалистов органов и учреждений социальной работы. По моему мнению, молодые преподаватели, закончившие аспирантуру и даже защитившие кандидатскую диссертацию по истории или социологии, должны пройти определенную стажировку (без отрыва от основной работы) в ведущих социальных учреждениях Томской области, например, в качестве дублера руководителя профильного подразделения. Это позволит им получить необходимый конкретный практический материал для использования в преподавательской работе и при руководстве практиками.

Для оценки реальной востребованности выпускников нашей кафедры необходимо также наладить контроль за трудоустройством выпускников, например вручение вместе с дипломом оплаченной открытки с соответствующим текстом о месте трудоустройства (по специальности или нет) и должности. Таким образом, можно говорить о различных подходах к дальнейшему совершенствованию содержания и качества подготовки специалистов (бакалавров) социальной работы с учетом обостряющейся конкуренции в комплектовании штатов социальных служб и учреждений выпускниками различных вузов, хотя бы в масштабах Томска и области. Данная конференция наверняка выработает соответствующие рекомендации.

А.В. Плащинская

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УКРЕПЛЕНИИ СЕМЬИ, ОЗДОРОВЛЕНИИ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ И РОДИТЕЛЕЙ

Семья — первая воспитательная среда человека, в которой закладываются основы будущей личности. Сегодня она находится в кризисном положении, и Междуреченск в этом смысле не является исключением. В городе 70 % семей распадается в первые три года существования. Более 100 семей в течение года лишается родительских прав. В среднем 300 семей ежегодно обращается в центр социальной помощи с проблемами конфликтных отношений, пьянства одного из супругов, домашнего насилия, асоциального поведения детей.

Не снижается число фактов социального сиротства, детской беспризорности, средовой дезадаптации детей и подростков, их жестокого обращения со сверстниками. Ежеженедельно на заседаниях комиссии по делам несовершеннолетних администрации города обсуждается в среднем поведение 20 подростков, совершивших правонарушения, и заслушиваются их родители по поводу уклонения от выполнения своих обязанностей.

Специалисты муниципального учреждения социальной защиты населения «Центр социальной помощи семье и детям» (далее Центр), анализируя ситуацию в городе, используя результаты 10-летней работы с разными категориями населения, особенно находящимися в трудной жизненной ситуации, пришли к выводу, что несмотря на сложившуюся систему работы по профилактике безнадзорности несовершеннолетних в городе, показатели не меняются к лучшему, так как в основном усилия общества сосредоточиваются на продуктах разрушения семейной системы, проявляющихся в беспризорности детей и стариков, в одиночестве мужчин и женщин, в наркомании и преступности подростков, а сама семья с ее разногласиями, противоречиями остается за пределами внимания.

Для решения данной проблемы, по нашему мнению, необходимо использование инновационных социальных технологий в работе с семьями, детьми и подростками по следующим направлениям: формирование положительного эталона семьи;

работа с дезадаптированными подростками и развитие их личности в контексте семьи через социально значимую деятельность; социальное партнерство с общественными организациями, что позволит повысить результативность работы по укреплению и поддержке семьи.

При формировании положительного эталона современной семьи важное место в деятельности специалистов занимает совершенствование культуры семейных отношений через дифференциальную, индивидуальную работу с семьями, начиная с периода их становления. Так, работа с беременными женщинами в клубе «Я буду мамой» направлена на формирование позитивного психологического климата в семье, установление духовной связи между родителями и ребенком. Для родителей с детьми до одного года функционирует клуб «Моя радость»; для родителей с детьми до трех лет — клуб «Мой кроха и я»; для семей с детьми 5–7 лет — группа по ранней социализации и семейная песочная терапия «Мир чудес на песке».

Помощь родителям в воспитании и развитии гармоничной личности ребенка оказывается на «Семейных субботах», где через семейные чаепития, мастер-классы, спортивные конкурсы родители обучаются конструктивному общению как друг с другом, так и с детьми. Для родителей, испытывающих трудности в воспитании детей, работает «Школа компетентности родителей», «Школа для родителей детей с ограниченными возможностями». Для женщин, испытывающих проблемы во взаимоотношениях с окружающими людьми, работают клубы «Афродита», «Вера, надежда, любовь», «Гармония», для женщин, перенесших насилие, — кризисное отделение.

Другим важным аспектом позитивного изменения мировоззрения у семей города является привлечение их к решению актуальных социальных проблем. Центр постоянно проводит массовые акции, такие как «Не спаивайте наших детей», «Защитим детей от пьянства», «Я защищаю свои права», «Сделаем город чистым ВМЕСТЕ!», «Ты мне нужен, папочка!», «Купил — подари». Пятый год подряд Центр организует семейные конкурсы рисунков «Любимая семья — горжусь тобой я», «Моя семья — мой город». Ежегодно в них принимает участие около 100 семей, работы которых затем выставляются на обозрение жителей города. Особенно радуется, что на итоговые встречи приходит вся семья: папа, мама, дети, бабушки и дедушки. Поощрения за победу — семейные путевки выходного дня

в санатории, профилактории города, праздничные обеды для всей семьи в кафе и ресторанах — помогают сплочению семьи. С 2007 года конкурсы семейного рисунка переросли в семейные конкурсы. Ежегодно Центр проводит четыре номинации городского конкурса «Лучшие семьи Междуреченска»: «Моя семья — моя опора и защита» для семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья; «Семья с Большой буквы» для многодетных семей; «Деловая женщина — заботливая мать»; «Лучший глава междуреченской семьи».

Задача этих конкурсов — показать населению достойные семьи, примеры хорошего воспитания детей. Об их популярности свидетельствует, в частности, то, что в конкурсных номинациях в 2007 году приняло участие 42 семьи, а в 2008 году — уже 180. Кроме дипломов, поощрительных призов и подарков все участники получили возможность на спонсорские средства отдохнуть в кафе, элитных клубах, спортивных залах города.

Решая проблему реабилитации дезадаптированных подростков и развития личности в контексте семьи через социально значимую деятельность, специалисты Центра разработали социальные модели, в том числе оказания действенной социальной помощи, включающей алгоритм действий специалистов. Это прежде всего: социально-психологическая диагностика семей; определение необходимых видов помощи; профилактические, реабилитационные мероприятия, способствующие коррекции поведения дезадаптированных детей и подростков, а также их родителей, направленные на предупреждение распада семьи, в том числе предоставление услуг круглосуточного стационара кризисного отделения, включающих работу психолога по сохранению и укреплению семьи; информационно-аналитическая деятельность.

Специалисты также используют социальное проектирование как способ объединения семей и подростков вокруг социально значимой деятельности, ориентированной на поэтапную продуктивную интеграцию в современное общество. Всего в 2007 г. реализовано 7 проектов, по которым получены гранты, в том числе один международный. За летний период временным трудоустройством на социально значимых объектах было охвачено 44 дезадаптированных подростка. Волонтерами в «Лагере на дому» работали 10 подростков. Пять подростков в рамках проекта «Тропа здоровья» приняли участие в благоустройстве спортивной площадки, на которой построили до-

ступный реабилитационно-оздоровительный объект — «тропу здоровья», предназначенную для детей-инвалидов. Подростки взяли под опеку и детей летнего оздоровительного лагеря при Центре (программа «Каникулы для всех») и в ходе выездов на природу помимо участия в культурно-массовых мероприятиях занимались с ними заготовкой необходимых для обустройства «тропы здоровья» материалов: камней разного диаметра, хвойных иголок, шишек. Тринадцать подростков работали на «Посту брошенных детей» в детской больнице, а также в детских садах (программа «Формула милосердия»). В ходе реализации проектов со всеми подростками проведена работа по повышению их социального статуса: помощь в оформлении ИНН, пенсионного страхового свидетельства, медицинской книжки, мини-тренинги по личностному росту, мероприятия по снятию эмоционального напряжения после и во время работы с больными детьми. В рамках проектов также организовано и проведено 6 туристических походов в район Поднебесных Зубьев (приняло участие 52 подростка и 30 родителей), которые преследовали цель укрепления физического здоровья, экологического и патриотического воспитания, снятия стресса, повышения самооценки подростков, их статуса в глазах родителей. Этому способствовали уборка туристических троп от мусора, акции в защиту природы, шефство над детьми-инвалидами, вступившими на туристическую тропу.

В целях оптимизации детско-родительских отношений каждая программа сопровождалась также семейным тренингом «Большая игра». Профилактика безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних в летний период сопровождалась организацией занятости детей и подростков по месту их жительства. Организовывались «выездные детские площадки» в общежитиях. В ходе реализации вышеупомянутых программ в Центре сформирована группа подростков-волонтеров, которые в рамках программы «Здесь живет моя семья» вместе с педагогами организовали культурно-досуговую «жизнь двора» с учетом интересов и потребностей ребят. Конкурсы и розыгрыши, забавные состязания, познавательные игры и общение, информационно-разъяснительная работа — все это объединило детей и взрослых, проживающих в общежитиях. Состоялись три выездных мероприятия, в них приняло участие около 45 семей (70 детей). Специалисты уверены, что сделали будни детей и взрослых ярче и полезней.

В работе с семьями, подрастающим поколением подняло Центр на новый уровень социальное партнерство с общественными организациями. Так, с активистами Междуреченского отделения Союза женщин Кузбасса специалисты разработали и реализовали проект «Женский Альянс», в рамках которого ведется плодотворная работа по оказанию помощи и поддержки женщинам, детям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, по привлечению общественности города к решению актуальных проблем, связанных с семейным неблагополучием. Усилиями совместной рабочей группы организованы также акции «Помоги собраться в школу», «Неделя добра», круглый стол для женщин «Красота спасет мир», форум «Семейные ценности и роль отца в семье», «горячая» телефонная линия «Домашнее насилие», встреча женщин-общественниц города по теме «Мотивы участия в женском движении».

Результатом сотрудничества, в частности, стал выпуск брошюры «Ты не одна...», в которую вошла информация о правах женщины в современном обществе, о правильном поведении в ситуациях, связанных с насилием, конфликтами. Проект «Территория семьи», реализованный совместно с общественной городской организацией многодетных семей, собрал 22 многодетные семьи, в которых родились третьи, четвертые и последующие дети, для посадки деревьев в честь родившихся малышей. Благодаря совместным усилиям в городе возрождается добрая русская традиция — закладка семейной аллеи. Междуреченская городская общественная организация пенсионеров ликвидированных предприятий торговли, общественного питания и службы быта «Междуреченскуголь» — это уроки мастерства в Центре для детей, посещающих отделение дневного пребывания, Совет отцов — это дополнительный ресурс привлечения подростков к социально значимым делам (строительство горок во дворах, совместные вечерние рейды).

Таким образом, социальное проектирование, объединение семей, подростков вокруг социально значимой деятельности, расширение профилактического пространства через совместную работу с общественными организациями и проведение мероприятий социальной значимости позволяют нестандартно подойти к решению актуальных проблем общества, добиваться положительных результатов.

О.Е. Радченко

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Профессиональная деятельность социального работника многогранна, и основу её составляет работа с конкретным клиентом социальной работы. Специалист по социальной работе как профессионал обязан работать с любым человеком (группой лиц), оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Для социального работника важно умение принимать человека таким, какой он есть, без осуждения и демонстрации негативного к нему отношения. Это становится возможным в том случае, если специалист по социальной работе в своей профессиональной деятельности руководствуется принципом толерантности.

Слово «толерантность» имеет иностранное происхождение и переводится на русский язык как «терпимость». В английском языке существует два термина, которые употребляются при характеристике толерантности. Термин «tolerance» означает принятие позиции другого, а термин «toleration» означает терпеливое отношение к чему-либо, с чем человек не соглашается [1]. Это позволяет говорить о том, что первый из этих терминов соответствует российскому термину «толерантность», а второй, скорее, тяготеет к термину «терпимость», однако при переводе данный нюанс не всегда учитывается.

В отечественной литературе также имеет место смешение понятий «толерантность» и «терпимость». Однако эти термины нельзя считать идентичными. Терпимость предполагает способность мириться с чем-либо, без вражды относиться к чужому мнению, взглядам, поведению [2], то есть предполагается смирение с иным явлением, каким бы оно ни было.

Суть толерантности гораздо сложнее. Толерантность, безусловно, включает в себя момент терпимости, но не исчерпывается этим. В Декларации принципов толерантности говорится о том, что толерантность не является уступкой, снисхождением и потворством, а, напротив, предполагает активное отношение к жизни, формируемое исходя из признания прав и свобод человека [3]. Толерантность не означает терпимого отношения

к социальной несправедливости, уступки чужим убеждениям в ущерб своим, а также что никакие убеждения не могут быть навязаны другим. Толерантность предполагает активность в противовес пассивной позиции терпения и терпимости.

Необходимо отметить, что характеризовать суть понятия толерантности можно только во взаимосвязи с понятием инаковости, или иного (иных культур, идеалов, представлений, убеждений и т.д.), то есть того, что отличается от собственных установок человека или социальной группы. Такие ситуации часто возникают в профессиональной деятельности социального работника, ведь взгляды, идеалы и образ жизни его клиентов могут отличаться от соответствующих представлений социального работника, а иногда и от того, что считается социальной нормой.

Толерантность неизбежно должна предполагать отклонение. Сама по себе она возможна только при существовании различий между взаимодействующими субъектами. В Декларации принципов толерантности говорится о том, что толерантность предполагает уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Подобной точки зрения придерживается и В.Н. Сыров, определяя толерантность как принятие, признание и оправдание другого [4].

Однако под чуждыми и иными не могут подразумеваться идеи, нравы, поведение, которые ведут к деградации, разрушению духовного. Несколько конкретизируя данную мысль, И. Дзялошинский [5] пишет о том, что толерантность может быть допустимой и может быть охарактеризована как толерантность как таковая, пока она не вступает в противоречие с основами цивилизованного общежития. Он подчеркивает, что основанием для нормальной жизни в обществе и для мирного взаимодействия обществ и культур является согласие в понимании основных моральных норм, то есть в каждом обществе есть пределы, за которыми толерантность не допускается. Это означает, что как только толерантность перестаёт выполнять конструктивную функцию, она перестаёт трактоваться как толерантность.

Толерантность не означает отказ от критики или участия в дискуссии, а наоборот, предполагает их, что является важным для практики социальной работы. Многие технологии взаимодействия социального работника и клиента начинают

ся и заканчиваются конструктивным обсуждением проблемы клиента, альтернативных путей её решения и полученных результатов. Часты ситуации, когда решение проблемы полностью заключается в грамотно выстроенном диалоге между специалистом социальной службы (или специально привлечённым специалистом) и клиентом. Критика и дискуссия подразумеваются при характеристике толерантности. Толерантность предполагает признание ценности иного взамен стремления к уравниванию и нивелированию различий. Чем глубже в культуре заложена идея неотчуждаемых прав человека, тем более толерантным будет общество.

Это отражается и в Декларации принципов толерантности, где говорится о том, что толерантное отношение к людям необходимо на двух уровнях [3]. На уровне государственной политики требуется создание справедливого и беспристрастного законодательства, а также соблюдение правопорядка и законодательных норм. Государствам рекомендуется ратифицировать международные документы, касающиеся прав человека, с целью обеспечения равенства возможностей для всех групп и отдельных людей (объективный аспект равенства). На психологическом уровне необходимо преодоление психологических барьеров, которые могут быть достаточно устойчивыми и преодолеваются с трудом, даже если необходимость их преодоления осознаётся (субъективный аспект). В практическом отношении речь идёт о создании необходимых, достаточных и открытых условий для более полной и своевременной реализации интересов всех членов общества [6]. Этот момент подчёркивает и М. Гольдман, утверждая, что «одна из главных культур, которая должна быть свойственна и нации, и стране в целом, — это правовая культура населения» [7].

Таким образом, мы выходим на ещё одну характеристику толерантности — равноправие. Толерантные взаимоотношения возможны только с партнёром, равенство которого признаётся другими участниками процесса взаимодействия, что обеспечивает признание равного права на самореализацию и самовыражение за каждым членом общества [5]. К толерантности нельзя применять субъектно-объектную парадигму, поскольку участники данного процесса равны между собой и ни один из них не может рассматривать другого в качестве объекта воздействия. Равенство основывается на законе, куда включается как объективный, так и субъективный аспекты. Объективный

аспект обеспечивается законодательной системой, а субъективный — осознанием и принятием законодательства со стороны членов общества. Толерантность имеет смысл только там, где присутствует равенство взаимодействующих субъектов. Более того, наличие отношений равенства само по себе приводит к возникновению толерантности, которая в таких условиях появляется автоматически. Последний тезис, на наш взгляд, не совсем справедлив. Соглашаясь с тем, что равенство является обязательным атрибутом толерантности, отметим, что автоматически толерантность появиться не может, поскольку сами её характеристики предполагают необходимость внутренней духовной работы. Тем не менее можно принять утверждение о том, что возникает двойное отношение равенства — толерантности. Равенство обуславливает появление толерантности, а толерантность является инструментом обеспечения равенства в обществе. Сама толерантность является следствием равенства, что можно дополнить тезисом В.М. Золотухина [8] об отрицании толерантностью привилегированности любой позиции в качестве истинной или логически верной и предпочтении позиции «взаимного приоритета» всех позиций и точек зрения. Социальному работнику необходимо научиться воспринимать клиента не только как объект воздействия, но и как субъекта решения собственной проблемы. Известно, что главное условие успешного решения проблемы клиента — активизация его собственных внутренних резервов, побуждение его к преодолению трудностей. Всё это становится возможным в рамках применения субъект-субъектной парадигмы.

Ещё один аспект, характеризующий толерантность и связанный с идеей равенства, — это уважение. Толерантность без уважения невозможна, более того, уважительное отношение является предпосылкой формирования толерантности. Уважение в свою очередь требует приложения определённых моральных усилий. Нравственное основание толерантности предполагает осознание человеком собственных интересов и проведение внутренней работы по согласованию этих интересов с интересами общества. Чем выше будет уровень моральности общества, тем более удобным и комфортным будет существование отдельного индивида в нём. В этом же ключе И. Дзялошинский [5] и Д. Бродский [9] справедливо подразумевают в толерантности определённый комплекс установок на другого индивидуума как иного, что предполагает стремление человека

с уважением относиться к интересам и верованиям других людей. Толерантность не предполагает отказа от собственных убеждений и систем ценностей. Толерантность нацелена именно на то, чтобы благодаря уважению к другим культурам, другим системам ценностей жить вместе, не отказываясь от своего и не утрачивая различий. Уважение невозможно по отношению к человеку, который воспринимается не просто как иной, но как стоящий на порядок ниже. Таким образом, взаимодействие в ключе толерантности возможно только на основе равенства взаимодействующих сторон, существование которого определяется во многом моральными качествами и установками.

Выделение диалога как основы и важной составляющей толерантности позволяет определить её как процесс, поскольку, с одной стороны, само толерантное отношение достигается с помощью диалога, представляющего собой процесс, а с другой стороны, изменяющаяся постоянно реальность приводит к тому, что появляются всё новые моменты, которые требуют выработки к ним адекватного отношения. Это позволяет сделать вывод о том, что толерантность никогда не бывает раз и навсегда застывшей истиной. Она изменяется вслед за изменяющейся реальностью.

Таким образом, толерантность можно определить и как особую идею, и как определённую систему ценностей, которая рассматривается как возможность вывести отношения на качественно новый уровень. Это и определённый процесс, и определённая концепция, а также технология взаимодействия людей. Такие моменты, как стремление сделать жизнь более безопасной и открытой, привнести веру в ценность и достоинство человеческой личности и основные права человека, позволяют назвать толерантность этической доктриной современности [9]. Толерантность можно назвать и основополагающим принципом социальной работы, позволяющим решить многие проблемы посредством повышения эффективности взаимодействия социального работника и клиента, следствием чего станет повышение эффективности социальной работы в целом.

Список литературы

1. Langerak E. Disagreement: Appreciating the Dark Side of Tolerance. – Online: http://www.stolaf.edu/people/langerak/Talks%20and%20Papers/Tolerations_dark_side.html.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.

3. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ps.1september.ru>, свободный.

4. Сыров В.Н. Нарративность и толерантность / В.Н. Сыров // Дискурс-ПИ. Выпуск 3: Дискурс толерантности в глобальном мире / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2003. – С. 51–54.

5. Дзялошинский И. О некоторых причинах интолерантного поведения [Электронный ресурс] / И. Дзялошинский. – Режим доступа: www.tolerance.ru/biblio/dzyalosh-1/multi/1_dzyaloshinskii.html, свободный.

6. Козырева П.М. Толерантность и динамика социального самочувствия в современном российском обществе / П.М. Козырева. – М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2002. – 176 с.

7. Гольдман М. Конструктивная критика как составная часть толерантности [Электронный ресурс] / М. Гольдман // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения (Материалы исследований и научно-практической конференции). – Режим доступа: www.tolerance.ru, свободный.

8. Золотухин В.М. Толерантность как элемент адаптации человека в культуре / В.М. Золотухин // Дефиниции культуры : сб. тр. участников Всероссийского семинара молодых учёных. – Томск : Том. ун-т, 1998. – Вып. 3. – С. 55–59.

9. Бродский Д. Некоторые психологические основы конструктивной социальной толерантности / Д. Бродский // Права ребёнка и толерантность. Использование сообществ в рамках обучающего процесса. – Ростов н/Д, 2002. – С. 142–159.

А.Д. Рассказов**ИЗ ОПЫТА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧЕЖДЕНИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ Г. КРАСНОЯРСКА
С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ,
ОКАЗАВШИМИСЯ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ:
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Аристотель отмечал, что «... всякое движение есть некоторое изменение... качества, количества и места» [1, с. 163]. Всё изменяется из чего-нибудь во что-нибудь. Современные трактовки изменений в обществе, по мнению Е.И. Холостовой и П.Д. Павленка, наиболее полно отражает социальная работа как вид деятельности. Именно она является тем видом деятельности, который содействует людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, перейти из нестабильного социального положения в стабильное [2, с. 244]. Одним из направлений социальной работы является профилактическая работа с безнадзорными детьми. Актуальность профилактической работы с детьми группы риска состоит в том, что масштабы безнадзорности в условиях затянувшегося кризиса в настоящее время в России расширяются, ухудшаются условия жизни семей, в обществе падают нравственные устои. Прежние социальные институты семьи, детства и материнства разрушены, новые всё ещё продолжают формироваться [1, с. 83]. Анализ опыта работы системы муниципальных учреждений социальной защиты населения (СЗН) администрации г. Красноярск показал, что в области работы с безнадзорными детьми существуют следующие потенциальные тенденции в виде противоречий:

1) между стремительно развивающимся объектом и отстающим от него по темпам развития объектом социальной профилактики детской безнадзорности;

2) между методами, применяемыми в профилактической работе с детьми и семьями группы риска, и пониманием их жизненных кризисов, которые требуют адекватных профилактических мер от социальных работников;

3) между специализированной деятельностью смежных ведомств и их рассогласованной деятельностью с учреждениями

социальной защиты населения, занимающимися целенаправленно и системно социальной профилактикой детской безнадзорности.

На наш взгляд, возникшие противоречия указывают на то, что здесь скрыты ресурсы, а не проблемы, которые следует решать. Мы должны искать ответы на интересующие вопросы внутри этих противоречий и использовать их потенциал для осуществления поставленных задач. Так, В.С. Барулин отмечает: «... создавая модели общественного устройства... этот комфортный мир... институты «оборачиваются» против него, подавляют его... » [3, с. 6; 14]. Необходимо находить решения внутри самих кризисных тенденций, а не в противовес им. Автор тектологии (всеобщей организационной науки) А.А. Богданов отмечал, что «...кризис есть нарушение непрерывности. Это было бы неразрешимой загадкой; тектология делает её разрешимой, подставляя на место одной непрерывности — две, в изменяющемся соотношении» [4, с. 214]. Когда обнаруживается противоречие и система переходит из одного качественного состояния в другое, происходит разрыв социальных связей. По мнению автора, развитие дальше должно идти «... или отрицательным путём — разрушается сама система, ... или положительным путём — преобразованием системы, освобождением её от противоречий» [4, с. 30]. Перечислим модели практической работы в области профилактики безнадзорности несовершеннолетних, основанные на знании этих противоречий и использующие их потенциал.

1. Модели для разрешения противоречия между субъектом и объектом профилактики детской безнадзорности.

1.1. *«Референтная группа»*. Название происходит от латинского *refero* — сообщаю, соединяю, устраиваю. Речь идёт об объединительных методах работы, где дети и взрослые проводят совместные мероприятия — от подготовки и обсуждения до подведения итогов и поощрения за участие в мероприятиях. Так в городских учреждениях формируют элементарные навыки социальной жизни. Назовём такие группы по одноимённой деятельности: «Тестоластика», «Батик», «Бисероплетение», «Домовёнок» (изготовление кукол-домовят) и т.п.

1.2. *«Познавательно-развлекательные и профессионально ориентированные экскурсии»*. Цель экскурсий — рекреация детей и содействие их социализации через знакомство с системой рабочих мест в организации. Экскурсовод на протяжении

пребывания в организации детей проводит презентацию рабочих мест, знакомит с отдельными работниками, разъясняет, что они делают и т.п. и какое будущее в рамках этой деятельности ждёт детей.

1.3. *«Средовая адаптация»*. Эта модель реализуется через организацию взрослыми для детей, как правило, летней трудовой занятости в виде трудовых отрядов, что позволяет детям знакомиться с культурным устройством территории, традициями бережного пользования средой проживания. В результате дети стараются мусор бросать в урны, меньше ломают скамейки, лавки, ограждения, редко рвут цветы на клумбах и т.п.

2. Модели для разрешения противоречия между методами социальной профилактики детской безнадзорности и пониманием жизненных кризисов детей, которые требуют адекватных профилактических мер со стороны социальных работников.

2.1. *«Альтеркризисный подход»*. Суть этой модели состоит в том, что в целях разрешения, регулирования и выхода из кризисной ситуации, в которой оказался подросток или его семья, меры профилактики должны не импортироваться извне, а разрабатываться и применяться с использованием социальных элементов бытия и сознания именно этой семьи, её ближайшего окружения и этого ребёнка. Реализуется она в основном работниками социальных учреждений, имеющими большой социальный опыт работы с семьями группы риска, детьми и их очень доверительным ближайшим кругом: родственниками, друзьями, знакомыми, педагогами школ и т.п. То есть используется ресурс социальных связей, которые и определяют успех деятельности социального работника в принципе.

2.2. *«Повышение методической компетентности»*. В 2003 г. был создан и успешно работает при главном управлении социальной защиты населения администрации г. Красноярска МУ «Городской консультативно-методический центр» (ГКМЦ). Консультативное отделение выполняет свои функции для населения группы риска — детей, семей и других категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Методическое отделение служит повышению профессионального уровня работников учреждений соцзащиты города через методические объединения работников учреждений СЗН, например психологов, педагогов-психологов, и методические объединения для работы с населением, например «Особый ребёнок». Это

позволяет накапливать положительный опыт и обмениваться им среди социальных работников. Взаимодействие специалистов обоих отделений позволяет непрерывно повышать уровень профессиональной компетентности и самих работников учреждения, что даёт прирост знаний в области профилактики детской безнадзорности.

3. Модели разрешения противоречия между специализацией смежных ведомств и их рассогласованной деятельностью с учреждениями социальной защиты населения, занимающимися социальной профилактикой детской безнадзорности.

3.1. *«Внедрение социальных работников»*. Это название само говорит о том, что в целях согласованной деятельности внутри смежных ведомств, между ними и социальной защитой населения по вопросам профилактики детской безнадзорности происходит трудоустройство в организации специалистов по социальной работе. Именно через них, как показала практика их деятельности в департаменте занятости, образовании, милиции и др., возможна эффективная профилактическая работа в смежных ведомствах и во взаимодействии ведомств с СЗН.

3.2. *«Связи с общественностью»*. В городе получили особую популярность и понимание со стороны власти, бизнеса и общественности такие направления этого метода: а) привлечение внимания общественности к проблемам детей и семей группы риска; б) актуализация ресурсов власти, бизнеса и общественности на решение социальных проблем детей и семей группы риска; в) популяризация профессии «социальная работа».

3.3. *«Детская общественная приёмная»*. Она создана на базе МУ ГКМЦ. В её задачи входят консультирование граждан по интересующим вопросам, выездные мероприятия, мероприятия со смежными ведомствами и учреждениями СЗН, индивидуальные и групповые занятия в центре с детьми и взрослыми. В отделении работают юрист, психолог, специалист по социальной работе. Отделение открыто и доступно для жителей города и всех желающих. Услуги оказываются бесплатно.

Разумеется, это не весь перечень методов социальной профилактической работы с детьми группы риска и их семьями. Главное, как показал анализ, что опыт работы в этом направлении наиболее успешен, если развитие всей системы профи-

лактики строится именно на основе поиска и управления противоречивыми тенденциями как в структуре работы субъекта, так и в структуре объекта профилактики детской безнадзорности.

Список литературы

1. Социальное обслуживание семьи и детей: нормативные правовые акты : сб. нормативных документов. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2001. – 336 с.
2. Павленок П.Д. Теория, история и методика социальной работы : учеб. пособие / П.Д. Павленок. – Изд. 8-е, перераб., испр. и доп. – М. : Дашков и К°, 2009. – 568 с.
3. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя / В.С. Барулин. – СПб.: Алетейя, 2000. – 431 с.
4. Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. Кн. 2 / А.А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – 351 с.

Е.В. Решетникова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Подготовка социальных работников является частью социального образования — нового и в то же время традиционно явления в российской действительности. В дореформенный период существовала разветвлённая сеть профсоюзного, партийного, комсомольского просвещения и образования, которая дополнялась системой факультетов общественных профессий в вузах и лекториями общества «Знание». В совокупности всё это и ряд других форм образовывали разветвлённую систему адаптации населения к реальностям советского общества.

Реформы разрушили эту систему. Образовавшийся вакуум стал постепенно заполняться иными формами социального образования, которые ещё не сложились в целостную систему. Григорьев С.И. отмечает, что под социальным образованием к исходу столетия стали понимать:

- подготовку и переподготовку специалистов в области социальных наук;
- обучение специалистов различного профиля социальным наукам, их социальное воспитание;
- подготовку и переподготовку специалистов для учреждений социальной сферы и управления;
- социальное просвещение, воспитание широких масс населения, формирование у них умения взаимодействовать в социуме в рамках определённого социально-исторического пространства-времени;
- формирование, воспроизводство определённого менталитета, систем социокультурных принципов, смысложизненных ориентаций, социальных идеалов, составляющих фундамент социальной культуры, общественного интеллекта, образа жизни народа того или иного государства, нации, человеческой общности [1].

Наряду с профессиями врача, психиатра, психолога социальная работа погружена в мир единичного, действует в системе «человек-человек» и соединяет технологию с искусством, рациональное действие с мировоззренческой установкой. Институт социальной работы оказывается тем долгожданным институтом человека, о котором мечтали представители различных наук как инструменте интеграции и синтеза знаний о человеке. Такая же философия характерна и для других специальностей: регионоведения, менеджмента организаций, социологии.

Подготовка социальных работников в России имеет некоторые характерные особенности. Так, сравнительный анализ программ обучения профессионалов социальной сферы в России и ряде западных стран показывает, что становящаяся российская система сохранила пока культуроцентричность и даже некоторую гуманитарную избыточность содержания обучения. Важно то, что подготовка высококвалифицированных работников разворачивается в основном на базе классических университетов, а учебные планы реализуются на широкой ценностной основе. Это характерно и для работы института социальных наук (ИСН) Иркутского государственного классического университета.

Вся работа в ИСН (и учебный, и воспитательный её аспекты) направлена на воспитание гуманистических качеств лич-

ности. Неотъемлемой частью учебного процесса является и воспитательная работа со студентами, которая активно ведётся в ИСН, показывая на практике формы гуманистического мировоззрения. Подготовка специалистов по социальной работе — это не только обучение знаниям, но и формирование определённого мировоззрения, основой которого является гуманизм и милосердие. Эта специальность — особое поле для деятельностного гуманизма. Она охватывает те слои населения, которые больше всего нуждаются в поддержке, она способна координировать усилия общественных и государственных организаций, в ней накоплен опыт деятельного служения людям. Одним из принципов воспитательной работы является установление дружеских отношений в конкретной группе. Как правило, это достигается с помощью совместной деятельности, проведения общих мероприятий. Актуальной проблемой в воспитании и обучении будущих специалистов по социальной работе является развитие способностей и умений молодых людей вступать в социально значимые связи. Следующий этап — оказание помощи человеку в трудной ситуации (это может быть как одноклассник, так и любой другой человек). Очень важен принцип преемственности поколений в студенческой среде, когда студент-старшекурсник «берёт неформальное шефство» над первокурсниками, помогает войти в студенческую среду и адаптироваться в университетской среде; когда младшие братья, сёстры и другие родственники студента-старшекурсника или выпускника поступают именно в ИСН.

Другой не менее важный принцип так называемый принцип «малых дел». Этот принцип знаком российской культуре из опыта раннего народовольческого движения, из так называемого «хождения в народ», когда представители интеллигенции кропотливо занимались образованием и просвещением крестьянства, оказывали медицинские, агрономические, технические и другие услуги. В чём может выражаться этот принцип в студенческой среде? Это может быть организация благотворительных, просветительских, гуманитарных акций. Необходимо говорить в СМИ о социальных проблемах, болезнях, язвах современного общества, вспоминать о детях-сиротах не только в Новый год и в День защиты детей, а постоянно. Необходимо проводить информационную, агитационную работу по проблемам ВИЧ-инфекции и т.д. Этот принцип активно

реализуется и в ИСН. Ежегодно проводится благотворительная акция «Подари детям праздник», которая посеяла семена добра по всему городу. Инициативной студенческой группой в рамках этой акции создано неформальное студенческое объединение на добровольческих началах, которое непосредственно работает с отделением Российского Детского фонда в Иркутской области и с другими государственными общественными организациями. Поле для «малых дел» большое, невспаханное, и необходимо сеять в него смена добра, и, может быть, удастся избежать разгула преступности, наркомании и других социальных болезней, которыми болеет современное общество.

Таким образом, подготовка кадров по социальной работе включает в себя обеспечение единства учебной и воспитательной деятельности, в котором особое место занимает воспитание социальной ответственности. Студент должен понимать субъективные и объективные последствия своих поступков. Социальная ответственность характеризует такое качество деятельности студента, которое включает её соответствие общественным целям, нравственным нормам, индивидуальным и коллективным потребностям гражданского общества, которое мы пытаемся построить. Высокий уровень социальной ответственности характеризуется чувством сопричастности к перспективной, социально значимой деятельности.

Список литературы

1. Теория социальной работы / под ред. Е.И. Холостовой. – М.: Юрист, 1998. – 334 с.

Н.М. Струк

СЕТЕВАЯ КАРТА КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАГНОСТИКИ В СИСТЕМНОЙ ТЕРАПИИ

Основная идея системной терапии состоит в том, что причины проблем человека и его психосоциальных симптомов находятся не в нем самом, а в его взаимоотношениях с близкими людьми, например в семье, на работе, в его окружении. Проблемы отдельно взятого подростка рассматриваются через

призму возникающих сложностей во взаимоотношениях всех участников процесса и находятся в зависимости от их взаимного общения. Методологической основой данного направления являются социально-экологический и салютогенный подходы, т.е. рассматриваются модели изменения, в центре внимания которых находится окружение. Диагностические обследования детей и подростков проводятся с целью определения необходимых мер поддержки, выяснения особенностей семейной ситуации или собственных возможностей подростка справиться с создавшейся ситуацией. При этом в качестве инструментов и методов диагностики обычно используются тесты, интервью и наблюдения. Как инструмент диагностики можно применять и сетевую карту, используя салютогенную перспективу.

Антоновский А., сформулировавший понятие салютогенеза, в результате исследования стрессовых ситуаций обнаружил, что некоторые люди остаются здоровыми, несмотря на тяжелые переживания. Антоновский предложил понятие чувства когерентности. Именно степень выраженности у индивидуума чувства когерентности определяет его позицию на шкале «здоровье — болезнь» и включает в себя три компонента: постижимость, когда всё происходящее понятно и воспринимается индивидом как нечто четкое, продуманное и упорядоченное; управляемость, когда индивид ощущает, что у него достаточно ресурсов, чтобы справиться с разными жизненными ситуациями; осмысленность, когда индивид ощущает собственную причастность к тому, что происходит.

Исследования, посвященные так называемым «детям улицы» и выяснявшие причины того, что жизнь некоторых из этих детей, несмотря ни на что, складывается благополучно, обнаружили целый ряд салютогенных факторов. Часть этих защитных факторов была обнаружена на уровне личности, остальные — на уровне семейного и социального окружения, но и те и другие оказались весьма эффективными для поддержания и укрепления чувства когерентности. Можно выделить ряд факторов в данном процессе.

Поддерживающие факторы на уровне личности: социальная компетентность; уверенность в себе; самостоятельность; эффективный коупинг; интеллект и креативность; интересы и хобби; внутренний локус контроля; эффективный контроль за импульсами; деятельность и энергичность; оптимизм и вера в будущее.

Поддерживающие факторы на уровне семьи и социального окружения: помощь другим, когда они в ней нуждаются; присутствие значимой для ребенка фигуры; близкие, доверительные отношения; четко определенные границы и подсистемы; позитивные взаимоотношения родителей и детей; четко определенные правила поведения в семье; общность ценностей.

Понятие «сеть социальных контактов» было введено в обиход еще в середине 1950-х годов английским антропологом Дж. А. Барнсом. Он описывал сетевую карту как набор точек, соединенных линиями. Точки символизируют людей, взаимодействующих друг с другом, — это в первую очередь семья, родственники, школа, друзья, соседи, и является инструментом общения между терапевтом и клиентом.

Сетевая карта должна давать следующую информацию:

– кто из упомянутых людей знаком друг с другом, а также об эмоциональной близости или, наоборот, дистанции между клиентом и этими людьми;

– каков тип взаимоотношений клиента с его социальным окружением;

– как в деталях выглядит окружающая клиента социальная среда.

Кроме того, карта должна давать представление о возможных альтернативных вариантах поддержки.

Сама работа по созданию сетевой карты может помочь клиенту обнаружить те ресурсы, которые уже имеются в его естественном окружении.

Следует провести анализ сетевой карты клиента с целью определения, какие изменения социального окружения необходимо произвести в интересах клиента.

В версии сетевой карты можно выделить сферу досуга в особый сектор. Причина этого в том, что активный, организованный досуг и участие в деятельности клубов и обществ являются защитными салютогенными факторами. Они способствуют развитию индивидуальных интересов и хобби, а также создают возможность установления значимых контактов с окружающими. Участие в работе общества или клуба может привести к появлению у подростка чувства причастности, принадлежности к коллективу, где подросток, возможно, ощущает себя способным и компетентным. Это в свою очередь может способствовать укреплению его уверенности в себе и формированию более позитивного представления о самом себе. Сетевая

карта позволяет постоянно и осознанно вести диалог с клиентом. При этом преследуются следующие цели:

- сформировать общее представление о сети социальных контактов клиента;

- установить контакт между персоналом и клиентом, чтобы найти отправную точку для дальнейшего диалога и соответственно получить важную информацию для более глубокого понимания ситуации, в которой находится подросток;

- прояснить взаимоотношения подростка с его социальным окружением, что важно как для самого клиента, так и для персонала, работающего с ним;

- произвести оценку салютогенных факторов на уровне семьи и социального окружения, а в некоторых случаях и на уровне личности;

- заставить подростка задуматься и осознанно поразмышлять о салютогенных, поддерживающих факторах, имеющих место в его жизни и социальном окружении;

- получить более подробную информацию о значимых для подростка фигурах из его социального окружения.

Процесс создания сетевой карты включает 7 этапов. Содержание этих этапов разное, но при этом они накладываются друг на друга. Метод включает в себя один важный момент: перед каждым очередным «подходом» к карте повторяется то, что было сказано в предыдущей беседе. Это делается для того, чтобы убедиться, что подросток хорошо понял всё, о чем говорилось в прошлый раз, и для поддержания логической связи с тем, о чем пойдет речь в новой беседе.

1. Вводный этап, акцент на взаимосвязях. На данном этапе работа направлена на определение взаимосвязей, а также на то, чтобы объяснить подростку, что такое сетевая карта и сеть социальных контактов.

На этом этапе объясняется подростку:

- что у каждого человека есть своя сеть социальных контактов;

- что сам подросток имеет социальные связи с другими людьми;

- что сетевая карта разделена на 6 секторов;

- что сеть социальных контактов не является статичной и постоянно находится в движении;

- что все «важные» для подростка люди из его контактной сети должны быть изображены на сетевой карте;

– что все, кто выполняет какие-то определенные функции по отношению к подростку, должны быть отмечены на карте, как бы подросток к ним не относился;

– что иногда важную роль играют животные, и в этом случае их также следует нанести на сетевую карту;

– что люди, которых уже нет в живых, но которые много значили для подростка и о которых он по-прежнему думает, должны быть отмечены на карте.

2. Определение контактной сети. На этом этапе необходимо выявить всех значимых для подростка людей. При этом речь идет не только о позитивных взаимоотношениях, но и о людях контактной сети подростка, оказывающих на него негативное влияние. В ходе работы выясняется отношение подростка к его социальному окружению, качество и количество его социальных контактов. Ощущение социальной поддержки, т.е. качество контактов, в большей степени влияет на состояние физического здоровья и способность справляться со стрессовыми ситуациями, нежели количество контактов.

3. Рисование карты. Лица, выявленные на предыдущем этапе, распределяются подростком по шести секторам карты. Подросток по просьбе терапевта помещает в центр карты самого себя и затем всех остальных в зависимости от степени их важности и значимости для клиента и с учетом эмоциональной дистанции между ними и клиентом. При этом важно объяснить подростку, что следует сравнивать дистанцию между собой и окружающими в разных секторах. Например, если подросток помещает мать в ближайшее к центру «кольцо», а работающий с ним представитель социальной службы оказывается на том же расстоянии от центра в своем секторе, это означает, что отношения с ними одинаково важны для подростка.

4. Оценка влияния салютогенных факторов. На данном этапе задаются вопросы, имеющие отношение к различным салютогенным факторам. Они направлены на выявление салютогенных факторов внутри контактной сети и, в частности, позволяют подростку более осознанно поразмышлять над позитивными салютогенными элементами своей контактной сети. Задавая вопросы, следует активно помогать подростку в поиске ответов. Примеры вопросов, которые можно задавать: «Кому из твоих родственников небезразлично, как складывается твоя жизнь? Кто из членов твоей семьи, по твоему

мнению, оказывает на тебя положительное влияние? Кто из твоих приятелей готов помочь тебе и выслушать тебя, если ты окажешься в трудном положении? Ты считаешь нормальным тот факт, что в дело вмешалась социальная служба, и что ты думаешь о ее действиях?» и т.д.

5. Позитивные изменения. По завершении первых этапов работы совместно с подростком изучается карта и выясняется, какие изменения ему хотелось бы увидеть в своей контактной сети. Цель этой работы — заставить подростка задуматься над возможностью позитивных изменений в своей сети социальных контактов. Кроме того, это дает возможность проследить за изменениями, происходящими в контактной сети, и подтвердить эти изменения, объяснив подростку их суть.

6. Подведение итогов анализа социальных контактов и взаимосвязей. По завершении работы с сетевой картой должны появиться ответы на следующие вопросы.

- Как выглядит семья подростка (семья, в которой он живет сейчас, и семья, в которой он жил раньше)?
- Как подросток воспринимает отношения с членами семьи?
- Какие значимые для подростка фигуры имеются в его контактной сети? В чем заключается их значимость и влияние?
- Кто из окружения подростка является для него, являлся когда-то или может стать в будущем поддерживающим ресурсом?
- Как подросток воспринимает своих друзей?
- Считает ли подросток свой круг общения большим/маленьким?
- Доволен ли он общением с друзьями и знакомыми?
- Какие изменения хотел бы увидеть подросток в своей контактной сети?
- Досуг? Значимые взрослые?

7. Заключительный этап, акцент на взаимосвязях. На заключительном этапе подчеркивается взаимосвязь обсуждавшихся аспектов. При этом важно, чтобы подросток был в состоянии видеть весь процесс, всю проделанную работу и представлял себе, что именно было сделано, почему это было сделано и к каким выводам пришли.

Салютогенная сетевая карта дает возможность рассмотреть ситуацию в положительном ракурсе и потому более

функциональна, так как предполагает фокусирование внимания на защитных, компенсирующих факторах. Эти факторы важны для любого человека, но прежде всего для тех, кто вырос в проблемном окружении. В данной салютогенной модели к тому же используется язык, понятный подросткам и членам их семей, ситуация для подростка осмысленна и управляема. Поэтому салютогенная модель имеет большой положительный потенциал и более доступна участникам контактной сети.

Список литературы

1. Евстешина О.И. Модель реабилитационной работы в условиях социального приюта / О.И. Евстешина, М.С. Белякова // Дефектология. – 2006. – № 1.
2. Королева Г.Н. Благополучная семья — основа стабильности общества (Инновационные технологии социального обслуживания населения Московской области) / Г.Н. Королева. – М.: Изд. Министерства социальной защиты Московской области, 2005.
3. Системная семейная психотерапия / под ред. Э.Г. Эйдемиллера. – СПб.: Питер, 2002.

О.Н. Шухарева

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ОТНОСИТЕЛЬНО НОВЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Трансформация социально-экономических и политических устоев в России, начало которой было положено в 90-е годы прошлого столетия, коренным образом изменила социально-стратификационную структуру российского общества. Переходный период вместо 3–5 лет, как предполагалось реформаторами, затянулся больше чем на десятилетие и перерос в затяжной кризис [1, с. 72]. Возникли многочисленные социально-экономические трудности, с которыми невозможно справиться без организованной социальной поддержки.

Социальные проблемы, указывает Т.Е. Демидова, привели в движение огромные общественные силы, высветили широчайший диапазон мнений, привели к столкновению самые

различные взгляды, резкому расслоению общества [2, с. 3]. Многие группы людей оказались неприспособленными к столь резким переменам, поэтому помощь незащищенным слоям населения становится сегодня актуальной задачей. Именно в этих условиях повышается значимость системы социальной защиты населения, обостряется необходимость подготовки высококвалифицированных кадров социальных работников, актуализируется проблема теоретической разработки социальной деятельности как научного направления, как социокультурного феномена.

Серьезное осложнение социально-экономического, психологического и нравственного состояния значительного количества социальных групп страны требует развертывания социальных служб по оказанию помощи пенсионерам, молодежи, многодетным семьям и другим категориям граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию.

В современных условиях, подчеркивает Н.Б. Шмелева, происходят качественные психологические изменения и в самом человеке, и в его потребностях, интересах, запросах; они приобретают более личностную окраску социокультурного, экономического, национально-этнического, материально-бытового характера [3, с. 3]. Это также подтверждает острую необходимость развития института социальной работы, профессиональной подготовки и переподготовки специалистов социальной сферы. Исследователи указывают на то, что современное общество нуждается в высококвалифицированных специалистах социальной сферы, способных быстро реагировать на перемены в социальном климате и принимать решения, четко оценивать различные аспекты любых ситуаций [4, с. 39].

Таким образом, современная трансформация российского общества по-новому, более радикально поставила вопрос о сущности, задачах и направленности системы социальной защиты населения и социальной работы.

Существует множество определений социальной работы. Американский словарь дает такое определение социальной работы: это работа, направленная на улучшение социальных условий, включающая в себя многие аспекты, такие как стремление улучшить положение бедных, забота о благосостоянии детей и т.д.

Павленок П.Д. рассматривает социальную работу как деятельность в узком и широком смыслах. В узком смысле социальная работа — это такая деятельность, которая помогает людям, организациям осознать трудности (личные, социальные и ситуативные) и преодолеть их благодаря поддержке, защите, коррекции и реабилитации. В широком смысле социальная работа определяется как особый вид деятельности, направленный на решение социальных проблем отдельных личностей, слоев и групп, на создание условий, которые благоприятствуют восстановлению или улучшению способностей людей к социальному функционированию [5, с. 13].

Холостова Е.И. определяет содержание социальной работы как «специфический вид профессиональной деятельности, оказание государственного и негосударственного содействия человеку с целью обеспечения культурного, социального и материального уровня его жизни, представление индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц» [6, с. 32].

Уникальность социальной работы, считают Ш. Рамон и Р. Сарри, заключается в том, что помощь конкретному человеку оказывается путем объединения, формирования равновесия всех психосоциальных уровней его существования [7, с. 8].

Социальная работа рассматривается как совокупность государственных учреждений, общественных и частных организаций, составляющих целостную систему социальной защиты, социального обеспечения и социального обслуживания населения, часто называемую системой социального благосостояния; высших и средних специальных учебных заведений, готовящих специалистов для данной отрасли; религиозных институтов, оказывающих влияние вместе с другими идеологическими институтами на формирование системы общественных ценностей.

И если понятие «социальная работа» появилось еще в конце XIX века в наиболее развитых в индустриальном отношении странах, то как социальный институт и профессию это понятие стали воспринимать постепенно на протяжении всего XX в. и впервые в этом значении оно было применено в Северной Америке и странах Западной Европы.

Диалектика общественного развития России, отмечает Г.Ф. Садрисламов, рано или поздно должна была вызвать к жизни появление нового направления — гуманизации социокультурной среды обитания, предполагающей повышение

эффективности процесса социализации, иными словами, оказание компетентной социальной помощи населению [8, с. 5].

Анализ отечественной научной литературы по проблемам социальной работы показывает, что для ученых нашей страны во многих отношениях она была новой. В прежние времена ей уделялось недостаточно внимания, поскольку она была ограничена рамками внутренней социально-экономической политики государства и его идеологией.

Процесс формирования системы социальной защиты населения пошёл в России с начала 1990-х годов, как утверждают исследователи, в силу следующих причин:

1) новые социально-экономические отношения, сложная социальная ситуация требуют системы социальной защиты человека, семьи, населения в целом, ориентированной на динамично изменяющиеся социальные условия рынка;

2) опыт стран, давно благополучных в социальном и экономическом отношении, доказывает, что в любом, даже самом богатом, обществе существуют социальные беды, инвалидность, нищета, болезни. С ними нельзя справиться без системы социальной работы, а следовательно, без кадров — социальных работников;

3) система социальной защиты необходима, так как она выступает важным связующим звеном между теми, кто нуждается в ней, кому необходимо помочь, и государственным аппаратом, законодательством [9, с. 20].

В развитых странах мира к этому времени уже имелся опыт подготовки социальных работников, работы служб социальной защиты населения. В связи с этим большое значение для развития социальной работы в России имеет изучение и осмысление прежде всего опыта социальной работы за рубежом [10–15].

Зарубежный опыт социальной работы имеет многовековую историю, он многообразен и многолик. По таким позициям, как теоретические разработки социальной работы, виды и направления социальной работы, методы и уровни подготовки социальных работников, зарубежный опыт, как свидетельствуют научные источники, значительно опережает отечественный.

Мировой социальный опыт свидетельствует о том, что социальная работа значительно способствовала социальному развитию разных обществ и мира в целом. Поскольку социальная работа как профессия развивает и обогащает свою

профессиональную культуру, свою систему знаний, навыков и умений, добивается определенного общественного признания, она принимает на себя определенные обязательства перед обществом и действует от имени общества и человека соответствующим образом.

Овладение мировым опытом социальной работы с одновременной разработкой собственных моделей, теорий и методов, основанных на культурных традициях, знании и учете состояния и возможностей российского общества, является предпосылкой и одновременно прочной основой для дальнейшего развития профессии социального работника в России.

Говоря о складывающейся в России профессии социального работника, важно понимать, чем обусловлено это явление, что оно представляет собой в социальной отношении, каковы его истоки и динамические тенденции. Анализируя генезис социальной работы, следует подчеркнуть, что, с одной стороны, его следует соотносить с уходящей корнями в социобиологические свойства человека способностью к альтруистическому поведению, с другой — с социокультурными условиями, в которых эта профессия начала институализироваться.

Начавшийся в XIX веке глобальный процесс модернизации характеризуется ускорением смены социокультурных событий и усложнением (количественным приращением качественно разнородных культурных феноменов) жизненной среды людей. При таких условиях в модернизирующихся странах происходят закономерные изменения культурных феноменов, из которых, как отмечает Е.И. Холостова, для становления социальной работы значимы следующие: переход от общинной формы социальной жизни к более индивидуализированной; от авторитарного, харизматического лидерства к высокопрофессиональному менеджменту, основанному на демократических принципах; от обычного права как регулятора общинных отношений к юридическому, имеющему в обществе универсальное значение; от мифологического отношения к окружающей действительности к рациональному, обусловленный существенным усложнением искусственного окружения людей, требующего для его поддержания постоянных целесообразных и эффективных, т.е. рациональных, действий [6, с. 191].

Как показывают результаты многочисленных научных исследований, в такие периоды в ходе вытеснения устаревших

форм культуры новыми образуются области неопределенности взаимных прав и обязанностей людей. Наступает состояние аномии — временного разрушения нормативных структур. Соответственно увеличивается численность маргинальных, неадаптированных членов общества. И что особенно важно при рассмотрении становления социальной работы как социокультурного явления — повсеместная неспособность таких людей к самоорганизации, о чем свидетельствуют многочисленные наблюдения и специальные исследования.

В то же время очевидно, что их социализация в меняющихся условиях необходима как для их собственного выживания, так и для упорядочения более широкого социокультурного контекста. Именно это обуславливает возникновение социальной работы как профессии, связанной с рациональной и целенаправленной помощью плохо адаптированным людям. Таким образом, современную социальную работу можно охарактеризовать как рациональный альтруизм культурно компетентных граждан в отношении социализации неадаптированных членов общества через вовлечение их в социальное участие.

Список литературы

1. Россия в цифрах. – М., 2002.
2. Демидова Т.Е. Профессиональное общение социального работника / Т.Е. Демидова. – М., 1994.
3. Шмелева Н.Б. Формирование и развитие личности социального работника как профессионала / Н.Б. Шмелева. – М., 2004.
4. Золотарева Т.Ф. Практика в системе подготовки специалистов социальной работы в вузе / Т.Ф. Золотарева. – М., 2004.
5. Основы социальной работы / под ред. П.Д. Павленка. – М., 1998.
6. Теория социальной работы / под ред. Е.И. Холостовой. – М., 1998.
7. Обучение социальной работе: преемственность и инновации / под ред. Ш. Рамон и Р. Сарри. – М., 1996.
8. Садрисламов Г.Ф. Социальная работа как сфера труда и профессиональной деятельности / Г.Ф. Садрисламов. – Казань, 1998.

9. Дурасанова Т.П. Социальная работа как феномен общественного сознания / Т.П. Дурасанова // Социальная работа: опыт и проблемы. – Балашов, 1999.
10. Дозл М. Практика социальной работы / М. Дозл. – М., 1995.
11. Козлов А.А. Социальная работа за рубежом: состояние, тенденции, перспективы / А.А. Козлов. – М., 1998.
12. Организация и действие социальной помощи во Франции. – М., 1994.
13. Социальная работа: теория и практика / под ред. Е.И. Холостовой. – М., 2002.
14. Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт. – М. — Тула, 1993.
15. The American College Dictionary, Random House. – New York, 1962. – P. 1146.

Раздел II

**Молодые
исследователи
о проблемах
и тенденциях
социальной работы**

Л.А. Антонова

МУНИЦИПАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ГОРОДА ИРКУТСКА

Молодежь — это важная часть населения, которая во многом определяет судьбу не только региона, но и страны в настоящем и будущем. Молодёжь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает ее от других групп населения. В то же время перед любым обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несет страна из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство. Поэтому в данном процессе должна быть целенаправленная социальная политика, позволяющая наиболее продуктивно воздействовать на становление молодого поколения как на федеральном уровне, так и на региональном.

Муниципальная молодежная политика города Иркутска — составная часть социально-экономической политики, которая отражает отношение органов муниципальной власти к проблемам молодежи, определяет правовые, экономические, организационные основы становления и развития молодых граждан, способствует наиболее полной реализации их способностей в интересах общества и города, развитию молодежных движений и инициатив.

Молодежь является важнейшей социально-демографической группой в структуре населения Иркутска, основным стратегическим ресурсом городского развития, поэтому молодежная политика в Иркутске проводится в отношении молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (около 183,5 тыс. чел.), детских и молодежных общественных объединений, учебных заведений. В соответствии с комплексом мероприятий по реализации городской целевой программы «Молодежь г. Иркутска» на 2006–2008 годы в 2007 году за счет средств бюджета г. Иркутска было выделено 5610,0 тыс. руб. Увеличение объема финансирования по сравнению с 2006 годом составило 62 %.

Для эффективной реализации муниципальной молодежной политики создана система взаимодействия между органами местного самоуправления, детскими и молодежными объединениями, предприятиями, учреждениями, организациями, действующими на территории города Иркутска, что решает ряд принципиальных задач:

- осуществление мониторинга состояния и развития молодежной среды, определение приоритетных направлений молодежной политики в конкретных условиях;

- концентрацию финансовых, управленческих, организационных и иных ресурсов на приоритетных направлениях молодежной политики;

- создание условий для обеспечения реализации прав и свобод молодых граждан на муниципальном уровне;

- повышение активности молодежи в решении собственных проблем.

Реализацию молодежной политики в Иркутске осуществляет управление по делам молодежи и защите прав несовершеннолетних комитета по социальной политике и культуре совместно с другими структурными подразделениями администрации города, администрацией Иркутской области, иными органами государственной власти и местного самоуправления, а также на основе договоров с детскими и молодежными общественными организациями.

Основные мероприятия: поддержка учащейся молодежи, студенчества и молодых семей; поддержка детских и молодежных общественных объединений Иркутска; патриотическое и военно-патриотическое воспитание молодежи; содействие духовному, нравственному и физическому развитию молодежи.

На данном этапе наблюдается перспективное устойчивое развитие российского общества: от состояния разрухи и социальной аномии стремимся к росту уровня жизни и социальной стабильности. Эта особенность связана с преодолением полной неопределенности, характерной для 1990-х годов, и обретением реального курса развития страны, именуемого президентским. Появление ощутимых признаков социальной определенности, несмотря на финансовый кризис, связывается со стабилизацией политической и экономической ситуации в стране, с реализацией приоритетных национальных проектов, с перспективами продолжения этого курса в будущем.

Важная роль в этом процессе принадлежит молодежи [1]. Ее эффективное участие в реализации намеченного курса зависит от ряда внутренних и внешних факторов. Внутренние определяются социальными характеристиками самой молодежи как социального субъекта, а именно ее социальным положением и направленностью сознания. А внешние — социальными условиями, объективно сложившимися в обществе. Особо выделяются факторы, влияющие на уровень социальной определенности: степень стабильности общества; состояние социальных институтов как механизмов социальной регуляции (экономических, правовых, политических, институтов гражданского общества и т.д.) и эффективность их функционирования; определенность целей и задач, стоящих перед обществом в ближайшей и долгосрочной перспективе и выступающих ориентиром требований, предъявляемых обществом к молодежи. Гармоничная совокупность внутренних и внешних факторов обеспечивает необходимые и достаточные условия для развития молодежи, а в конечном счете и развития всего общества.

Список литературы

1. Зубок Ю.А. Молодежь между интеграцией и исключением: социально-экономический аспект / Ю.А. Зубок // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 2.

О.В. Бельчикова

ПРОБЛЕМА СВОБОДНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ВОЛИ В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Основной вызов переживаемой нами эпохи заключается в столкновении двух противоположных миров: с одной стороны находится стремительно развивающийся глобализм, с другой — «классический» консерватизм. Человеку XXI века очень легко потеряться в таком противоречивом многообразии мнений и ценностей, в котором «старые», или, точнее, «устаревшие», идеи вытесняются новыми, «более гуманными», «более современными», «более продвинутыми». В наше время остро

встает вопрос о примирении этих двух противоположностей, от которых зависит облик каждой конкретной личности, а значит, целой человеческой цивилизации. Как отыскать баланс между прогрессом в сфере прав личности и традиционными культурными ценностями? Имеют ли право на существование идеи, перечащие модным открытиям в сфере прав человека? Какова роль традиционных религий в сдерживании развивающегося либерализма в пространстве человеческих ценностей?

В современном мире, который стирает государственные, национальные и религиозные границы, христианство как фактор, способствующий формированию определенных мировоззренческих смыслов, многим кажется устаревшим. Но если мы присмотримся внимательнее к современному миру, то увидим, что даже те гражданские общества либо сообщества единомышленников, которые либо провозглашают себя свободными от религиозных предубеждений, либо открыто выдвигают себя оппонентами Христа, сами того не осознавая, часто имеют христианские корни. А все потому, что христианство, каким бы непопулярным оно сейчас не казалось, внесло в мир понятие, которое не существовало в античности: это понятие абсолютной ценности человеческой личности и ее совершенной свободы [1, с. 2]. Но несмотря на сходство в признании свободы человека как абсолютной ценности, и христианство, и либерализм понимают свободу по-своему.

В христианстве свобода — это дар, который дан человеку при его творении, чтобы тот смог сделать выбор в пользу сознательного подчинения себя воле Божией. Бог создал всех людей свободными по своему образу. Часть этой свободы содержится в каждом человеке. Поэтому истинная свобода — это «богоподобие» или то, что удерживает человека от зла, то есть от греха. Свобода — это человеческая способность направлять свою волю к Богу, а не к Его оппоненту.

В либерализме понятия греха просто не существует. Там могут быть свои особые понятия добра и зла, там есть свое «не этичное», «не гуманное», «не красивое», но понятия греха там нет.

Если мы посмотрим на православную святоотеческую традицию, то мы увидим, что в ней принято говорить даже не столько о свободе как таковой, сколько о воле, о свободе воли. Сам Господь истинно свободен и людей принуждать ни к чему не будет. Человек волен делать свой выбор как ему заблаго-

рассудится. Но для человеческого спасения необходимо, чтобы воля человеческая согласовывалась с волей Божией. Митрополит Вениамин (Федченков) характеризует это следующим образом: «Свободны не самовольники, а послушные. Свободны святые, а не грешники; у нас же идет непрерывная борьба за эту истинную свободу — через послушание Богу!» [2, с. 194]. Следуя православной традиции, только смирение дает человеку свободу. А люди, стремящиеся к ложной свободе, «произнося надутое пустословие, обещают им свободу, будучи сами рабы тления» (2 Петр. 2, 18), а иногда, добавляет апостол, «мы словами говорим будто свободные, но на самом деле употребляли свободу для прикрытия зла, а не как рабы Божии» (1 Петр. 2,16) [2, с. 194].

Концепция либерализма основана на идее освобождения человеческой личности от всего, что понимается как ограничение прав личности: делай что хочешь. Раскрепощенный, освобожденный от «оков традиции», человек свободен делать любые, даже греховные (с христианской точки зрения) деяния, которые не противоречат гражданскому праву и не нарушают свободу другого человека. Все это для классического христианства является искажением понятия свободы. Так, например, великий православный подвижник и писатель архимандрит Иустин Попович писал, что «свободой злоупотребляют, когда ее употребляют против Бога; совершенный грех рождает смерть, а Дьявол имеет две главные силы: грех и смерть» [3, с. 70].

Поэтому с точки зрения православия свобода не может быть целью в себе, иначе человечество будет вынуждено признать и ее крайние проявления, которые приводят к саморазрушению и распаду общества. Другими словами, если в мире все дозволено и из него изъяты высокие стандарты морали (не только религиозные, но и светские), то человек лишается стимула самосовершенствоваться, есть угроза, что он целиком будет сосредоточен на себе и на своих стремлениях. Такой подход к жизни ничего не созидает, но формирует культуру неограниченного потребительства, порождая ряд серьезных проблем в личной и общественной сфере человека, формирует реальную, законодательно утвержденную культуру греха.

В таком коренном отличии понятий свободы заключается и конфликт, и боль разрыва между современной культурой, рекламирующей либеральные идеи, и традиционными человеческими ценностями. А поскольку такой конфликт

может породить окончательную утрату ценностных ориентаций и последующее обезличивание человеческой культуры, этим конфликтом так озабочено традиционное христианство. Дело в том, что церковь и мир — не два онтологически различных организма, как если бы один был сделан из «святого», а другой — из «скверного» материала. С христианской точки зрения весь мир без исключения понимается как творение Бога, который Один только не тварен. И та часть мира, которая находится «вне Церкви», не является ни злой «по природе», ни чуждой Церкви [4, с. 6]. Та часть мира, что «вне Церкви», может заблуждаться, ошибаться, враждебно относиться к христианским традициям, но она тоже часть Божьего мира. А поскольку жизнь верующего — это не пассивное ужасание по поводу скатывания мира в пропасть и не пассивное ожидание «конца», но, скорее, участие в историческом деле Бога — в созидании и преобразовании мира, церковь может иметь право на голос. Век XXI — это век христианского миссионерства запутавшимся, оторванным от корней, лишенным самоидентификации, замученным социальными экспериментами людям.

Список литературы

1. Митрополит Антоний Сурожский (Блум). Встреча с неправославным обществом / митрополит Антоний Сурожский (Блум) // Миссионерское обозрение. – 1998. – № 3. – С. 2–5.
2. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении / митрополит Вениамин (Федченков). – М.: Русло, 1992.
3. Архимандрит Иустин Попович. Православная Церковь и Экуменизм / архимандрит Иустин Попович. – М.: Паломник, 2007.
4. Афанасиос Папафанасиу. Язык Церкви — язык мира. Общение или конфликт? / Афанасиос Папафанасиу // Миссионерское обозрение. – 1999. – № 1. – С. 6–8.

А.Е. Быкова

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблемы социальной защиты детей являются актуальными в любое время для любого общества. Это связано с тем, что дети, в силу присущего им недостаточного для самостоятельной жизни уровня физического, психического и жизненного опыта, всегда нуждались и будут нуждаться в повседневной опеке взрослых, а на уровне государственной власти и местного самоуправления — в социальной защите. Поэтому содержание детей, удовлетворение их разумных потребностей, защита от опасностей являются обязанностями человека, человеческого общества и государства в целом.

Возникнув в качестве мощного инстинкта продолжения человеческого рода, элементарные составляющие заботы о детях постепенно развиваются, обогащаются, совершенствуются и складываются в многоплановую, многоуровневую, многоаспектную систему социальной защиты детства.

Понятие детства рассматривается многоаспектными подходами к его определению в разных областях знаний, что в свою очередь затрудняет четкое определение объекта социальной защиты. В Преамбуле Декларации прав ребенка ребенок определен как человек «физически и умственно незрелый» [1, с. 387], именно поэтому ему должно быть уделено особое внимание социума на любом уровне. В Семейном кодексе РФ также устанавливается, что «ребенком признается лицо, не достигшее совершеннолетия, то есть 18 лет» (ст. 54) [2, с. 33].

Ратификация Российской Федерацией Конвенции ООН о правах ребенка 13 июля 1990 г. позволила обществу по-новому взглянуть на мир детства и привлечь к нему внимание общественности. Детство стало рассматриваться как «...социальный феномен, отражающий роль, место и положение детей как социальной группы в данном государстве и обществе; создание достаточных и справедливых условий для выживания и развития детей, для защиты прав каждого ребенка» [3, с. 28].

Социальная защита детства в современном мире, как и в России, является одним из важнейших факторов экономического, социального, культурного развития общества, представляет основу социальной политики государства. Право на получение социальной защиты стало одним из важнейших элементов правового статуса ребенка.

Система социальной защиты детства — система осуществляемых обществом и его официальными структурами различных мероприятий по обеспечению гарантированных условий жизни, поддержанию жизнеобеспечения и гармоничного развития ребенка с целью удовлетворения его потребностей и интересов [3, с. 33].

Социальная защита детства состоит в том, чтобы с помощью организационных, правовых, финансово-экономических, социально-психолого-педагогических средств, форм и методов осуществлять поддержку и помощь ребенку с целью удовлетворения его потребностей и интересов. Но, к сожалению, у разных детей разные потребности и учесть их все очень сложно.

Объектом социальной защиты детства в широкой трактовке являются все дети, т.е. несовершеннолетние, которые в соответствии с Декларацией прав ребенка нуждаются в специальной охране и заботе. В функционировании системы социальной защиты детства определяющую роль играют ее субъекты. Ведущую роль среди этих субъектов занимают организации, учреждения, социальные институты общества, к которым относятся: государство со своими структурами в виде законодательной, исполнительной и судебной власти; сеть учреждений социального обслуживания семьи и детей; органы управления предприятий, учреждений, организаций, учебных заведений и т.д., а также трудовые коллективы, профсоюзы. Средства массовой информации также выступают в роли субъектов социальной защиты детства. СМИ пропагандируют и распространяют опыт социальной защиты детства, зачастую выступают в качестве инициаторов и организаторов благотворительных акций в защиту детства. Но на наш взгляд, главнейшим субъектом социальной защиты детства была и будет семья — важнейший институт социализации ребенка. В Семейном кодексе закреплены права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей (ст. 64), определены основы правовой защиты детей от насилия в семье (ст. 77) [3, с. 45].

В интересах развития системы социальной защиты детства Правительством РФ разработаны и продолжают разрабатываться специальные целевые программы и подпрограммы. Эти программы и подпрограммы готовятся, рассматриваются, реализуются усилиями нескольких министерств и ведомств (образования, труда и социального развития, здравоохранения, внутренних дел РФ и экономического блока). Однако, на наш взгляд, все эти программы не в полной мере охватывают детей, а лишь направлены на определенную их категорию.

Наиболее характерной тенденцией развития российской системы социальной защиты детства является переход от советской системы социального обеспечения всех детей, т.е. их максимального охвата социальными благами преимущественно за счет государства, к адресной системе социальной защиты конкретных детей, находящихся в наиболее неблагоприятной ситуации.

Содержательная сторона современной социальной защиты детства характеризуется также определенными принципами, соблюдение которых обязательно для субъектов социальной защиты:

- всеобщность и доступность основных форм социальной защиты детства. Право детей на социальную защиту является всеобщим, оно распространяется на всех нуждающихся в защите детей;

- многообразии форм и видов социальной защиты детства. Социальная защита детства осуществляется в денежной, натуральной и юридической формах, в виде пенсий, пособий, льгот и услуг;

- единство и дифференциация социальной защиты детства. Все дети имеют право на социальную защиту, но нуждаются в ней в разной степени, в разных формах и размерах;

- осуществление социального обеспечения нуждающихся детей в объеме не ниже признанного государством прожиточного минимума;

- охрана права каждого ребёнка на социальную защиту [4, с. 48].

Формы и методы реализации социальной защиты детства являются ее основными структурными компонентами. Наиболее полная характеристика форм и методов социальной защиты детства представлена В.А. Варьвдиным и И.П. Клемантович [4, с. 50].

1. Постановления и решения компетентных органов. В области социальной защиты детства такими органами являются:

Федеральное собрание РФ, принимающее и одобряющее законы по конкретным аспектам социальной защиты детства и по системе в целом;

Президент РФ, подписывающий федеральные законы и издающий соответствующие указы;

Правительство РФ, принимающее постановления по вопросам социальной защиты детства;

суды РФ, рассматривающие спорные и проблемные ситуации в области социальной защиты детства;

министерства и ведомства РФ, рассматривающие конкретные аспекты социальной защиты детства;

руководители учреждений и предприятий, издающие правовые акты по вопросам социальной защиты детей.

2. Программы. Эта форма характерна для органов государственной власти, занимающихся социальной защитой детства. Известна федеральная целевая программа «Дети России», излагающая основные направления деятельности государства по разным аспектам социальной защиты детства.

3. Планы мероприятий по социальной защите детства. Например, План действий по улучшению положения детей в РФ на 2001–2002 гг. (утвержден распоряжением Правительства РФ от 21.08.2001 г. № 1090-р) [3, с. 38].

4. Создание и развитие материальной базы для социальной защиты детства. Материальная база является необходимым элементом социальной защиты детства и включает в себя следующие составляющие:

а) финансовую базу;

б) многочисленные здания, сооружения;

в) систему государственных пособий на детей.

Таким образом, в современной России существуют различные формы социальной защиты детства, которые используются как на федеральном, так и на региональном уровнях. В арсенале государства, общественных организаций и других субъектов социальной защиты детства имеется целый набор методов, применение которых позволяет добиться нужного результата в социальной защите детей. В числе этих методов:

– убеждение действующих и потенциальных субъектов социальной защиты детства (руководителей, должностных лиц и др.) в необходимости активного участия в социальной защите детства;

– использование авторитета известных и популярных государственных, общественных, религиозных деятелей, ветеранов войн и труда при проведении мероприятий по охране детей;

– стимулирование и поощрение мероприятий по социальной защите детства;

– анализ и прогноз развития системы социальной защиты детства.

Метод принуждения также не чужд социальной защите детства, а иногда и просто необходим (например, при взыскании алиментов в пользу детей).

Институт социальной защиты детства имеет богатую отечественную историю своего становления и развития. В течение многих веков становления российского государства он видоизменялся и приобретал новое значение как проявление сострадания к детям. На протяжении всей истории явно прослеживалось расширение субъектов социальной защиты детства и функциональное перераспределение ролей (от общины у древнейших славян до государства во главе с КПСС в советский период и общественных организаций в современных условиях).

Достаточно широк был диапазон форм социальной защиты детства — основными формами выступали различные учреждения, которые носили дифференцированный характер и предоставляли широкий спектр услуг.

Для того чтобы современная система социальной защиты детства была действенной и становилась все более эффективной, необходимо соблюдать одно важное условие — правильное применение методов и форм социальной защиты детства. А чтобы выполнить это условие, необходимо четкое определение объектов социальной защиты детства.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. – М., 1990. – 672 с.
2. Семейный кодекс РФ. – М., 2004. – 77 с.

3. Поддубная Т.Н. Справочник социального педагога / Т.Н. Поддубная, А.О. Поддубный. – Ростов н/Д, 2005. – 473 с.

4. Варывдин В.А. Управление системой социальной защиты детства / В.А. Варывдин, И.П. Клемантович. – М., 2004. – 192 с.

***Н.А. Варыгина, О.А. Коробкова,
А.В. Текутьева, М.Ш. Цыренова***

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ В ВУЗЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

В 2006–2008 гг. на кафедре истории и социальной работы (ИСР) был разработан социальный проект на тему «Создание условий для успешной учебной социализации студентов 1–2 курсов». Руководитель проекта — ассистент кафедры ИСР М.В. Берсенов, ответственный исполнитель — студентка группы 614 Н.А. Варыгина, исполнители — студентки той же группы О.А. Коробкова, А.В. Текутьева, М.Ш. Цыренова (объединенные в проектную группу ИСР-0701), консультанты — администратор ГПО на кафедре ИСР М.Ю. Ким и Е.С. Глухова (кандидат психологических наук, глава психологической службы ТГУ).

Решение о начале проекта по учебной социализации первокурсников было принято в ходе обсуждения различных вариантов социальных проектов всей проектной группой. Выбор темы обусловлен несколькими обстоятельствами [1, с. 54]. На момент начала проекта отсутствовал сформировавшийся локальный рынок социальных проектов, как следствие, кафедра ИСР не имела опыта соцпроектирования для внешних заказчиков. Практика показывает, что выбор внешних исполнителей соцпроектов заказчиками производится только в случае крайней необходимости и явного недостатка квалификации со стороны собственного персонала, в большинстве же случаев заказчики предпочитают обходиться собственными силами. При этом даже если выбирается внешний исполнитель, в качестве такового выступают обычно аффилированные с заказчиком лица или организации и лишь в редких случаях независимые

исполнители с высокой профессиональной репутацией. Коллектив исполнителей не мог похвастаться ни наличием тесных внешних связей, ни профессиональной репутацией.

Кроме того, большая часть таких заказов подразумевает интенсивное использование информационных технологий, вплоть до проектирования и создания информационных систем и баз данных. Знаний студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа», в этой области явно недостаточно.

Более того, и ряд специальных дисциплин, например курс «Методы социологических исследований», изучается студентами только на четвертом году обучения. Поэтому, кроме отсутствия наработанной репутации и проектного портфолио, коллектив ощущал существенную нехватку профессиональных компетенций.

В этой ситуации логичным решением был выбор для проекта предметной области, максимально знакомой исполнителям, а у них в достатке хватало опыта студенческой жизни, ее трудностей. Все участники проекта успели отучиться на первом курсе, и проблемы первокурсников были им эмоционально близки, а руководитель проекта являлся куратором 1-го курса и был заинтересован в разработке проекта. Следовательно, у студентов и руководителя присутствовали не только материальные стимулы к выполнению проекта [2, с. 160].

Студенты как целевая группа, в отличие от большинства других целевых групп, на которые может быть направлен социальный проект, обычно активнее проявляют заинтересованность в решении собственных проблем. Увеличивается вероятность поддержки с их стороны начинаний проектной группы. Не возникает проблем с их идентификацией — они локализованы в вузе, обладают рядом формальных признаков, легко позволяющих вычленивать эту группу; они, как «свои», гораздо охотнее идут на контакт.

Вышеперечисленные факторы и обусловили выбор целевой группы и тематики проекта.

Так как одной из основных задач работы группы, обусловленной интеграцией ГПО в учебный процесс, было освоение исполнителями необходимых эмпирических навыков и технологий проектного подхода, в процессе работы над проектом применялись сформировавшиеся в практике управления проектами концепции и решения, в частности «смартинг»

целей и методики выявления и структурирования проблем, заимствованные из системного анализа и смежных областей менеджмента. К формулировке целей, где это было возможно, применялись принципы SMART, то есть к целям предъявлялись требования конкретности (specific), измеряемости (measurable), достижимости (achievable), реалистичности (realistic) и достижимости за определенный срок (time-related) [3].

В качестве условного заказчика выступила кафедра истории и социальной работы, что и обусловило постановку проблемы.

Основной проблемой, для решения которой предназначался проект, была высокая (по оценке заказчика) отчисляемость первокурсников, приводящая к потере финансирования. Построение дерева проблем выявило множество причин такого явления.

Среди этих причин, включающих неизбежные ошибки конкурсного отбора абитуриентов, изменения жизненных и профессиональных приоритетов студентов в процессе обучения, личные обстоятельства, группе следовало идентифицировать комплекс причин, оказывающих влияние на показатели отчисляемости, и выделить те из них, на которые можно было бы эффективно повлиять в рамках данного проекта.

В ходе анализа проектной группой была выдвинута основная гипотеза о том, что определенная часть студентов отчисляется не потому, что они не способны обучаться в вузе, а из-за десоциализации, отрыва от привычной жизни, отсутствия некоторых житейских навыков.

Помимо основной гипотезы сформулирована и дополнительная — о формировании в результате десоциализации в коллективе группы аутсайдеров, первоначальные, возможно случайные, неудачи которых приводят к самоподдерживающемуся паттерну самоизоляции и «выпадения» из коллектива, обуславливающим снижение успеваемости и неспособность к самостоятельному разрешению проблем [4, с. 95].

Для проверки и уточнения гипотез, выявления влияющих на проблему факторов была определена программа исследований среди первокурсников. Следовало выяснить, каковы основные трудности, с которыми они сталкиваются в вузе, уровень мотивации и ее характер, а также то, зависит ли от статуса студента его успеваемость и мотивация к учебе. Исследования проводились в 8 группах: четырех условно «благополучных»

по успеваемости в результате первой сессии (без должников, учащиеся на «4» и «5») и четырех «неблагополучных» (большое количество должников за первую сессию, а также низких оценок). В исследовании участвовала глава психологической службы ТГУ Е.С. Глухова.

Основными факторами, выявленными в результате проведенных исследований, были (из архива группы ИСР-0701):

- превалирование внешней мотивации над внутренней у большинства студентов, а значит, отсутствие самоконтроля; студент с таким типом мотивации будет трудиться в том случае, если его принуждают обстоятельства, но он не видит ценности в самом обучении, а при весьма автономной студенческой жизни это может приводить к быстрому падению успеваемости, пропускам занятий и т.д.;

- неадекватная оценка собственного потенциала (если студент переоценивает свои силы, первая неудачная сессия может подорвать его веру в себя и привести к падению успеваемости; в том же случае, когда студент недооценивает свои способности, он может с самого начала запрограммировать себя на неудачу, а при подтверждении своих опасений лишь усугубит этот процесс);

- отсутствие понимания прямой зависимости между прилагаемыми усилиями и ожидаемым результатом (в этом случае студент не будет стараться при учебе раскрывать весь свой потенциал, что может привести к несоответствию оценок реальным возможностям студента).

Наиболее низкая учебная мотивация была отмечена у студентов-аутсайдеров коллектива (без опоры на внеучебные формы деятельности, в которые его не допускает коллектив, студент теряет интерес не только к общению с однокурсниками, но и к учебе как таковой, его неуспеваемость программируется системой) [5, с. 25] .

Исследование подтвердило первоначально выдвинутые гипотезы и позволило их дополнить.

После этого с применением техники «мозгового штурма» были сформулированы возможные стратегии смягчения эффекта десоциализации путем устранения (полного или частичного) внеучебных барьеров: проведение информационно-разъяснительных мероприятий для первокурсников и создание проблемно-ориентированных методических материалов для кураторов, реализация командообразующих мероприятий

в учебных группах, обучение студентов основам тайм-менеджмента. Общая цель кураторской деятельности — ускорение процессов коллективообразования, а также ознакомление студента с жизнью вуза.

По итогам анализа детализированных гипотез и вероятных стратегий решения проблемы определены направления действий группы на 2007/08 год обучения.

Проведены мероприятия по ознакомлению первокурсников гр. 617 с вузом (лекция по истории, структуре и основным службам вуза), мероприятия по сплочению коллектива (коллективные игры на развитие коммуникативных навыков, преодоление барьеров, выход на природу, деловые игры). Параллельно проводились исследования в гр. 617.

Оценка результатов проекта вызывает затруднения. Некоторое представление о них может дать сравнение качественной успеваемости и отчисляемости на 1–2 курсах группы, в которой проводился эксперимент, по сравнению с предыдущими группами (таблица).

Динамика качественной успеваемости и отчисляемости на 1–2 курсах Гуманитарного факультета за 2003–2008 гг.

Год набора	Отчислено на 1–2 курсах не по причине неуплаты	Процент к общему числу	Качественная успеваемость первого курса в весенний семестр, %
2003	5	12,2	61
2004	9	29	58,1
2005	8	18,9	54,1
2006	6	12,5	37,5
2007 (экспериментальная группа)	2	11,1	48,2

Примечание. Подсчитано по материалам Гуманитарного факультета ТУСУРа.

Как видим, по сравнению с отрицательной динамикой качественной успеваемости в предыдущие годы в эксперимен-

тальной группе произошел очевидный прогресс, в то же время достигнут минимальный показатель отчисляемости. Конечно, эти данные следует дополнить данными наборов 2008–2009 гг., с которыми также проводятся и будут проводиться указанные мероприятия. Тогда можно будет с уверенностью сказать, эффективен ли проект или следует вносить в него коррективы.

На завершающем этапе встал вопрос об институционализации инициатив группы. Подобный социальный проект не может найти воплощение в каких-либо материальных формах, а значит, для его внедрения необходимо создание нового социального института. Такой институт может обладать большей или меньшей степенью формализации. Излишне формализованный институт, на который централизованно выделяются средства, с закрепленными целями может обеспечить проекту достаточно стабильное существование, но при этом у него будет недостаточно развита обратная связь, что чревато со временем отрывом его от реальной жизни и нарастающей неэффективностью. С другой стороны, малая степень формализации грозит тем, что исполнители, предоставленные сами себе, отойдут от первоначальных целей проекта. С учетом приобретенного опыта (совместное участие студентов проектной группы и руководителя) была сформулирована идея создания на втором курсе клуба помощи первокурсникам. Клуб — слабо институционализированная организация людей с общими интересами. Клубные формы работы позволяют использовать инициативы самих студентов, развивать идею социализации первокурсников в тех направлениях, которые будут считаться первоочередными на том или ином этапе работы. Клубом будут осуществляться необходимые мероприятия в очерченных выше рамках, что позволит сократить число отчисляемых первокурсников. В то же время содержание клуба экономичнее, так как поддерживается прежде всего заинтересованностью студентов в осуществлении их собственных проектов. Институционализирующим звеном в такой схеме является куратор, а контингент студентов может меняться от мероприятия к мероприятию.

В 2008 г. при координации группы ИСР-0701 была продолжена работа по социализации студентов 1 курса. Из числа второкурсников сформирована добровольческая бригада, которая осуществляла подготовку и проведение ряда мероприятий, направленных на социализацию студентов 1 курса.

Следует обратить внимание на то, что студенты, поучаствовавшие в таких мероприятиях, сами начинают стремиться провести аналогичные для своих младших товарищей, то есть система способна воспроизводить себя. Работа группы встретила одобрение куратора первого курса и самих первокурсников.

Хотя данная форма работы еще только внедряется в практику кураторской деятельности на кафедре, уже сейчас можно прогнозировать перспективы проекта. В дальнейшем планируется заложить традицию помощи куратору, в результате которой у второкурсников будут формироваться основы проектного мышления, будет приобретен некоторый опыт в социальной работе, студенты второго курса получают возможность реализации своих творческих инициатив, а вокруг куратора сформируется сеть добровольных помощников, что облегчит его работу и повысит ее эффективность. В дальнейшем возможно усложнение функций клуба. Куратор и его помощники могут, например, наладить обратную связь, чтобы отследить, как именно воздействует то или иное мероприятие на коллектив первокурсников и т.д.

Список литературы

1. Грик Н.А. Первый опыт организации группового проектного обучения на кафедре истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники / Н.А. Грик, М.Ю. Ким, М.В. Берсенев // Групповое проектное обучение : докл. второй науч.-метод. конф. – Томск, 2007. – Т. 1. – С. 53–54.

2. Берсенев М.В. Роль руководителя в организации процесса группового проектного обучения (на материалах проектной группы кафедры ИСР ТУСУР) / М.В. Берсенев, М.Ю. Ким // Групповое проектное обучение : докл. второй науч.-метод. конф. – Томск, 2007. – Т. 1. – С. 53–54.

3. Васильева Н. Целеполагание и управление по целям: истоки, основы, ошибки / Н. Васильева // Управление компанией. – 2006. – № 8. – С. 101–103.

4. Текутьева А.В. Куратор как социальный работник / А.В. Текутьева // Научная сессия ТУСУР-2008 : материалы докл. Всероссийской науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: В-Спектр, 2008. – Ч. 5. – С. 94–97.

5. Кузьмина В.М. Проблема социальной адаптации молодежи в процессе обучения в вузе / В.М. Кузьмина // Ученые записки РГСУ. – 2007. – № 1. – С. 25–27.

Д.В. Вельш

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ГРАНТОВ

В последнее время значение социальных проектов на муниципальном уровне актуализировано дискуссиями в политических, деловых и общественных кругах, что привело к значительному увеличению числа деятельных людей, готовых спланировать и осуществить социальные проекты, способные положительно повлиять на общество, его самочувствие. Готовность идти навстречу демонстрирует и власть. Это прослеживается на примере Томского муниципального гранта. Грантовый пул в 2007 г. составил 1 млн 245 тыс. рублей. Конкурс проводился по четырем номинациям: «Будущее России за нами», «Город моей мечты», «Мы — граждане» и «Добро без границ». На участие в гранте было подано 33 заявки, из них удовлетворено 28, из городского бюджета победители получили для реализации проектов от 20 до 70 тыс. рублей [1]. В 2008 г. количество претендентов на муниципальный грант возросло: подано 42 заявки, 31 из них удовлетворена, 6 проектов получили максимальную сумму — 90 тыс. рублей. Остальные проекты были профинансированы в меньшем размере — до 15 тыс. рублей.

С грантами 2007 г. и 2008 г. наша группа ISR 0702 работала в рамках группового проектного обучения в ТУСУРе. Проект заключался в создании методики оценки эффективности социальных проектов и грантов. Сотрудничество осуществлялось непосредственно с комитетом по местному самоуправлению городской администрации Томска, который ведет основную работу с муниципальным грантом. Наша работа состояла в мониторинге проектов и подготовке отчетов в комитет. Мониторинг проектов муниципального гранта заключался в интервью с руководителями, участниками, целевой группой

и благополучателями проекта, сравнении и оценке запланированных и достигнутых результатов: сверка плана и факта; посещение основных мероприятий, праздников, тренингов и т.д.

Изучая динамику развития муниципального гранта, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, качество написания заявок на грант стало значительно лучше, хотя по-прежнему существуют недочеты, такие как повторы в заявке, неправильная интерпретация целей и т.д. Во-вторых, грант из года в год получают одни и те же организации, уже обладающие опытом проектирования, известные в управленческой среде, реализующие, как правило, почти один и тот же проект на протяжении нескольких лет. Большинство подобных проектов направлено на важные социальные проблемы общества или на группу людей, которым жизненно необходима эта деятельность. Примеров таких организаций достаточно: программе «Диалог» Томской областной детско-юношеской организации «Улей», посвященной проблемам межнациональной толерантности в школе, исполняется в этом году пять лет; также длительно занимается грантовой деятельностью организация «Томский ковчег», проект «Счастливое детство» ТСЖ «Березовая роща» продолжается уже 2 года и т.д. Это особая дилемма муниципального гранта: кому дать средства? Инновационному или старому, проверенному и необходимому проекту? Организации, получающие из года в год муниципальный грант, рассматривают его как необходимую поддержку для своей обычной деятельности. Эта деятельность зачастую направлена на категорию людей, особенно нуждающихся в помощи и внимании: лиц с ограниченными возможностями здоровья (в том числе детей), пожилых одиноких людей и т.д. Но грантовый пул всегда ограничен. Решение этой проблемы, очевидно, возможно при предоставлении таким организациям особой стипендии, позволяющей осуществлять их основную деятельность.

Оценка социальных проектов часто ведется, исходя из представлений о прошлой деятельности организаций, их авторитета, сложившихся стереотипов. Наша проектная группа пыталась избежать подобной ситуации, что возможно с помощью объективных критериев. Независимая оценка актуальна для непосредственно мониторинга проекта или завершающей оценки. Хотя на первом этапе, когда заявки организаций на

получение гранта только рассматриваются экспертным советом, опыт организации стоит учитывать — не как определяющий фактор, а как усиливающий оценку компетентности организации в той области, на которую направлен проект.

Также наблюдается тенденция распространения значения мониторинга как среди грантодателей (о чем говорит заказ комитета по местному самоуправлению на оценку проектов нашей проектной группе), так и среди грантополучателей. Вначале, при оценке проектов муниципального гранта 2007 г., нередко мы наталкивались на отчуждение среди руководителей и участников проектов, часто интервью воспринимались ими как проверки. Однако в 2008 г. сам термин «мониторинг» уже часто упоминался в заявках, реакция грантополучателей стала проще. Появилась обратная связь: советы, замечания. Благодаря этому можно положительно характеризовать нашу деятельность по оценке социальных проектов.

Кроме того, в ходе взаимодействия в рамках оценки проектов муниципального гранта 2008 г. были выявлены грантополучатели и организации, нуждающиеся в наших консультациях и тренингах по социальному проектированию. Поэтому мы внесли в свой проект дополнительную цель: разработать и освоить семинар-тренинг по основам проектирования на муниципальном уровне и предложить его комитету по местному самоуправлению в 2009 г.

Анализ организации муниципального гранта 2008 г. свидетельствует о более тщательном и строгом отборе заявок. Так, грант не получили некоторые организации, имеющие длительный опыт в этой деятельности, но при этом оформившие неправильно или небрежно заявку на грант. Например, межрегиональная общественная организация «Экологический центр «Стриж», проект «Экополис лидерства»; ТРОО клуб многодетных семей «Лада», проект Сквер «Многодетная семья»; ТРОО «Томский городской комитет избирателей», проект «Школа Активного Гражданина: новые перспективы».

Изучение проектов муниципального гранта 2007 и 2008 гг. позволило выявить некоторые типичные ошибки и недостатки при их реализации. Главным и достаточно распространенным является несоответствие мероприятий запланированным срокам, их перенос. Однако в основном задержки носили объективный характер. Для проектов, направленных на создание материальных ценностей (ремонт, постройка, установка

оборудования и т.д.), часто причиной отставания от плана являлась задержка поставки оборудования и других составляющих. Нередко перенос мероприятий обуславливался погодой или тем, что основная группа участников в это время была несвободна (так было в проекте «Фестиваль Средневековой культуры “Серебряная башня IV”» Томской региональной общественной организации Военно-исторический клуб «Ворон»). В проекте «Создание музея “Мокрушинский”» (школа № 49) сроки были перенесены из-за объединения двух школ и возникших в связи с этим проблем с помещениями. Работа по проекту велась в разрозненных помещениях. Но с рядом проектов были серьезные проблемы: деньги муниципального гранта потрачены, но цели и задачи проектов не выполнены. В этих случаях предпринимались серьезные меры вместе с комитетом по местному самоуправлению.

В целом опыт участия в оценке социальных проектов муниципального гранта 2007 г. помог нашей группе основательнее и более профессионально осуществить экспертные оценки в 2008 г. по всем проектам. Этот опыт, а также изучение литературы, опыта других субъектов Российской Федерации легли в основу нашей методики оценки эффективности социальных проектов и грантов.

Список литературы

1. Город — это мы!. – Томск: Курсив, 2007. – 32 с.

М.В. Вишневецко

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА В РОССИИ

Благотворительность российского бизнеса не является чем-то новым в отечественной истории. Сегодня уже много известно о том вкладе, который внесли русские капиталисты на рубеже XIX и XX веков как в поддержку бедных и неимущих слоёв населения, так и в развитие национальной культуры. Стараниями П. Третьякова, С. Щукина, С. Мамонтова, С. Морозова создавались художественные галереи, театры, музеи. Такие меценаты, как Бахрушин и Алексеев, строили богадельни, приюты,

школы. В сегодняшние дни вновь приобретает актуальность социальная ответственность бизнеса, поскольку слой богатых предпринимателей, сформировавшийся во время либеральных реформ, начинает тратить накопленные средства, в том числе и на нужды общества.

Исследования по проблеме благотворительности описывают главным образом деятельность дореволюционных российских благотворителей, её причины, а также роль в социальной жизни [1, 2]. Ряд авторов рассматривает западноевропейский опыт благотворительности, его традиции и масштабы [3]. Современный российский опыт по поставленной проблеме остаётся малоизученным.

В данной статье рассматривается проблема влияния дореволюционной традиции и западноевропейского опыта на формирование социальной ответственности бизнеса в России настоящего времени.

Обращаясь к традициям дореволюционной мотивации благотворительности, можно проследить следующую тенденцию: филантропические поступки совершались, исходя во многом из христианского учения о любви к ближнему, а также веры человека в возможность благими поступками спасти свою душу. Поэтому современные исследователи обращаются к религиозности русских предпринимателей как к основному мотиву их благотворительной деятельности. Будучи людьми очень религиозными, они считали необходимым помогать нуждающимся, чтобы «искупить» свою жесткость в деловой сфере, оправдать богатство и заслужить прощение за совершенные или будущие грехи. В отличие от дворянства, обладавшего значительными богатствами в виде недвижимости, но постоянно ощущавшего нехватку «живых» денег, купечество имело значительные средства. Обладая большой практической сметкой, предприниматели стремились направить деньги на богоугодное дело также максимально целесообразно, устраивая благотворительные заведения, делая то, что могло принести пользу Отечеству или нуждающимся. К 1900 году только в Москве производилось больше пожертвований, чем в Париже, Берлине и Вене. В 1910 году в России было зафиксировано 4762 благотворительных общества и 6278 благотворительных заведений различных типов. Лишь 25 % их общего бюджета финансировалось за счет средств казны и местных органов власти, остальное — за счет частных пожертвований, по большей части купечества.

Только по Москве они ежегодно составляли от 1 до 4 млн рублей [2, с. 35]. Однако, оценивая благотворительную деятельность этого социального слоя, исследователи считают, что изъятие денег из прибыли от эксплуатации наёмного труда и раздача этих денег на благотворительные цели в виде милостыни отражали парадокс русского предреволюционного периода: наёмные рабочие русских предпринимателей зарабатывали деньги для своих хозяев, а потом нищие на улицах получали эти деньги в виде милостыни. В качестве примера можно привести описание деятельности интеллигентной купеческой семьи Хлудовых. Дореволюционный историк московского купечества П. Бурьшкин писал, что Алексей Иванович, по отзывам людей, близко его знавших, был «человек неподкупной честности, прямой, правдивый, трудолюбивый, отличавшийся силой ума и верностью взглядов». В своей работе исследователь Тазьмин обращается к другому дореволюционному источнику — книге К. Пажитнова «Положение рабочего класса в России». Анализируя причины рабочего бунта в 1880 г. на ткацкой фабрике Хлудовых в Ярцево, автор пишет, что владелец фабрики, наживший миллионы, по купеческому обычаю думал и о спасении души. Незадолго до «истории» он сделал пожертвование в 12000 рублей на поддержание типографии, печатавшей богослужбные книги для старообрядцев. Условия же работы на фабрике были тяжелые: хлопчатобумажная пыль, удушливая жара и запах, огромные штрафы, выплата жалования съестными припасами и одеждой из хозяйских лавок. Все эти условия привели к бунту. Хлудов в присутствии генерал-губернатора обещал отменить снижение зарплаты, но потом от обещания отказался [3, с. 93].

На Западе благотворительность имеет вид добровольного вклада в социальную сферу. Принципы корпоративной социальной ответственности, обусловленные общественными ожиданиями, сводятся к активному действию организации в таких сферах, как охрана среды обитания, здравоохранение, защита прав граждан и потребителей. К примеру, «Кока-кола» — крупнейшая американская корпорация — является одним из главных производителей безалкогольных напитков в мире. Через фонд, основанный в 1984 г., компания занимается международной благотворительностью. Она осуществляет профилактические и просветительские программы по ВИЧ/СПИДу в Латинской Америке, Северной Америке и стра-

нах Тихоокеанского бассейна. Фирма «Майкрософт» своими инициативами в рамках «Глобального гражданства» стремится создать людям и предприятиям по всему миру условия полностью реализовать свои возможности. В частности, программа «Безграничный потенциал» помогает отдельным людям и сообществам по всему миру осуществлять свои цели и мечты с помощью актуальных, доступных и недорогих технологий. Корпорация «Эксон Мобил» через свой благотворительный фонд в 2006 г. предоставила наличных средств, товаров и услуг на 138,6 млн долларов по всему миру, в том числе 59,3 млн долларов населенным пунктам за пределами США [4]. Таким образом, можно говорить о западной благотворительности как о деятельности более расчётливой, чем благотворительность дореволюционных российских предпринимателей. Западные меценаты не просто люди, желающие искупить свои прегрешения перед обществом за счёт призрения страждущих, а расчётливые бизнесмены, преследующие определённые цели, такие как улучшение экологической ситуации или снижение напряжённости в обществе, как об этом пишет в своей статье Р.Г. Апресян [5].

В современной России, где слой людей, способных на широкую меценатскую деятельность, формируется только в течение последних 15 лет, достаточно остро стоит вопрос осознания направленности политики благотворения. Деятельность современного российского бизнеса находится под большим влиянием западной традиции благотворительности. Нынешние благотворители основной упор в своей меценатской деятельности делают не на призрение нищих и обездоленных, как в царской России, и не на улучшение качества среды человеческого проживания (как социальной, так и природной), а на вложение в сферу образования и науки. Очень характерны слова владельца сетей «Голден-телеком» и «Корбина-телеком» Александра Мамута: «Мы награждаем не тех, кто дороже всех сдал свой институт под мебельные магазины, а тех, кто добился успеха в коммерческой реализации научных продуктов и научных услуг. То есть тех, кто смог найти себя на рынке, мы не финансируем проекты, мы финансируем людей» [6, с. 15]. Есть основание полагать, что характер благотворительной деятельности современного российского бизнеса определяется необходимостью собственного развития, а не пониманием социальной ответственности перед обществом. Таким

образом, благотворительность современного российского бизнеса отличается от западной традиции, а также от традиции дореволюционной благотворительности.

Можно сказать, что в настоящее время государство старается использовать различные частные благотворительные фонды в качестве источника финансирования своих социальных программ. Расчёт строится на том, что фирмам и фондам даются разного рода налоговые льготы. Такая политика играет большую роль: с одной стороны, привлечение негосударственных инвесторов существенно сокращает затраты бюджета на реализацию социальных программ; с другой стороны, реализация этих программ с помощью частных структур даёт обществу понимание, что о нём проявляет заботу не только государство, но и та часть общества, которая является наиболее успешной и наиболее социально защищённой.

Таким образом, российская благотворительность находится сейчас в самом начале пути становления. Идёт процесс осознания традиций современного меценатства. В данный момент можно смело говорить лишь о том, что нынешняя деятельность российских бизнесменов в этой сфере не похожа ни на российскую дореволюционную с её христианским человеколюбием, ни на западную с её расчётливым улучшением среды обитания человека. Представители современного бизнеса в России только начинают осознавать ответственность перед обществом за свои действия, связанные с вложением капитала, в том числе в сферу благотворительности.

Список литературы

1. Бурьшкин П.А. Москва купеческая / П.А. Бурьшкин. – М., 1991.
2. Голицын Ю. Предпринимательство и русский характер / Ю. Голицын // Русский предприниматель. – 2001. – № 11.
3. Тазьмин Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России. К вопросу о мотивациях / Ю.Н. Тазьмин // Социологические исследования. – 2002. – № 2.
4. Информационный сайт о США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.america.gov/ru/fpolicy/aid/business2.html>, свободный.

5. Апресян Р.Г. Филантропия: милостыня или социальная инженерия / Р.Г. Апресян // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5.

6. Таратута Ю. Корпоративные инвестиции / Ю. Таратута // Коммерсант-Деньги. – 2002. – № 41.

Н.В. Грек

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА РАННЕГО СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–30-Х ГГ.

Безусловно, дети-сироты — это совершенно особый слой нуждающихся в социальной защите. Проблема сиротства всегда являлась социально значимой, однако в последнее столетие в нашей стране на первый план выходит социальное сиротство — «явление устранения или неучастия большого круга лиц в выполнении ими родительских обязанностей» [1]. В какой-то мере его можно назвать наследием советской эпохи, когда без изменения не осталась ни одна сфера жизнедеятельности индивида, семьи и общества в целом (включая и приватную сферу межличностных отношений). В данной работе мы рассмотрим меры семейной политики советского периода, а также оказанное ими влияние на проблему раннего социального сиротства, под которым мы подразумеваем отказ от ребенка или оставление его в родильном учреждении. Мы будем обращать внимание прежде всего на политику в отношении материнства и детства, поскольку отец был и остается отдаленной от семьи, маргинализированной фигурой [2], отвечающей в основном за материальное обеспечение семьи. Современный дискурс также подразумевает разницу между осуществлением заботы и материальным содержанием, то есть разницу между обязанностями мужчин и женщин в семье. В этом плане наша страна оказалась преемницей советской России.

Для начала стоит отметить, что идеология советского государства серьезно отличалась от социальной концепции монархического строя:

– она декларировалась открыто и распространялась среди всех, даже самых низших слоев населения;

– кардинально изменилась ценностная система. На смену индивидуальной значимости человека и его потребностей пришли первостепенные интересы и цели государства;

– стала явной тенденция ликвидации религиозности среди различных слоев населения. Вследствие этого произошло массовое закрытие сиротских приютов, находящихся в ведении церковных приходов.

Некоторые ученые придерживаются мнения, что советское государство «осуществляло гигантский эксперимент в сфере отношений между полами, в конфигурации и иерархии мужского и женского гендера» [3]. В 1920-е годы были провозглашены отмена «домашнего рабства» [4] и равноправие партнеров в сексуальных отношениях. Следствием этого явилось естественное увеличение числа детей-сирот, за которых никто из родителей не хотел или не мог нести ответственность. На это обращают внимание в своих работах А. Пушкарев и Н. Пушкарева, анализируя последствия свободных половых отношений [5].

Родительство также претерпело значительную трансформацию: гражданский брак был признан единственно законным, рожденные в браке и вне брака дети уравнивались в правах. В Семейном кодексе 1918 года запрещается усыновление и не предпринимается никаких действий по устройству детей в патронатные, фостерные семьи [6]. Новое правительство, столкнувшись с данной проблемой, не нашло иного выхода, кроме увеличения числа интернатных учреждений, в которых вполне удачно продвигалась идея воспитания поколения истинно советских граждан и услугами которых пользовались матери. Если учесть жесткую идеологическую направленность политического развития России советского периода, то само существование данных учреждений вполне отвечает концепции М. Фуко о средствах социального контроля [7]. Именно в тот период возникает контракт «работающей матери», основной функцией которого было установление равноправия между мужчинами и женщинами с целью вовлечения последних в процесс экономического производства. Женщина рассматривалась как «трудовая единица» [8], при этом обязательной была реализация и репродуктивной функции.

Однако нельзя забывать и о том, что в 1920–30-х гг. успешно реализовывалась концепция советской политики «социального материнства», которая предполагала создание мощной законодательной базы в сфере охраны материнства и младенчества и способствовала значительной социальной защищенности женщин. Так, например, женщине предоставлялся оплачиваемый дородовой и послеродовой отпуск, обеспечивалось право на получение алиментов от отца ребенка, право на аборт по желанию женщины [9]. Особенная роль отводилась пропаганде: врачи, медсестры, акушерки обязаны были распространять информацию о личной гигиене, сексуальном воспитании, о правильном уходе за детьми. Однако неблагоприятная экономическая ситуация тех лет перевешивала положительную динамику в области защиты прав женщин. Дом младенца задумывался изначально как один из агентов социальной политики в области охраны материнства и младенчества и предназначался исключительно для сирот [10], однако в дальнейшем под влиянием социально-культурных факторов это учреждение стало играть роль приемника для отказных и брошенных детей. В дальнейшем сложилась такая система социальных институтов, которая быстро реагировала на отказ от ребенка путем помещения его в специализированные учреждения. Мы не имеем информации об отказных детях в те годы, однако можем предположить, что влияние оказывала идеология государственного воспитания, а также острый в то время вопрос материального благополучия. Следовательно, мы можем выделить следующие основные причины отказа от ребенка: происходила интенсивная феминизация российского общества, женщины были активно вовлечены в производственный процесс и на воспитание детей практически не оставалось времени; женщины были уверены, что государство сможет лучше позаботиться о детях, чем они сами, и сделать из нового поколения настоящих советских людей; несмотря на декларируемое равенство полов, женщина все же занимала непривилегированное положение, что прямым образом сказывалось на оплате труда.

Период 1920–30-х годов характеризуется неустойчивостью, постоянными колебаниями из крайности в крайность. Так, например, полная сексуальная свобода в отношениях сменилась в 1930-х годах традиционной формой семьи. Репрессивные меры касались не только политических процессов, но и интимной семейной сферы. Советское государство стремилось

к ограничению свободы личности, и это затрагивало, в том числе, и сферу материнства. В 1936 г. законодательно были запрещены аборт, вследствие чего возросла смертность женщин от криминальных абортов и число отказных детей [11]. Немного позже, в 1944 г., Президиум Верховного Совета СССР принимает указ, согласно которому только зарегистрированный брак считается легитимным, что, фактически, перекладывает ответственность за рождение внебрачного ребенка на женщину [12]. Этим же указом запрещалось установление отцовства детей, рожденных вне брака [13], вследствие чего мужчина как бы полностью устранялся из жизни матери-одиночки и ее ребенка. В итоге женщина, заключенная в жесткие рамки права и общественного мнения, не имела иного выхода из сложившейся ситуации, кроме отказа от ребенка (который зачастую был вынужденным).

Конечно, советский период — совершенно особый временной промежуток, имеющий свои позитивные и негативные черты. Сохранившаяся с тех пор система институционализированного воспитания детей-сирот, несомненно, должна быть пересмотрена в соответствии с приоритетами современной семейной политики. Акцент должен ставиться не на том, как сделать функционирование этой системы более эффективным, а на реструктуризации ее таким образом, чтобы мобилизовать все имеющиеся возможности профилактики попадания в нее отказного младенца. Кроме того, необходимо более детальное изучение причин отказа от новорожденных, которые, безусловно, также претерпели изменения в постсоветский период.

Список литературы

1. Словарь-справочник по социальной работе / под ред. проф. Е.И. Холостовой. – М.: Юрист, 2000.
2. Здравомыслова Е. Советский этакратический гендерный порядок / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Социальная история. Женская и гендерная история / под ред. Н.А. Пушкаревой. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 436–464.
3. Черняева Н. Производство матерей в Советской России: учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации / Н. Черняева // Гендерные исследования. – 2004. – № 12. – С. 118–129.

4. Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство / А. Коллонтай. – М.: Госизд-во, 1920.

5. Пушкарев А. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» / А. Пушкарев, Н. Пушкарева // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярославской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. – 2007. – С. 199–227.

6. Bernstein L. Fostering the next generation of socialists: patronirovanie in the fledgling Soviet state / L. Bernstein // Journal of family history. – 2001. – Vol. 26. – P. 66–89.

7. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: AdMarginem, 1999.

8. Здравомыслова Е. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1, № 3/4. – С. 299–321.

9. Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы / Ю. Градскова // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX век / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярославской-Смирновой. – Саратов: Научная книга; ЦСПГИ. – 2005. – С. 298–313.

10. Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы / Ю. Градскова // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярославской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. – 2007. – С. 242–261.

11. Словарь гендерных терминов / под ред. А. Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002.

12. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия / С.Г. Айвазова. – М.: РИО Русанова, 1988.

13. Гендерная экспертиза российского законодательства / под ред. А. Завадской. – М.: Бек, 2001.

С.А. Григорьева

ВОЗМОЖНОСТИ ФОТОГРАФИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ТЕРАПИЯ, ОБУЧЕНИЕ, РАЗВИТИЕ

Последнее десятилетие XX века ознаменовалось появлением большого количества устройств, изменивших привычный взгляд на вещи. Одним из таких устройств является цифровая фотокамера. В настоящее время фотографии сопровождают человека на протяжении всей жизни. Они чаще всего являются зримой памятью поколений, бережно хранятся и передаются от старшего поколения младшему. «Фотография появляется как изобретение в мире шума речей, социальных движений разного толка, стремительных ускорений, взрывов информации и коммуникаций» [1]. Но парадоксальность изобретения заключалась в том, что «фотография несет в себе идею сопротивления всему перечисленному — она мобилизует фотографическое молчание, неподвижность, возвращает миру таинственность, ставит под вопрос любые принудительные сигнификации» [2]. Известен афоризм кинорежиссера Ж.-Л. Годара: «Если фотография — это правда, то кино — это правда двадцать четыре раза в секунду» [3]. Более полутора веков фотокамеры наблюдают за миром с самых разных сторон, но наблюдения над фотографией пока скромны.

Фотография выступает одним из вариантов огромного числа восприятий повседневной жизни, в этом феномене отображаются социально значимые реальности. Интерес к фотографии — это как раз интерес к повседневной жизни обыкновенного человека, интерес к коллективному опыту и коллективным представлениям [4]. В повседневной жизни человек может столкнуться с нестандартными, сложными, кризисными ситуациями. Поэтому здесь представляется интересным рассмотреть возможности новых арт-терапевтических техник (одной из которых является занятие фотографией) в психологическом консультировании, в психокоррекционной, реабилитационной и социальной работе.

Занятия фотографией могут дать путевку в жизнь. Фотография может перерасти из простого увлечения в дело всей жизни или превратиться в профессию, так как это случилось

с ребятами, которые занимались в фотокружке областного центра дополнительного образования «Поиск» г. Саратова, — Любой и Иваном. Эти талантливые ребята, закончив обучение в Саратове, отправились в Москву в поисках мечты. И нашли ее. Они поступили во ВГИК на специальность оператора. Сейчас продолжают успешно обучаться. Из рассказов заведующего отделом краеведения этого центра становится ясно, что истории таких побед, может, и немногочисленны, но именно занятия фотографией открыли новый мир их воспитанникам, который они захотели показать и другим людям. Так фотография повлияла на жизненный выбор молодых воспитанников «Поиска». [Из беседы с Александром Васильевичем Пузиковым, заведующим отделом краеведения областного центра дополнительного образования «Поиск», Саратов, октябрь 2008 г.] Отзывы участников проекта «Фоторадуга» общественной организации инвалидов-колясочников «Десница» (г. Самара) позволяют утверждать, что такого рода проекты помогают им определиться со своей будущей профессией.

Фотографию можно рассматривать как способ реализации инклюзии. Занятия фотографией позволяют детям с инвалидностью получить опыт пребывания в школе. Участвуя совместно со сверстниками в процессе обучения и взаимодействуя внутри этого процесса, они добивались результатов, а дети без инвалидности узнавали об ограничениях и, что самое важное, о возможностях своих сверстников с инвалидностью. Так воспитывается толерантное отношение к детям с инвалидностью. Совместные занятия фотографией могут разрушить стереотипы и позволить совершенно другим образом посмотреть на мир и окружающих людей. «За эти дни я подружился с детьми-инвалидами. Они показали мне новый мир без мата и сигарет, у них очень доброе сердце», — поделился своими впечатлениями Хапин Валера, чьи тематические фотографии, сделанные с фантазией и юмором, дважды признавались лучшими: «Необыкновенные предметы» и «Мой любимый уголок» в рамках проекта «Фотокласс». «Мне очень понравилось фотографировать и общаться с инвалидами. Весь третий день я была грустной, потому что мне хотелось домой, но потом я развеселилась и начала фотографировать», — призналась Виктория Бурлака, героиня фотографии Жени Писаревского «Мой новый друг» [Из интервью с Викторией Бурлака, участницей проекта «Фотокласс».] Результаты проектов «Фоторадуга»

(г. Самара, общественная организация инвалидов-колясочников «Десница») и «Строим мосты — фотоаппараты в руках детей» (г. Москва, общественная организация) свидетельствуют:

1) дети с инвалидностью и без инвалидности, участвующие в проектах, получили опыт общения друг с другом, обрели новых знакомых и друзей;

2) дети познакомились с искусством фотографии, узнали много интересного о профессии фотографа и сами выступили в качестве творцов;

3) дети с инвалидностью получили опыт пребывания в школе; участвуя совместно со сверстниками в процессе обучения и взаимодействуя внутри этого процесса, добивались результатов;

4) дети без инвалидности узнали об ограничениях и, что самое важное, о возможностях своих сверстников с инвалидностью;

5) фотографы, участвующие в проектах, получили возможность обновить свой взгляд на фотоискусство;

6) фотографы, участвующие в проектах, выразили желание дальнейшего сотрудничества с организацией «Десница» в реализации подобных проектов;

7) итоговая фотовыставка «Радуга Рождества», помимо всего прочего, может служить ярким доказательством возможности инклюзивного образования;

8) проекты позволили сформировать в детях чувство толерантности, в том числе и к людям иной национальности [5].

Занятие фотографией позволяет детям увидеть нечто интересное в привычных вещах, то, на что они раньше не обращали внимание. Взгляд на жизнь через объектив открывает новые возможности для детей, в том числе понимать, осознавать, видеть окружающий мир иначе, задуматься над многими вещами, что необходимо при коррекционной работе с детьми. Например, из отзыва участника проекта «Фоторадуга» Мити Никитина: «Мне кажется, что фотограф нужен для того, чтобы с помощью света показать людям то, что они сами не видят или не могут увидеть. Мне нравятся сложные фотографии, которые передают эмоции и чувства через вещи, которые мы не всегда замечаем. Например, лампочка, которая тускло светит в коридоре и олицетворяет собой отчаянное одиночество, или старая, дряхлая дверь, которая вот-вот развалится, — всё это символы» [6].

Фотография имеет важное значение и может быть весьма полезна для укрепления межпоколенческих связей при работе с семьей. К примеру, создание или просмотр семейного альбома. Фотографии из альбомов российской повседневности — важный элемент семейной коммуникации, поддержания групповой солидарности. Характерная фраза из семейной переписки в стране, где родственники все чаще живут далеко: «Фотографии получили?» [6]. Фотографии, как правило, подписывают. Особенно актуально это становится для родственников, которые живут далеко друг от друга. Часто звучит просьба не забывать их. А фотография служит некой связующей ниточкой и визуальной памятью. Важным также является тот момент, когда бабушки и дедушки, листая семейный альбом, вспоминают свое прошлое и делятся им со своими детьми и внуками. Данный опыт может быть весьма полезен, поскольку внуки и дети узнают об эмоциональных переживаниях своих близких в тот или иной период времени. Родственники становятся ближе, а старшее поколение меньше чувствует себя одиноким.

Также фотография может выступать как инструмент работы с образом «Я». Образ «Я», представление человека о себе начинает формироваться с первых дней его жизни. Прежде всего на образ «Я» влияет отношение к ребенку его ближайшего окружения, микросреды — это родители, ближайшие родственники. «По мере развития ребенка и формирования его личности он все больше начинает самостоятельно сравнивать себя с другими, предпринимать попытки испытать себя, узнать границы дозволенного, исследовать пределы своих возможностей. Образ «Я» может быть более или менее объективным, он может в большей или меньшей степени волновать человека. Но, так или иначе, он есть у каждого и именно он опосредует процессы нашего познания, общения, самовыражения». Такой метод, как фотоколлаж, может иметь несколько слоев-смыслов, «включаясь в гипертекст искусства эпохи пост-модерна» [7]. И у автора коллажа, и у зрителя могут возникать ассоциации с известными произведениями классического искусства. «Коллаж существует не только в сознании создавшего его человека и в материале, его конструирование и переконструирование продолжается в сознании воспринимающего его зрителя. Сколько воспринимающих — столько может быть и понимающих». Эти понимания также способны обогатить автора коллажа, помочь ему увидеть в своем создании то, чего он сам

не замечал, что открывает новые возможности в работе с людьми в трудной жизненной ситуации.

Таким образом, мы видим, что потенциал фотографии в социальной работе огромен. Занятие фотографией — творческий процесс. Он отвлекает человека от болезненных переживаний. Особое значение придается коммуникативному характеру занятий арт-терапии, который способствует пониманию человеком своей роли в обществе, своего творческого потенциала и преодолению трудностей самовыражения. Совместное творчество объединяет людей, что облегчает социальную адаптацию.

Список литературы

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / В. Беньямин. – М.: Медиум, 1996.

2. Бодриар Ж. Фотография или письмо света [Электронный ресурс] / Ж. Бодриар ; пер. А. Меликяна из L'Echange Impossible. – Paris: Galilee, 1999. – Режим доступа: <http://dironweb.com/klinamen/dunaev1.html>

3. Круткин В. Фотографический опыт и его субъекты / В. Круткин // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сб. науч. статей / под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 43–61.

4. Круткин В.Л. Пьер Бурдьё: фотография как средство и индекс социальной интеграции / В.Л. Круткин // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск. – 2006. – № 3. – С. 40–55.

5. Проект «Фоторадуга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://samara-desnica.narod.ru>.

6. Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома / В.Л. Круткин // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб. – 2005. – Т. VIII, № 1.

7. Арт-терапия в эпоху постмодерна / под ред. А.И. Копытина. – СПб.: Речь, 2002. – 224 с.

О.С. Зеленкова

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Одна из главных задач общества и государства — это осуществление права ребенка на воспитание в семье. Это право ребенка зафиксировано в международных документах (Конвенция ООН о правах ребенка), ратифицированных Россией, и в российских законодательных актах. В Семейном кодексе РФ в качестве приоритетных и самостоятельных выделяются следующие права ребенка: право жить и воспитываться в семье, право на общение с родителями и другими родственниками, право на свою защиту, право на имя, отчество и фамилию. Но в любом государстве и обществе всегда были, есть и будут дети-сироты и дети, которые по разным причинам остаются без попечения родителей. И в этом случае общество и государство берут на себя заботу о развитии и воспитании таких детей.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, — это лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также оставшиеся без попечения единственного или обоих родителей. Круглыми сиротами становятся из-за преждевременной смерти родителей, чаще всего в результате неестественных причин (несчастные случаи и т.п.), а социальными сиротами — дети, имеющие биологических родителей, которые, однако, не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем (лишены родительских прав, находятся в заключении либо в силу своего социально-нравственного облика не в состоянии выполнять родительские обязанности) [1, 2].

Статистика свидетельствует: в России в 2008 г. за первые 6 месяцев было выявлено 52 тыс. детей-сирот [3]; на февраль 2007 г. в России проживало 740 тыс. детей-сирот [4]. В районных администрациях Томска на начало 2008 г. состоит на учете 1189 детей из неблагополучных семей, жизненным устройством которых занимаются специалисты отделов опеки и попечительства [5]. На конец 2006 г. в Томской области проживало 200,6 тыс. детей, из них 7319 — дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей [6].

Дети-сироты остаются социально не защищенной группой населения, а если такой ребенок еще имеет нарушения психического здоровья, его положение осложняется еще больше. Причиной проблем социального характера является социальный статус ребенка-сироты в интернатном учреждении — он «ничей» ребенок. Пренебрежительное отношение к таким детям детей из обычных семей и самих родителей осложняет их положение. Помимо того, что дети переживают последствия дефицита внимания и жестокого обращения со стороны родителей, они еще имеют социально-педагогическую запущенность.

В большинстве случаев факт поступления в интернатное учреждение для ребенка является неожиданностью, он остается один на один со своей бедой и не имеет возможности обсудить свои переживания со взрослым, не может повлиять на ситуацию. Как следствие, ребенок проявляет протестные, депрессивные реакции, постепенно приходя к невыгодным для себя выводам: «Меня бросили, потому что я плохой. Меня никто не любит. Я никому не нужен. Никому нельзя верить. В любой момент может случиться что угодно».

Большинство детей, поступающих в интернатные учреждения, страдают от дефицита внимания и тепла со стороны родителей. Соответственно такой ребенок нуждается в надежной эмоциональной привязанности к заботящемуся о нем взрослому. Но в детском учреждении интернатного типа на одного взрослого приходится группа детей, нуждающихся во внимании. Стремясь хоть как-то удовлетворить эмоциональный голод, дети разными способами добиваются внимания к себе. Зачастую эти способы вызывают раздражение персонала, но ребенку легче перенести негативное внимание в свой адрес, чем отсутствие какого-либо внимания со стороны взрослого. Другим негативным следствием дефицита внимания становится жесткая конкуренция между детьми за «обладание» взрослым, из-за этого дети борются между собой, неудовлетворенность выливается в агрессивную напряженность внутри детского коллектива. Оберегая себя от боли «не получить», дети вырабатывают защитные механизмы, которые могут проявляться в отстраненности, внешнем равнодушии, агрессивности в отношении взрослых. Ребенок, однажды потерявший значимых взрослых, одновременно ищет привязанности и не доверяет взрослым. Отсюда амбивалентность отношения детей.

Нарушение взаимодействия с окружающими у этих детей проявляется и в нарушении границ. Ребенок плохо чувствует, насколько близко можно и нужно приближаться к другим людям, плохо разбирается в «своем и чужом». Дефицит внимания и эмоциональный голод в условиях коллективной жизни приводят к переживанию «обезличивания»: ребенку не хватает отношения «лично к себе». У него нет взрослого, который выделял бы его из остальных детей; у него часто нет вещей, принадлежащих лично ему; нет своего личного пространства, где он может остаться наедине с собой; он не имеет возможности распоряжаться ничем и никем, включая себя. Все это приводит к тому, что ребенок болезненно ревнив ко всему, что может назвать своим. Конкуренция за обладание ограниченными ресурсами объективно обусловлена закрытым типом проживания детей в учреждении. Большую часть времени дети проводят в одних и тех же стенах с ограниченным количеством людей. Дефицит внимания дополняется дефицитом элементарных сенсорных стимулов, дефицитом информационного потока в целом. И многие дети постепенно начинают восполнять многочисленные дефициты различными способами самостимуляции, «развлекают себя» ненормативным поведением (вызывая негативную реакцию), в других случаях у ребенка быстро развивается состояние апатии, впоследствии это вызывает задержку психического развития детей.

Дети в стенах интернатного учреждения, в силу влияния раннего опыта нарушенных детско-родительских отношений, имеют нарушения привязанности. Это дети, лишённые надежных, безопасных отношений со значимым взрослым и тревожащиеся по поводу отношения к ним других взрослых; дети с нарушенной самооценкой. Восприятие отношений и мира в целом у них искажено. Следствием такого мировосприятия являются трудности установления дружеских отношений, ограниченность усвоения социального опыта сиротами, снижение количества и качества моделей, конструктов поведения, доступных для усвоения, повышенная чувствительность к проявлениям негативного отношения, собственная агрессивность к окружающим. У большинства сирот, не имевших позитивного опыта семейной жизни, проявляются трудности в трудоустройстве и организации семейной жизни. У сирот некорректно сформированы модели семьи, искажены механизмы дружеских, интимных взаимоотношений, практически

не развита трудовая мотивация, затруднен процесс саморегуляции, так как функции контроля и планирования принадлежат воспитателям.

Постинтернатная жизнь высвечивает стойкие иждивенческие установки: продолжительная жизнь на полном государственном обеспечении прививает им мысль о некоем долге государства и общества перед ними; они не задумываются о самообеспечении и трудоустройстве, предпочитая встать на учет биржи труда и получать пособие по безработице, — явление «привыкания к иждивенчеству детей-сирот», т.е. низкий индекс самостоятельности [7].

Интересный факт представляет собой использование детьми роли сироты «на экспорт» — в ситуациях взаимодействия вне интерната, например, можно не выучить урок («не написал сочинение, потому что книги в приюте не было»). Ярлык сироты может приносить определенную пользу, вызывая жалость и сочувствие. Такое поведение имел в виду И. Гофман, когда утверждал, что стигматизированный индивид склонен использовать свой ярлык для получения «вторичных выгод» — как оправдание своей неудачи, произошедшей по причинам, не связанным со стигмой [8].

Дети-социальные сироты не получают своего основного права — воспитываться в семье. Они живут в учреждениях интернатного типа, вследствие этого у них появляется множество проблем: это трудности в общении; они замкнуты, недоверчивы, агрессивны и обижены на свою жизнь; не умеют ничего делать в бытовом плане; привыкают быть иждивенцами, так как им гарантированы социальные пособия и в результате детям внушается отношение к себе как к маленькому божку, прививается завышенная самооценка; знание прав и отказ от обязанностей ведет к тому, что ребенок воспитывается маленьким эгоистом. Не имея духовного стержня, дети деградируют и опускаются все ниже. Но главная трудность в том, что ребенку, оставшемуся без семьи, нельзя помочь только материальными средствами, потому что он не знает обычной человеческой радости, любви и заботы родного человека. Таким образом, проблемы социальных сирот приводят к дисгармонизации отношений личности с социальной средой. Это проявляется низкой социализацией воспитанников детских домов, инфантилизмом, школьной дезадаптацией (зачастую девиантным поведением), отставанием в уровне физическо-

го, психического и интеллектуального развития. Проблема социального сиротства требует непосредственного решения для воспитания в обществе достойных граждан.

Список литературы

1. Галагузова М.А. Социальная педагогика / М.А. Галагузова. – М., 2001. – 416 с.
2. Поддубная Т.Н. Справочник социального педагога / Т.Н. Поддубная, А.О. Поддубный. – Ростов н/Д, 2005. – 473 с.
3. Проект. Путь домой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opekaspb.ru/menu/showans_news.php?274, свободный.
4. Социум. Законодательное собрание Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: uralpress.ru, свободный.
5. С начала года в Томске оформлены под опеку 84 ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1035904.html>, свободный.
6. Официальный сайт Администрации Томской области: о положении детей в Томской области в 2006 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.tomsk.ru/ru/social_ground/family_and_children/situation.html, свободный.
7. Астоянц М.С. Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения / М.С. Астоянц // Социологические исследования. 2006. – № 3. – С. 54–63.
8. Присяжная Н.В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство / Н.В. Присяжная // Социологические исследования. – 2007. – № 11.

Е.А. Зыкова

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫМИ ЛЮДЬМИ

Каждый человек сообщества, государства и нации столкнулся с серьезнейшей проблемой, связанной с быстрым распространением вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) и с индивидуальными и социальными последствиями конечной

стадии ВИЧ-инфицирования — синдромом приобретенного иммунодефицита (СПИД). Первоначально это заболевание рассматривалось как довольно медленно распространяющаяся эпидемия, победить которую можно будет, как минимум, на протяжении жизни одного поколения. Однако теперь эта «неуловимая, динамичная и нестабильная» эпидемия грозит вырваться из-под контроля. ВИЧ распространяется повсюду, не признавая государственных границ. И хотя многие правительства предпочитают отрицать возможность того, что вирус нарушит границы именно их стран, и всячески препятствуют проведению профилактических мероприятий, тем не менее сейчас уже существуют международные консультативные и профилактические службы, проводящие в жизнь глобальные программы по борьбе со СПИДом. Такие программы созданы, в частности, Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), существуют национальные программы по защите от СПИДа, наконец, функционируют негосударственные организации. Теперь стало абсолютно ясно, что ВИЧ и СПИД пандемичны, т.е. охватили целые страны и материки в отличие от эпидемий, которые обычно имеют локальный характер. Официально СПИД зарегистрирован в 164 странах мира. В течение многих лет ВИЧ/СПИД рассматривался, скорее, как проблема медицины и здравоохранения, чем проблема социально-экономическая в широком смысле этого слова. В последние годы признается, что эпидемия нанесла урон достижениям, полученным за десятки лет развития, и грозит потенциалу, необходимому для будущего развития.

Социальные работники выполняют важную социальную функцию, снимая дистресс посредством точного информирования населения, семей и лиц, пораженных вирусом, о способах передачи ВИЧ. Передача ВИЧ может осуществляться только: 1) путем незащищенного (т.е. без использования презерватива) полового акта — вагинального, анального или орального, если один из партнеров инфицирован ВИЧ; 2) через зараженную кровь (посредством переливания крови и использования загрязненных кровью больных шприцев, игл или других инструментов), а также через инфицированные донорские органы и сперму; 3) путем передачи вируса от матери плоду или новорожденному до, во время или сразу после родов [1, с. 133].

Количество детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей, составило к 2005 г. более 13 тыс., из них более 1000 были оставлены в учреждениях родовспоможения. Проблема отказных детей решается в субъектах Российской Федерации по-разному, но до конца она не решена: в Москве созданы специальный Дом ребенка и отделение в Центре СПИДа для отказных детей, нуждающихся в постоянном наблюдении врачей; подобные отделения на 30 пациентов открыты в Приморском крае, Иркутской области [2].

Распространенность ВИЧ-инфекции в России представляет серьезную угрозу для общественного развития и благополучия россиян. Согласно прогнозам экспертов Всемирного банка, к 2020 г. она может привести к снижению трудовых ресурсов от 2 до 11 %, по оптимистическому сценарию прогноза может произойти снижение в связи с этим темпов роста ВВП на 1,2 % к 2010 г. и на 5,2 % к 2020 г. [3, с. 71]. ВИЧ-инфицированные граждане Российской Федерации обладают на ее территории всеми правами и свободами и несут обязанности в соответствии с Конституцией РФ, законодательством РФ и законодательством субъектов РФ.

Проблема распространения ВИЧ-инфекции носит глобальный характер и является одной из наиболее острых и актуальных проблем, стоящих перед человечеством в целом. Этот неоспоримый факт признан Генеральной Ассамблеей ООН в документе «Декларация о приверженности делу борьбы с ВИЧ/СПИДом». Так, по данным объединенной Программы ООН по ВИЧ/СПИДу и Всемирной организации здравоохранения в настоящее время более 39,4 млн человек в мире страдают от этой инфекции, из них 9,7 млн (25 %) человек заразились в последние 2 года, 24 млн уже умерли от СПИДа. Ежедневно в мире происходит заражение 14 тыс. человек. Все эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на предпринимаемые меры, ситуация продолжает довольно быстро ухудшаться. Комплекс профилактических мер может сдержать распространение инфекции и смягчить разрушительный характер эпидемии.

Социальная работа — мощное оружие в борьбе с ВИЧ/СПИДом, адекватное последствиям пандемии здесь и сейчас. В этом отношении социальная работа приобретает двойной смысл: указывая направление в борьбе с эпидемией ВИЧ, она

подразумевает не только использование практических методов и профессиональной подготовки, но и социальный ответ: угроза ВИЧ не может рассматриваться только как личная или медицинская проблема — ВИЧ/СПИД должны стать предметом обсуждения в личных взаимоотношениях, семье, общине, обществе [4, с. 69].

Социальная работа с группами как метод получила особый импульс к развитию в связи с ВИЧ/СПИДом. Существует множество форм работы с группами. Среди них некоторые формы групповой поддержки и самопомощи, группы психотерапевтической помощи, группы потребителей для получающих помощь (к примеру, больничная палата), открытые дискуссионные обучающие группы, группы с конфликтными проблемами (в индивидуальных случаях), группы, где люди объединены горем и тяжелой утратой.

Неотъемлемой частью является сотрудничество между профессиональными работниками, с одной стороны, и группами самопомощи и организациями, объединяющими людей с ВИЧ/СПИДом, — с другой. Идеальной моделью сотрудничества между профессиональными социальными работниками и людьми, инфицированными ВИЧ, можно считать партнерство. Однако это отнюдь не легко достижимые взаимоотношения. Люди-носители ВИЧ часто воспринимаются как «пациенты» или «клиенты», и они обычно должны бороться за право быть выслушанными и уважаемыми как «партнеры». Но фактически, профессионалы, включая многих социальных работников, очень нуждаются в партнерстве при работе по получению информации, руководстве и поддержании атмосферы доверия с людьми, инфицированными ВИЧ.

Социальные работники, на которых лежит ответственность за осуществление программ по профилактике распространения ВИЧ и по обслуживанию больных СПИДом, должны обладать определенными базовыми знаниями, этическими знаниями и умениями:

- спокойно и открыто обсуждать «запретные» и интимные темы, но так, чтобы это не выходило за рамки культурных норм;

- соблюдать конфиденциальность при оказании социальной и психологической поддержки инфицированным и тем, кто ухаживает за ними;

– понимать доступность первичной, а впоследствии и специализированной медицинской помощи; работать с ВИЧ-инфицированными, соблюдая определенные рамки, и в то же время стараясь их расширить;

– способствовать решению проблем ВИЧ, связанных с разнообразными моральными и практическими вопросами, а также дилемм, возникающих в процессе проведения профилактических мероприятий, диагностики и лечения ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом;

– организовывать и вести группы поддержки для ВИЧ-инфицированных, а также их супругов, детей и других членов семьи;

– разрабатывать и осуществлять эффективные и культурно приемлемые профилактические программы;

– информировать социальных работников других профилей и медицинский персонал о последствиях презрительного отношения к ВИЧ-инфицированным и страдающим СПИДом, а также о необоснованных страхах заразиться СПИДом при контактах в процессе лечения.

Среди множества центров социальной и медицинской помощи ВИЧ-инфицированным людям следует выделить Томский областной центр «АнтиСПИД». Данная организация занимается прежде всего работой с молодежью. И формы этой деятельности самые разнообразные. Аутрич — «вне офис». Это информирование через инструкторов широкой аудитории юношей и девушек различного возраста, социальных групп по вопросам здорового и безопасного поведения, выстраивание связей и доверительных отношений с организациями, дружественными молодежи. Накоплен определенный опыт в проведении массовых акций. Широко применяются семинары-тренинги, на которых идет подготовка социальных волонтеров, аутрич-инструкторов, других добровольцев [5].

Важным направлением центра является взаимодействие со специалистами, работающими с молодежью. Это в первую очередь медицинские работники. С этой целью организованы учебные циклы для студентов медицинских учебных заведений, научно-практические конференции, тематические семинары в лечебных учреждениях.

СПИД создал огромные проблемы для социальных работников. Это не поддающееся лечению заболевание

распространено по всему миру. Сочувственное отношение к ВИЧ-инфицированным и больным СПИДом не должно мешать социальным работникам составлять свое собственное предварительное мнение, исследовать определенные линии поведения в соответствии с этим мнением. Кроме того, социальные работники должны постоянно расширять свои знания и опыт, настойчиво противостоять мифам о ВИЧ, просвещать население, особенно лиц, облеченных властью, относительно кризиса в деле общественного здравоохранения, возникшего в связи с распространением этого вируса. ВИЧ затрагивает все аспекты общественной и частной жизни, начиная с личных проблем инфицированного человека и заканчивая расширением медицинских мероприятий путем создания социальных стратегий, обеспечивающих доступность лечения и препятствующих дискриминации ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом.

Список литературы

1. Гэри Ллойд. СОЦ-13. Гуманистический подход к охране здоровья / Ллойд Гэри, Н. Берковитц. – М., 1998.
2. Онищенко Г.Г. О неотложных мерах по противодействию распространения ВИЧ-инфекции в Российской Федерации / Г.Г. Онищенко // Здравоохранение в РФ. – 2006. – № 2. – С. 4–8.
3. Андрюшина Е.В. Рождаемость и общественное здоровье / Е.В. Андрюшина // Народонаселение. – 2007. – № 2.
4. Йоханске С. Международная конференция, организованная нордической ассоциацией социальных работников «ВИЧ/СПИД и социальная работа: условия жизни, права человека, этика» / С. Йоханске // Профессиональная библиотека работника социальной службы. – 2001. – № 2.
5. Перова И.В. Томский областной центр «АнтиСПИД» / И.В. Перова // Томский вестник. – 2001. – 26 октября.

А.В. Кантерова

**ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВНЕУЧЕБНОЙ
СФЕРЫ НА СОЦИАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Социальная активность студентов в современном её понимании раскрывается как целенаправленная деятельность, не противоречащая системе общественных ценностей и направленная на удовлетворение индивидуальных потребностей, в том числе на саморазвитие и самореализацию обучающихся. Причём в рамках описываемого исследования данное понятие рассматривается с конструктивной стороны, так как предметом исследовательского проекта является деятельность исключительно общественно направленных объединений. Под молодёжными организациями внеучебной сферы (МОВС) понимаются объединения студентов в возрасте до 30 лет, созданные на основе общности интересов для осуществления совместной деятельности, направленной на удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей, защиту прав и свобод, социальное становление и развитие членов объединения. Для изучения влияния деятельности молодёжных объединений внеучебной сферы на социальную активность студентов 19–30 мая 2008 года в Томском государственном университете (ТГУ) проведено социологическое исследование, объектом которого стали студенты ТГУ, а предметом — деятельность молодёжных организаций внеучебной сферы. Было опрошено 120 студентов 1–4-го курсов из 11 факультетов и институтов университета. Использовался метод группового анкетирования студентов в учебных аудиториях, а также на заседании круглого стола «Межкультурный диалог» (в связи с включённостью данной группы в научную и общественную жизнь университета и замотивированностью на обратную связь). Факультеты определялись случайной выборкой среди всех факультетов и институтов ТГУ. Результаты исследования показали следующее.

Когда происходит наблюдение функционирования организации со стороны, без анализа, складывается лишь

поверхностное представление. Соответственно оценка, основывающаяся преимущественно на таком поверхностном мнении и различных слухах, усреднена. Ответы респондентов могут указывать на недостаточность информации у студентов, не участвующих в работе какого-либо из молодёжных объединений университета, так как включённые респонденты непосредственно видят работу организации, а студенты, не включённые в деятельность данной организации, могут узнать о ней лишь от своих друзей, знакомых, которые не всегда обладают объективной информацией.

Кроме того что у включённых в деятельность студентов доступных источников получения информации о молодёжных организациях больше, они больше интересуются деятельностью организаций, более умело пользуясь альтернативными источниками. Включённые в МОВС студенты активнее не только в плане самостоятельного поиска интересующей информации, но и в плане присутствия на мероприятиях организации и анализа увиденного. Предполагалось, что студенты, не участвующие во внеучебной деятельности, используют пассивные средства получения информации (просмотр афиш и объявлений, а также средств массовой информации), но данная гипотеза подтвердилась лишь частично. Выбор СМИ всего 7,3 % респондентов, вероятно, связан с низким уровнем интереса к информационному содержанию СМИ (в отличие от развлекательного), в других случаях — с восприятием транслируемой информации, касающейся исключительно интересующих их сфер. При этом рекламно-информационная полиграфия, активно используемая в деятельности МОВС, окружает студента независимо от его желания как объекта трансляции информации. Большое количество так называемых рекламных контактов респондентов с печатными источниками определило наибольшее количество выбора данного ответа респондентами, не включёнными в деятельность молодёжных организаций (65,5 %).

В оценке аспекта информирования студентов о деятельности МОВС результаты исследования указывают на некоторую неудовлетворённость респондентов подачей информации. Недостаточность знаний об объединениях напрямую влияет на включение в них, а соответственно и на развитие и самореализацию студентов. Но, принимая во внимание ответы включённых респондентов, данная проблема не осознаётся, так как наиболее вероятно, что организации (и участвующие в их

деятельности респонденты) считают, что максимально эффективно доносят информацию до студентов. Это может являться причиной низких оценок уровня активности студентов ТГУ, полученных в результате анкетирования, так как студенты, имеющие желание работать в каком-либо направлении, не знают либо о деятельности организаций в данном направлении, либо о возможности и путях включения в их работу. При этом студенты, уже включённые в деятельность МОВС, не получая ожидаемых результатов от используемых эффективных, на их взгляд, методов информирования, начинают расценивать это как следствие пассивности студентов университета.

Полученные результаты можно рассматривать с двух точек зрения: с одной стороны, наиболее вероятно, что включённые в молодёжные объединения внеучебной сферы респонденты имеют гораздо больший опыт общения с социально активными студентами, которые, предположительно, входят в их круг (здесь может быть выявлено недовольство своим окружением, в том числе пассивными одноклассниками, связанное с отсутствием отклика на различные проявления активности); с другой стороны, возможен вариант оценивания по себе, т.е. в ситуации идентификации себя социально активным или пассивным студентом вероятен перенос данного мнения на других, пусть даже и незнакомых.

Немаловажным является само определение активности студента. Большинство студентов (51,7 %) вкладывает в понятие «активный студент» значение, имеющее общественную природу (участие в различных социальных и культурных мероприятиях, проектах). Свой вариант вместо предложенных был указан включёнными в МОВС студентами в целом на 15,2 % чаще, чем не включёнными. Следовательно, можно предположить, что уровень креативности в данной группе несколько выше, но результатами проведённого исследования подтвердить или опровергнуть эту гипотезу не представляется возможным.

В оценивании сферы стимулирования социальной активности студентов и влияния на неё наблюдается значительное расхождение между ответами включённых и не включённых в деятельность молодёжных объединений ТГУ студентов. Участвующие в данной деятельности респонденты в 41,5 % случаев выбрали ответ «хорошо» (4), а не участвующие в 45,5 % анкет — «удовлетворительно» (3). При этом в группе

не включённых настолько близко к модальной оценке «удовлетворительно» «подобрался» лишь ответ «хорошо» (4) (20,0 %). Это в очередной раз подтверждает некоторую усреднённость оценок респондентов, не участвующих в деятельности молодёжных объединений внеучебной сферы. Причём обе группы опрошенных студентов сошлись на мнении, что участие в деятельности молодёжных организаций ТГУ оказывает положительное влияние на социальную активность студентов, «способствует повышению общественной активности» (82,1 %). Также респонденты, отметившие у себя позитивные эффекты от участия в деятельности во внеучебной сфере, принимают это за общеобязательное следствие, что вновь говорит о проецировании своего опыта на «общий случай».

Результаты исследования говорят о том, что, уже включившись в деятельность какой-либо организации, студенты осознают, что они открыты, доступны для подключения к деятельности, в то время как среди других всё ещё бытует мнение о невозможности вступления в них. При этом оценки открытости молодёжных объединений для включения в их деятельность демонстрируют удовлетворённость респондентов сложившимся положением дел.

Нельзя обойти вниманием и функционирование студентов в организации. Такие аспекты, как отведённая им роль и привлечение к управлению и планированию деятельности, выступают одними из наиболее влиятельных факторов. Студентам, участвующим в работе организаций, нравится, как с ними работают в МОВС. Об этом говорят оценки, полученные молодёжными объединениями в отношении методов взаимодействия, принятых в организации. Но также причина может скрываться и в том, что в случае неудовлетворённости обращением с собой в объединении студент, вероятнее всего, прекратит своё участие в его деятельности.

Оценка эффективности деятельности молодёжных объединений внеучебной сферы Томского государственного университета среди студентов, включённых в эти объединения, составила 3,9 балла. Среди не включённых средний балл ниже — 3,6. Общий уровень эффективности молодёжных объединений ТГУ в целом удовлетворяет студентов университета.

Таким образом, гипотеза о позитивном влиянии деятельности МОВС на социальную активность студентов в результате проведённого исследования была подтверждена.

Ким М.Ю.

СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ КАРАГАНДИНСКОГО УГОЛЬНОГО БАССЕЙНА В 1930-Е ГГ.

Развитие системы общественного питания в советское время преследовало важные социально-экономические задачи. Во-первых, это был один из способов создания равных возможностей в получении необходимых благ и улучшения бытового положения рабочих. Во-вторых, такая система предполагала освобождение женщины от утомительной работы на кухне, что способствовало активному включению женского труда в промышленное производство. В условиях продовольственного дефицита в начале 1930-х гг. и нормированного снабжения по карточкам система общественного питания была важным ресурсом удовлетворения потребности в продуктах.

В связи с бурным развитием в 1930-е гг. Карагандинского угольного бассейна и ростом числа рабочих все более актуально вставал вопрос об обеспечении их полноценным питанием. В условиях форсированной индустриализации на промышленных предприятиях приходилось много и тяжело работать, чтобы восстановить потраченные силы, рабочему необходимо было полноценное сбалансированное питание. Поэтому развитие системы общепита в 1930-е гг. имело важное производственное значение. Такая сеть должна была быстро и качественно накормить рабочих, позволив им сосредоточиться на производственных задачах.

В начале десятилетия постановка общественного питания в Карагандинском угольном бассейне была довольно плачевной. В 1931 г. согласно данным ОГПУ было 23 столовых, которые охватывали только 25 % рабочих и 5 % членов их семей. Остальная рабочая масса системой общественного питания не была охвачена. Сами столовые располагались в бараках временного типа, которые были «тесными, темными и грязными». Помимо нехватки соответствующих площадей, столовые также не были обеспечены необходимым количеством инвентаря и оборудования. Не хватало стульев, котлов, кастрюль, кухонной посуды, не было вилок и ножей, рабочим приходилось получать обед и чай в одной и той же миске. В результате

фактическая пропускная способность столовых была примерно в три раза меньше положенной. К примеру, к столовой № 1 было прикреплено 1400 человек, реально же обслуживалось 500 человек. В столовой № 2 должно было питаться 1300 человек, в действительности она обслуживала только 300 человек. Несмотря на это постоянно образовывались большие очереди во время обеденного перерыва. Качество предлагаемых блюд было неудовлетворительным. Сотрудники ОГПУ сделали выводы, что питание в столовых не сытное и не вкусное, обеды мало питательны и подчас приготавливаются из непригодных продуктов [1; л. 439].

Из общего числа столовых в 1931 г. только шесть были пригодны для обслуживания в зимнее время, остальные не отапливались [2, л. 40]. Рабочие абсолютно не обеспечивались горячим питанием в ночную смену, поскольку столовые в это время не работали. Закрыты были ночью и буфеты [3; с. 45]. В 1932 г. открылось еще 29 столовых из 30 запланированных [4; л. 98]. Их работа, по мнению горсовета, имела ряд серьезных недостатков. Вызвало нарекание территориальное размещение столовых, в ряде случаев они располагались в недостроенных зданиях. По-прежнему были плохо оборудованы и готовили обеды низкого качества.

Большие очереди, которые постоянно образовывались в столовых, по мнению проверяющей бригады из Центросоюза и ВЦСПС, являлись одной из причин опозданий и прогулов [5, л. 45]. Поскольку продукты в столовые поставлялись несвоевременно либо вовсе не доставлялись, они часто работали с перебоями. В столовой № 12, которая обслуживала ЦЭС, такая ситуация приводила к тому, что рабочие попросту не выходили на работу. По данным городского отделения ОГПУ, 5 июля 1932 г., вследствие того что в столовой не было завтраков и обедов, на работу не вышло 200 рабочих [6, л. 73]. В связи с тем что в ларьке № 8 при одиннадцатом стройучастке не было хлеба, 91 рабочий этого участка, «проработав голодными до 12 часов дня, работу бросили и в этот день больше не работали». Постоянные прогулы и опоздания совершали рабочие и учащиеся учебного комбината шахты № 27, ввиду того что столовая, в которой они обсуживались, находилась в 3 км от предприятия. Кроме того, ее работа не согласовалась с рабочим временем шахтеров: если смена начиналась в 12 часов дня, то столовая открывалась только с 11 часов. Рабочим

необходимо было за час пообедать и преодолеть расстояние в 3 км. В результате «шахтер приходил на шахту, когда смена уже спустилась, а опоздавшим вход на шахту был воспрещен» [6, л. 56]. Зачастую опоздания были массовыми, поэтому шахта приостанавливала работу. В итоге работа общепита напрямую влияла на производительность труда.

В спецсводке № 19 от 10 января 1933 г. сотрудники ОГПУ отмечают, что общественное питание до сих пор не налажено. Меню обедов по-прежнему однообразно: «капуста, картофель, вода — в большинстве случаев без жиров», имело место приготовление из недоброкачественных продуктов [7, л. 20].

Сеть столовых, действующая в угольном бассейне, неоднократно подвергалась критике и со стороны самих рабочих. Заголовки местной газеты «Карагандинская коммуна» свидетельствуют об этом: «Повысить качество обедов», «Столовая должна содержаться в чистоте», «Дать рабочему хорошую пищу», «Привлечь Хотемову к ответственности» [8]. Недовольство столоующихся отражалось также на страницах местной газеты «Большевикская кочегарка». В статье «В столовой № 31 нет рабочего контроля» говорится о том, что часто столоующийся не получал второго, а то и хлеба: «8 сентября ужинали без хлеба». В одной из столовых заведующим Кулаковым было введено правило, согласно которому опоздавший на завтрак или обед лишался хлеба. Отсутствие хлеба и других продуктов питания в меню объяснялось сотрудниками столовой весьма просто: «У меня перерасход, я не виноват» [9].

Зная весьма слабую обеспеченность столовых, к празднованию Первого мая президиум горсовета издал весьма характерное постановление, согласно которому на первое и второе мая столовые должны быть «обеспечены всеми видами продуктов питания, не допуская перебоя в снабжении» [1, л. 13].

Помимо проблем реального дефицита и нехватки продовольственных ресурсов, которые пытались решить хотя бы в праздничные дни, существовали также злоупотребления со стороны людей, работавших в системе общественного питания. Бригадой рабочего контроля в столовой шахты № 18 была поймана на обвесе рабочих раздатчица Домешкина. Она отпускала порции творога 90 г вместо 150 г. В результате действий бригады была уволена, однако через какое-то время опять принята. Очередная проверка опять показала обвес: вместо 200 г хлеба к обеду она отпускала 150 г. У проверяющих вызвали

недоумение действия управления рабочего снабжения, которое повторно приняло Домешкину.

В столовой № 47, обслуживающей инженерно-технических работников, по мнению инженера Иванова [11], регулярно происходил обсчет клиентов на 40 копеек за обед. Столующиеся также были недовольны тем, что на второе в основном подавались вегетарианские блюда. В это же время дежурные мясные блюда продавались по коммерческой цене. Здесь же говорится, что сотрудники управления рабочего снабжения Фрадкин и Мстиславский в курсе всех происходящих дел, но никаких мер не принимают. Это объясняется, по мнению автора статьи, тем, что последние очень часто бывают «в гостях» в столовой. В другой столовой, обслуживающей ИТР, также были обнаружены факты наценки на обеды, материалы проверки посланы в прокуратуру [12].

Справедливости ради стоит отметить, что в работе общественного питания были и положительные моменты. Победитель соцсоревнования столовая № 23 имела хорошо оборудованные зал и кухню. Меню в столовой было достаточно разнообразным. Столующимся на завтрак, обед и ужин на выбор предоставлялись сытные блюда, включающие мясные продукты. К примеру, 2 апреля ужин состоял из «жареного свежего сазана, мясных пончиков и сладкого чая». В столовой № 31, которую в недавнем прошлом сильно критиковали, произошли также серьезные изменения. Благодаря активным действиям сотрудника столовой Кузнецова, было расширено и отремонтировано помещение, установлено новое оборудование. Приготавливаемые блюда стали достаточно высокого качества. В обеих столовых организованы санитарные ячейки и бракеражные комиссии. Однако работа таких столовых являлась, скорее, исключением из правил, нежели самим правилом. Неслучайно статья, описывающая работу таких столовых, была озаглавлена: «Светлые точки на темном фоне» [13]. Таким образом, в деятельности общественного питания многое зависело и от непосредственных работников столовых, которые могли либо способствовать улучшению питания, либо окончательно сводить его на нет через злоупотребления, хищения, растраты и плохой сервис.

Сотрудники треста нередко сталкивались с грубостью со стороны обслуживающего персонала. «Официантки очень грубы», — жалуется рабочий Клеменков [9]. «В столовой шахты

№ 8 избивают рабочих», — гласит заголовок местной газеты [14]. Заведующий столовой Дворенко избил рабочего Тубольцева, заподозрив его в излишке получения хлеба. На предложения шахтеров улучшить работу столовой заведующий, как правило, отвечал грубостью: «Не нравится! Вылетай! Отберу пропуск в столовую!». Качество обслуживания было на низком уровне и в столовых для ИТР, где грубость персонала была также не редкость [12].

Как видно из представленного материала, положение с кадрами в первые годы десятилетия было «чрезвычайным». В большинстве случаев столовыми заведовали малоопытные и часто малограмотные люди. Поварской персонал имел очень низкую квалификацию, и в преобладающем числе столовых работу старших поваров выполняли повара третьей категории, а в качестве самостоятельных поваров работали помощники поваров и «вчерашние кашевары». При расширении сети общественного питания проблема кадров вставала еще более остро. В связи с этим в городе существовали трехмесячные курсы поварского персонала, на которых в 1932 г. обучалось 74 человека. Однако темпы и размер подготовки поварского персонала не могли обеспечить всю сеть столовых [15, л. 21].

Система общественного питания, выполняя свою основную функцию кормить людей, являлась еще своего рода инструментом, с помощью которого государство старалось поддерживать внутри производства именно ту категорию людей, в которых оно было особо заинтересовано. Именно по этой причине появлялись специальные столовые для инженеров, а внутри столовых для рабочих государство настаивало на отдельном меню для ударников и лиц, работающих более 12 часов в сутки. Ударники ставились в пример остальным рабочим. Через систему закрытых распределителей из специальных фондов они могли получать преимущественное снабжение продовольственными и промышленными товарами. Такая система связывала результаты труда человека с улучшенным снабжением. Предпринятые меры должны были стимулировать людей улучшать производственные показатели. Однако общее плачевное состояние общественного питания в первые годы десятилетия не всегда позволяло в полной мере развернуть такую дифференциацию [16, л. 42]. По этому поводу в газетах помещались целые статьи с соответствующими заголовками: «Снабдить ударников продуктами первой

необходимости», «Ударников обходят стороной», «Магазин ударников снабдить продуктами» [17].

С середины десятилетия работа системы общественного питания в Карагандинском угольном бассейне стала постепенно улучшаться. В 1934 г. всем заведующим шахтами было дано распоряжение немедленно приступить к строительству свинарников при столовых. Каждой столовой выделялось по разнарядке соответствующее число поголовья [18, л. 14]. При некоторых предприятиях также стали создаваться подсобные хозяйства. В 1936 г. в регионе уже работали четыре фабрики-кухни, которые готовили до 15 тысяч блюд в день [19, с. 119].

С целью улучшить работу столовых в 1937 г. были произведены организационные изменения всей системы общественного питания. На основании приказа Народного Комиссариата внутренней торговли Казахской ССР № 109 от 15 мая 1937 г. был создан Карагандинский государственный трест столовых и ресторанов. Цель треста — обслуживание трудящихся питанием через сеть своих производственных и торговых предприятий. В его задачи входило выполнение установленных планов, улучшение обслуживания, подбор и воспитание кадров, организация социалистических соревнований, улучшение организации и условий труда работников [20, л. 165–170].

Однако с изменением структуры общественного питания не разрешались основные проблемы столовых. Местная пресса в конце десятилетия отмечала, что ассортимент столовых чрезвычайно беден, в обслуживании по-прежнему грубость и бескультурие. Не прекращались случаи обсчета и обвешивания столоующихся. Санитарное состояние столовых оставляло желать лучшего: «На столах грязь, не имеется умывальников и полотенец, не соблюдаются элементарные правила санитарии» [21]. В 1939 г. в системе треста общественного питания произошло 1296 случаев хищений на общую сумму 113 тыс. рублей; виной тому, по мнению автора статьи, работа в организации более 40 человек, имеющих судимость за растраты и хищения государственных средств.

Итак, развитие общественного питания и снабжение населения продовольствием было одним из самых важных направлений социальной политики, от которого напрямую зависела производительность угольного бассейна в целом и каждого рабочего и служащего в отдельности.

В первые годы десятилетия сеть общественного питания имела серьезные недостатки, среди которых антисанитарное состояние столовых, небрежное обслуживание потребителей, бесхозяйственность и безответственность административно-технического персонала. Большим местом на протяжении всего десятилетия было качество предлагаемых блюд, которое зависело от снабжения столовых и заготовок продуктов. Для общепита была также характерна нехватка приспособленных помещений, инвентаря и квалифицированных кадров. Ограниченные ресурсы, неумелое руководство и слабый контроль в этой сфере способствовали различным злоупотреблениям со стороны сотрудников. Такая сеть обслуживала лишь незначительное количество рабочих.

Со временем число учреждений общественного питания в регионе значительно увеличилось, расширилась зона обслуживания. Постепенно улучшилась материально-техническая база общепита, сменилась ее организационная структура. Однако основные проблемы первых лет сохранялись на протяжении всего десятилетия. Отличительная особенность столовых этого периода — их закрытость и нормированность. Большинство столовых были закрытыми и обслуживали только определенный контингент.

Список литературы

1. Архив президента республики Казахстан. – Ф. 719. Оп. 3. Д. 220.
2. Там же. – Ф. 141. Оп. 1. Д. 3507.
3. Левин А. За шесть условий товарища Сталина на Караганде / А. Левин // Большевик Казахстана. – 1931. – № 12. – С. 42–48.
4. Государственный архив Карагандинской области. – Ф.15. Оп. 1. Д. 30.
5. Там же. – Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 17.
6. Там же. – Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 34.
7. Архив президента республики Казахстан. – Ф. 719. Оп. 4. Д. 667.
8. Карагандинская коммуна. – 1932. – 4 марта.
9. Большевистская кочегарка. – 1932. – 18 сентября.
10. Государственный архив Карагандинской области. – Ф.15. Оп.1. Д. 40.

11. Большевистская кочегарка. – 1934. – 21 августа.
12. Большевистская кочегарка. – 1934. – 20 октября.
13. Большевистская кочегарка. – 1933. – 10 апреля.
14. Большевистская кочегарка. – 1934. – 21 октября.
15. Государственный архив Карагандинской области. – Ф. 3 п. Оп.1. Д.12.
16. Архив президента республики Казахстан. – Ф. 141. Оп. 1. Д. 3505.
17. Карагандинская коммуна. – 1932. – 15 марта.
18. Государственный архив Карагандинской области. – Ф. 341. Оп. 1. Д. 119.
19. Малыбаев О. Борьба КПСС за создание и развитие третьей угольной базы СССР / О. Малыбаев. – Алма-Ата, 1961. – 407 с.
20. Государственный архив Карагандинской области. – Ф. 613. Оп. 1. Д. 69.
21. Социалистическая Караганда. – 1940. – 15 июля.

А.В. Кос

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

Охрана психического здоровья является одним из основополагающих для стабильного развития мирового сообщества направлений социальной политики большинства европейских государств. В 2005 году в Хельсинки прошла Европейская конференция Всемирной организации здравоохранения, посвященная вопросам психического здоровья, в которой приняли участие министры здравоохранения стран-членов Европейского Союза. В ходе этой конференции приняты Декларация по охране психического здоровья и Европейский план действий по охране психического здоровья. В данных документах отражены приоритетные задачи в области охраны психического здоровья, практическая деятельность и обязательства в этой сфере министров здравоохранения государств-членов Европейского региона ВОЗ, в том числе России.

Согласно Европейскому плану действий по охране психического здоровья в течение ближайших пяти-десяти лет необходимо разработать, реализовать и оценить эффективность стратегий и законодательных актов, которые позволят осуществить меры в области охраны психического здоровья. Данные меры направлены на повышение уровня благополучия всего населения, обеспечение предупреждения и профилактики проблем психического здоровья, а также расширение возможностей социальной интеграции и функционирования лиц с психическими проблемами [1].

В рамках Декларации по охране психического здоровья министры здравоохранения обязались поддерживать неправительственные организации, активно работающие в области охраны психического здоровья, стимулировать их создание и создание организаций потребителей услуг, развивающих собственные виды деятельности, включая создание и функционирование групп самопомощи и обучения навыкам, способствующим восстановлению здоровья, отстаиванию интересов уязвимых групп населения [2, с. 14–15].

В Конституции Российской Федерации декларируется концепция социальной политики, направленная на повышение качества жизни всех слоев населения и предотвращение распространения социального риска, признается приоритет ценности прав и свобод человека над всеми остальными, а главной задачей социальной политики государства — достойное существование и всестороннее развитие человека. Таким образом, лица с нарушениями психического здоровья обладают всеми правами и свободами, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

В период существования Советского Союза не существовало закона, который бы регламентировал порядок оказания психиатрической помощи, его роль играли ведомственные инструкции, которые вследствие государственной монополии на психиатрическую помощь применялись на всей территории страны. Взаимоотношения врача и пациента строились в рамках патерналистской модели, в которой интересы государства имели значительный приоритет перед интересами больного. В результате этого люди с нарушениями психического здоровья стигматизировались и обществом, и государством как единая социальная группа; соответствующий ярлык заключался просто в том, что человек лечится у психиатра или,

согласно распространенному речевому штампу, что «он состоит на учете в ПНД» [3]. В настоящее время ситуация изменилась, и отношения в психиатрической сфере регламентированы законодательно. Так, был принят закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2 июля 1992 года № 3185-1 (в редакциях Федеральных законов от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ) [4, с. 12–17].

Становление и развитие психиатрической службы в России в конце двадцатого века происходило поэтапно. Согласно И.Я. Гурович, данные этапы выглядят следующим образом. С начала 1980-х годов особое место стали занимать психотерапевтические кабинеты в районных поликлиниках, появились психотерапевтические центры, происходило широкое внедрение психотерапевтических звеньев в общемедицинские учреждения. Период 1992–1993 гг. ознаменовывается принятием закона о психиатрической помощи, не только определившего правовые основы ее оказания, но и послужившего переходу от патерналистского к партнерскому принципу взаимоотношений с людьми с нарушениями психического здоровья. В 1995 г. происходит введение в штат психиатрических учреждений значительного числа психологов, психотерапевтов, специалистов по социальной работе, социальных работников, что создало predisпозицию к переходу от преимущественно медицинской к биопсихосоциальной модели психиатрической помощи и бригадному способу ее оказания. В целом с 1990-х годов произошло формирование социально-кризисного раздела с большим вниманием к охране психического здоровья и последствиям воздействия таких факторов общего порядка, как чрезвычайные ситуации, неблагоприятная экология, социальные потрясения, насилие и соответственно посттравматические и другие стрессовые и психосоматические расстройства [5, с. 12].

В настоящее время в систему психиатрической помощи внедряются социальные службы, становящиеся неотъемлемым компонентом системы охраны, превенции и лечения психических нарушений. Данные трансформации связаны с появлением такого направления, как социальная психиатрия. Термин «социальная психиатрия» означает раздел психиатрии,

изучающий социальные аспекты психических заболеваний. Эти аспекты включают в себя влияние социальных, этнических, культуральных, экологических факторов на психическое здоровье; связь этих факторов с распространенностью, динамикой психических расстройств; возможности социальных воздействий в терапии, реабилитации и профилактике психического неблагополучия [6, с. 37–38].

В России процесс интегрирования социальной помощи в психиатрическую службу происходил и происходит гораздо медленнее, чем в европейских странах. Так, в 30–50-е годы прошлого века в нашей стране это понятие, фактически, табуировалось, преподавание этой дисциплины в медицинских вузах велось в ограниченном объеме, а о многих ее разделах, таких как алкоголизм, наркомания, говорить вообще запрещалось. С началом перестройки положение дел в психиатрии, и в частности в социальной психиатрии, изменилось в лучшую сторону, появились узаконенные социальные работники в сфере психиатрии, доминирующей стала биопсихосоциальная модель психического заболевания, отвергавшаяся в советское время. В настоящее время в Москве существует Центр социальной и судебной психиатрии, на базе которого уже 10 лет функционирует кафедра социальной и судебной психиатрии Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова; издаются журналы, посвященные проблемам социальной и клинической психиатрии [7, с. 103–104].

Кроме того, в России наблюдаются интегральные тенденции развития психиатрической помощи, реализующиеся в создании мультипрофессиональных терапевтических команд. Мировой опыт психиатрии свидетельствует о том, что психиатры не могут обходиться без сотрудничества со специалистами по социальной работе и клиническими психологами. Необходимость командного принципа взаимодействия в психиатрии обусловлена комплексным характером психического заболевания, так как оно в большинстве случаев сопровождается трудностями психологического, социального плана, а не ограничивается кругом клинических проблем.

Более того, в России в настоящий момент психиатрическая помощь развивается как общественно-ориентированная психиатрическая служба, главные предпосылки данного процесса заключаются в деинституциализации и осознании

обществом дезадаптирующей роли стационой системы помощи высокой эффективности лечения психических заболеваний во внебольничных условиях. Среди основных принципов организации общественно-ориентированной психиатрической службы можно отметить постепенное перемещение психиатрической помощи в социальную среду; отход от обособленности и централизованности психиатрической службы; полипрофессиональное командное обслуживание; оказание помощи с участием социального окружения; развитие системы психосоциального лечения и психосоциальной реабилитации. Таким образом, общественно-ориентированная служба, по определению И.Я. Гурович и Я.А. Сторожаковой, — это «системное образование, оказывающее, с одной стороны, помощь психически больным непосредственно в социальной среде и использующее потенциал психосоциальных воздействий на всем протяжении восстановления больных, с другой — в отличие от узко здравоохранчески ориентированной специализированной службы, опирается на более широкие возможности общества» [8, с. 5–7].

Список литературы

1. Европейский план действий по охране психического здоровья URL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psychiatry.ua/psyther/eurplan.htm>. Обращение к ресурсу 04.11.2008.
2. Аргунова Ю.Н. Права граждан с психическими расстройствами (вопросы и ответы) / Ю.Н. Аргунова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ФОЛИУМ, 2007.
3. Проблема опасности психически больных [Электронный ресурс] // Независимый психиатрический журнал. – 2007. – № 4. – Режим доступа: URL: [http://www.npar.ru/journ C. 12a1/2007/4/rotschtein.htm](http://www.npar.ru/journ%20C.12a1/2007/4/rotschtein.htm). Обращение к ресурсу 04.11.2008.
4. Законодательство в РФ в области психиатрии: Комментарии к Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав при ее оказании», ГК РФ, УК РФ / под общ. ред. Т.Б. Дмитриевой. – М.: Спарк, 2002.
5. Гурович И.Я. Реформирование психиатрической помощи: организационно-методический аспект / И.Я. Гурович // Социальная и клиническая психиатрия. – 2005. – № 4.

6. Охрана психического здоровья : учеб. пособие. Ч. 1 / Бойко О.В., Герасимова Е.Ю., Григорьева Н.Ю., Чернецкая А.А. – Саратов : СГТУ, 2003.

7. Кабанов М.М. Эволюция некоторых понятий в современной психиатрии (сквозь призму идеологии) / М.М. Кабанов // Социальная и клиническая психиатрия. – 2004. – № 1.

8. Гурович И.Я. Общественно-ориентированная психиатрическая служба (служба с опорой на сообщество) / И.Я. Гурович, Я.А. Сторожакова // Социальная и клиническая психиатрия. – 2003. – № 1.

В.О. Косс

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Многие дети с отклонениями в развитии, несмотря на усилия, принимаемые семьей, специалистами, обществом с целью их обучения и воспитания, став взрослыми, все-таки оказываются неподготовленными к включению в социально-экономическую жизнь. Вместе с тем результаты исследований и практика свидетельствуют о том, что любой человек, имеющий дефект развития, может при соответствующих условиях стать полноценной личностью, развиваться духовно, обеспечить себя в материальном отношении и быть полезным обществу.

В последние годы в нашей стране все более заметным становится стремление к изменению сложившейся ситуации. На государственном уровне приняты соответствующие законодательные акты. Начала осуществляться подготовка специалистов, которые могли бы поставить социальную реабилитацию детей с ограниченными возможностями здоровья на новый уровень.

Однако проблема воспитания и реабилитации детей-инвалидов остается сложной. Требуется разработка новых теоретических подходов к их обучению и интеграции в общество.

В настоящее время 4,5 % детей, проживающих в России, относятся к категории лиц с ограниченными возможностями здоровья и нуждаются в специальном (коррекционном) образовании, отвечающем их особым образовательным потребностям [1, с. 11].

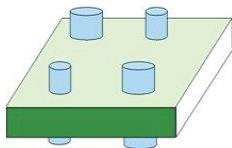
Следует отметить, что в России система инклюзии имеет совсем небольшой опыт. Теоретическое осмысление этого подхода содержится в статье Понятовской «Такие же, как все» [2]. Автор подчеркивает значимость инклюзии, говорит о проблемах в ее внедрении и о зарубежном опыте по этому вопросу. В работах Жаворонкова [3], Антипьевой [4], Акатова Л.И. [1] акцент ставится на традиционное специальное корректирующее образование для детей-инвалидов, которое еще остается популярным в российской практике.

В западных странах система инклюзивного образования на гораздо более высоком уровне и теоретически разработана лучше. Можно отметить такие труды, как «Совершенствование образования» (Improving Education. The Promise of Inclusive Schools) Национального Института совершенствования городского образования США [6], «Инклюзивное образование при ограниченных ресурсах» (Sue Stubbs. Inclusive Education Where There are few resources, 2002) [7] и др.

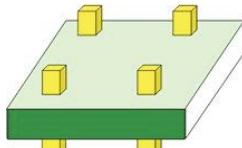
Сейчас инклюзивному образованию уделяют довольно много внимания, особенно в СМИ. В эфир выходят ролики социальной рекламы с лозунгом: «Включайтесь в движение за инклюзивное образование!», но мало кто понимает и мало кто интересуется, о чем идет речь. Да, реклама дает некое представление о том, что это школы, где дети-инвалиды и просто дети учатся вместе. Но ведь на самом деле это очень узкое представление.

Наглядно и понятно объясняет понятие инклюзивного образования схема, опубликованная на сайте <http://obrazovanie.perspektiva-inva.ru/> (рисунок).

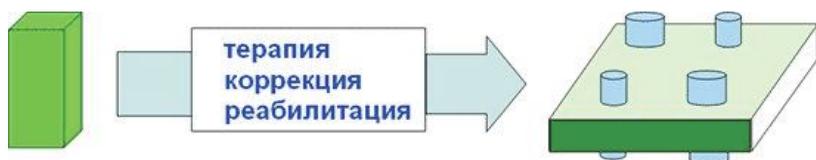
Обычное образование нацелено на обычных детей, включает в себя обычных педагогов и обычные школы. Специальное образование включает работу с особыми детьми, под них подстраиваются и школа, и педагоги. Интегрированное образование с помощью реабилитации и адаптации подстраивает специального ребенка к обычному образованию. И наконец, инклюзивное образование, воспринимая ребенка таким, какой он есть, подстраивает под него систему образования.

«Обычное» образование

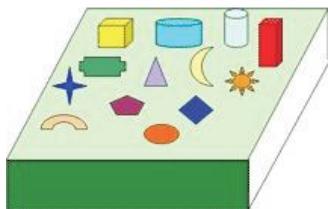
- «Обычный» ребенок
- Круглые кольшики для круглых отверстий
- Обычные педагоги
- Обычные школы

Специальное образование

- Особый ребенок
- Квадратные кольшики для квадратных отверстий
- Специальные педагоги
- Специальные школы

Интегрированное образование

- Адаптация ребенка к требованиям системы
- Превращение квадратных кольшков в круглые
- Система остается неизменной
- Ребенок либо адаптируется к системе, либо становится для нее неприемлемым

Инклюзивное образование

- Все дети разные
- Все дети могут учиться
- Есть разные способности, различные этнические группы, разный рост, возраст, происхождение, пол
- Адаптация системы к потребностям ребенка

Таким образом, мы видим, что инклюзия больше, чем интеграция. Инклюзия означает **раскрытие каждого ученика** с помощью образовательной программы, которая достаточно сложна, но соответствует его способностям.

Инклюзия учитывает потребности, так же как и специальные условия, и поддержку, необходимые ученику и учителям для достижения успеха. В инклюзивной школе каждого принимают и считают важным членом коллектива, это дает особому ребенку уверенность в себе и воспитывает в детях без инвалидности отзывчивость и понимание. Ученика со специальными потребностями поддерживают сверстники и другие члены школьного сообщества для удовлетворения его специальных образовательных потребностей.

В настоящий момент существует уже довольно много образовательных учреждений, перешедших на инклюзивное образование. Но все-таки остается еще много барьеров для полномасштабной реализации проекта. Основные из них:

- архитектурная недоступность образовательных учреждений;
- дети с особыми образовательными потребностями часто признаются необучаемыми;
- большинство учителей и директоров массовых школ недостаточно знает о проблемах инвалидности и не готово к включению детей-инвалидов в процесс обучения в классах;
- родители детей-инвалидов не знают, как отстаивать права своих детей на образование, и испытывают страх перед системой образования и социальной поддержки.

По мнению многих специалистов, инклюзивное образование — новый этап в развитии образования в целом. Ведь в государственных образовательных учреждениях часто не учитываются способности каждого конкретного ребенка. Конечно, это связано с переполненностью классов, групп, педагоги просто не в состоянии искать подход к каждому из 25–30 учеников, а тем более, когда таких классов (групп) несколько. В то же время инклюзивное образование дает возможность включать в систему обучения и детей-инвалидов, что ставит на новый уровень социальную поддержку этой категории граждан.

Таким образом, мы видим, что инклюзивное образование — прогрессивный способ обучения, имеющий большие перспективы в современном обществе. Для реализации проекта в масштабе всей страны нужны теоретические обоснования, методы, которые должны быть созданы специалистами на основе уже имеющегося опыта в России и зарубежных

странах. Кроме того, нужны также специалисты, которые будут воплощать этот проект в жизнь, ведь далеко не все современные педагоги способны перестроиться на новую систему. Инклюзивное образование — важный проект, который следует развивать, совершенствовать и воплощать в жизнь, которому требуется поддержка государства, специалистов, родителей и педагогов.

Список литературы

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.И. Акатов. – М.: ВЛАДОС, 2003.

2. Понятовская О. Такие же, как все / О. Понятовская // Социальная защита. – 2004. – № 2. – С. 10–13.

3. Жаворонков Р. Реализация права детей-инвалидов на образование (европейская практика и российский опыт) / Р. Жаворонков // Человек и труд. – 2005. – № 9. – С. 22–28.

4. Антипьева Н.В. Социальная защита инвалидов в Российской Федерации: Правовое регулирование : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.В. Антипьева. – М.: Владос-Пресс, 2002.

5. Материалы по инклюзивному образованию [Электронный ресурс]. – М.: ГОУ СОШ № 1299, 2008. — Режим доступа: http://school.msk.ort.ru/integration/index.php?p=teor_mpio, свободный.

6. Как нам планировать инклюзивное образование (ИО)? [Электронный ресурс]. — М.: ГОУ СОШ № 1299, 2008. – Режим доступа: http://school.msk.ort.ru/integration/index.php?p=teor_mpio, свободный.

7. Основные принципы инклюзии — Иллюстрация [Электронный ресурс] // Сайт Региональной Общественной Организации Инвалидов (РООИ) «Перспектива». – М., 2005. – Режим доступа: <http://obrazovanie.perspektiva-inva.ru/?612>, свободный.

О.В. Логунова

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ К ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рост социальных аномалий, увеличение перечня трудных жизненных ситуаций, возрастание дезадаптированности различных категорий населения актуализируют изменения в характере подготовки будущих специалистов социальной работы, а также и в посреднической деятельности самих специалистов социальной работы как одной из функций социальных учреждений и их клиентов. Знания, умения, навыки посреднической деятельности будущего социального работника приобретаются в процессе обучения в высшей школе, целью которой является подготовка квалифицированных специалистов в соответствии с требованиями современного общества. Стране необходимы профессионалы в области социальной работы, способные успешно действовать и в качестве практических специалистов широкого и узкого профилей, и как организаторы социальных служб, исследователи в области социальной работы, фиксирующие накопленный опыт и способные его транслировать. Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года определены основные задачи профессионального образования, а именно подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности; удовлетворение потребностей личности в получении соответствующего образования.

Решение указанных задач невозможно без повышения роли самостоятельной работы студентов над учебным материалом и усиления ответственности преподавателей за развитие навыков самостоятельной работы, за стимулирование профессионального роста студентов, воспитание их творческой активности и инициативы.

В педагогической науке высшей школы накоплен исследовательский материал по различным аспектам совершенствования процесса подготовки специалистов социальной работы в целом, что позволяет в настоящее время поставить вопрос об уточнении построения педагогического обеспечения процесса их подготовки к посреднической деятельности. Важнейшая задача, стоящая перед разработчиками данного педагогического обеспечения, — найти эффективные условия для подготовки будущего специалиста социальной работы к посреднической деятельности.

Одной из форм подготовки специалистов социальной работы к посреднической деятельности в высшей школе является организация самостоятельной работы в процессе обучения. Опираясь на ресурсы собственной интеллектуальной деятельности, студенты накапливают в своем арсенале полученные знания, умения и навыки, которые будут положены в основу их будущей профессиональной деятельности. Овладение основами самостоятельной работы в процессе обучения помогает студентам приобщиться к научному творчеству, научно-исследовательской деятельности.

В научной литературе имеется немало работ, посвященных анализу самостоятельной работы студентов. Каждый из исследователей, работающих в этой области, стремится внести собственный вклад в практически устоявшийся на сегодняшний момент времени набор форм и методов самостоятельной работы студентов. Нами в процессе обучения навыкам посреднической деятельности будущих специалистов социальной работы тоже внесена лепта в данном направлении. В разработанном нами сквозном интегрированном модуле «Посредническая деятельность» предусмотрены два направления самостоятельной работы.

1. Направления, характерные для всего периода обучения: научно-исследовательская деятельность студентов; подготовка к семинарским и практическим занятиям; написание и защита рефератов, курсовых работ, защита дипломного проекта.

2. Направления, отражающие специфику изучения дисциплин, лежащих в основе сквозного модуля: разработка наглядного пособия; составление профессиограммы специалиста социальной работы; выполнение специально разработанных упражнений; принятие участия в деловых и ролевых играх;

волонтерская деятельность студентов; самостоятельное овладение некоторыми практическими знаниями, умениями, навыками в процессе прохождения различных видов практики; развитие и т.д.

Всем перечисленным выше формам самостоятельной работы студентов придается большое значение, так как именно с их помощью удастся привнести в обычный образовательный процесс нечто новое, «живое», способное отразить постоянно меняющийся характер действий практикующих специалистов социальной работы, в свою очередь отражающий изменения потребностей клиентов. Например, по мнению многих исследователей (Колесникова О.Н., Гарашкина Н.В., Золотарева Т.Ф. и др.), научно-исследовательская работа студентов представляет собой наиболее эффективный метод подготовки качественно новых специалистов в высшей школе, поскольку направлена на развитие индивидуальных способностей, научной интуиции, глубины мышления. Основной целью научно-исследовательской деятельности студентов является практическое закрепление теоретических знаний, формирование их творческого мышления, приобретение навыков проведения самостоятельных научных исследований. В русле указанной цели хотелось бы остановиться на описании некоторых форм научно-исследовательской работы, используемых при подготовке специалистов социальной работы к посреднической деятельности.

С нашей точки зрения, подготовку специалистов социальной работы к посреднической деятельности необходимо начинать на старших курсах, поскольку проведенные нами исследования на 1–2-м курсах показывают психологическую неподготовленность к этому новшеству, отсутствие необходимого уровня знаний и возможности их закрепления. Используемые на старших курсах формы самостоятельной работы — научно-практическая конференция и деловая игра. В проведении деловой игры «Опыт деятельности социального учреждения при работе с семьей, имеющей несовершеннолетних детей» в рамках спецкурса «Опыт социальной работы с семьей в Красноярском крае» задействованы студенты 4-го курса. Она является итоговым срезом проверки полученного объема знаний по теории и практике социальной работы с людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Подготовка к этой деловой игре начинается задолго до начала изучения

курса — во время производственной практики, на которой студенты имеют непосредственную возможность отработать знания, умения и навыки посреднической деятельности самостоятельно (супервизорство осуществляется практикующим специалистом социальной работы).

В научно-практической конференции «Практика — путь к профессионализму» принимают участие студенты 4-го и 5-го курсов, прошедшие производственную и преддипломную практику в государственных и негосударственных учреждениях и ведомствах. На конференцию приглашаются представители баз практики: директора учреждений и руководители ведомств, специалисты социальной работы, представители некоммерческого сектора, а также студенты младших курсов. Форма выступления на конференции — это доклад с элементами презентации. Выступления оцениваются жюри, председателем которого является заведующий кафедрой социальной работы и социологии. По результатам конференции и проведенной деловой игры студентам предлагается оформить свои доклады и опубликовать их в ежегодном сборнике научных трудов студентов, аспирантов и сотрудников кафедры социальной работы и социологии СибГТУ (г. Красноярск).

Тематика выступлений студентов может быть различной: от простого анализа собственной деятельности в качестве специалиста-практика и до представления самостоятельно подготовленного проекта по оказанию помощи людям в трудной жизненной ситуации, по которому они смогли применить и отработать навыки посреднической деятельности.

Проведение подобного рода конференций показывает, что студенты охотнее интерпретируют полученные в ходе практики знания, умения и навыки, оформляя их в научные тексты своих сообщений. Можно выделить и более частные цели подобных конференций — подготовка студентов к будущей научной работе, презентация перед работодателями, подготовка к защите дипломного проекта, отработка модели личностного поведения.

В целом положительный опыт использования самостоятельной работы в рамках образовательного процесса, в том числе и при подготовке к посреднической деятельности, позволяет выделить следующие моменты:

- 1) студенты получают опыт в определении актуальности проблемы, интерпретации позиции ученых;

2) овладевают профессиональным языком, учатся использовать научный понятийный аппарат;

3) учатся правильно излагать собственные научные идеи по изучаемым проблемам, определять приоритеты социальной защиты, помощи и поддержки людям в трудной жизненной ситуации.

М.А. Мингалёва

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Переход российского общества к рыночным отношениям, обостривший социальные проблемы широких слоев населения, потребовал создания и развития нового социального института — социальной защиты населения, сделав его центром общественного мнения. Система социальной защиты должна быть ориентирована на широкие слои населения, но ее реальное воплощение по отношению к различным социальным слоям и группам является дифференцированным: здоровым, трудоспособным, активным членам общества она должна помогать получать равные возможности в области образования, освоения профессии, включения в систему трудовых отношений, предпринимательства, а нетрудоспособным и социально уязвимым слоям и группам населения — оказывать комплекс социальных услуг за счет государства, гарантировать получение установленных законом льгот и пособий, т.е. создавать необходимые условия для жизнедеятельности [1, с. 133].

Одной из форм социальной защиты населения является обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, которое предусматривает: обеспечение социальной защиты застрахованных и экономической заинтересованности субъектов страхования в снижении профессионального риска; возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью застрахованного при исполнении им обязанностей по трудовому договору (контрак-

ту) и в иных установленных Федеральным законом случаях, путем предоставления застрахованному в полном объеме всех необходимых видов обеспечения по страхованию, в том числе оплаты расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию; обеспечение предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний [2, ст. 1, п. 1].

Что касается Республики Хакасия (РХ), то здесь отмечается высокий уровень производственного травматизма и профессиональных заболеваний, а также неудовлетворительное состояние условий труда. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РХ уровень травматизма по РХ в 2004 г. составил 5,0 случаев на 1000 работающих (в РФ этот показатель равен 3,9); абсолютное число случаев профзаболеваний, впервые установленных в РХ, за 2002 г. составило 45, за 2003 г. — 47, за 2004 г. — 48.

В 2004 г. по основным видам экономической деятельности в РХ каждый пятый работник, а в добывающей промышленности — каждый третий трудился в условиях, не соответствующих действующим санитарно-гигиеническим нормам, практически каждый четвертый испытывал на себе повышенный уровень загазованности или запыленности воздуха рабочей зоны, каждый восьмой работал в условиях повышенного уровня вибрации. Основные причины создавшегося положения заключаются в следующем: правовая безграмотность нового поколения руководителей и работодателей в вопросах охраны труда; слабая экономическая заинтересованность работодателей в обеспечении требований охраны труда на своих предприятиях; необеспечение соответствующих условий труда на рабочих местах в силу безответственности и вседозволенности работодателей в вопросах охраны труда.

Таким образом, обязательное социальное страхование в определенном смысле можно рассматривать как один из элементов самозащиты работников, которые посредством добровольного участия в системе обязательного социального страхования и внесения страховых взносов из их заработка в Фонд социального страхования создают систему, обеспечивающую им возмещение вреда, причиненного производственным травматизмом и профессиональным заболеванием [3, с. 132].

Список литературы

1. Технологии социальной работы : учебник / под общ. ред. проф. Е.И. Холодовой. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 400 с.
2. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ.
3. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : учеб. пособие / под ред. проф. П.Д. Павленка. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Дашков и К°, 2008. – 608 с.

Е.Н. Михайлова

ДЕТИ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИЮТОВ: СЛОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ К ЖИЗНИ В ОБЩЕСТВЕ

Почти 20 лет назад наша страна наряду с другими государствами приняла и ратифицировала разработанную ООН Конвенцию о правах ребенка. Принятие этого документа ознаменовало переход на качественно новый уровень отношения государства к проблеме детей и детства. Конвенция декларирует обязательность для государств-участников «обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия» (ч. 1, ст. 3). Не забыты в ней и дети-сироты и приравненные к ним. Ст. 20 гласит: «Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством». Таким образом, подписание указанного документа возлагает на наше общество дополнительную ответственность по отношению к детям, лишенным родительского внимания. Но надо прямо сказать, что нынешняя ситуация с детьми-сиротами складывается крайне неблагоприятно. Во-первых, у подавляющего большинства детей, находящихся в социальных приютах, как известно, имеются родители, но они, как правило, лишены судом родительских прав или в их отношении идет процесс принятия решения судом. Во-вторых, состав несовершеннолетних в приютах весьма сложен в социальном и педагогическом

плане и отличается от такового в детских домах или школах-интернатах, поскольку:

- подавляющее большинство детей уже приобщились к курению, систематическому употреблению алкоголя;

- большинство детей находится в кризисном или пограничном с ним состоянии вследствие социально-психологической депривации в семье, физического или сексуального насилия, школьной дезадаптации;

- почти у всех детей выявлены хронические заболевания;

- многие дети нигде и никогда не учились, у них не сформированы (или утрачены) элементарные социальные и бытовые навыки, опыт жизни в семье;

- у многих детей отмечена задержка психического развития и т.д.

В-третьих, нынешняя неопределенность и нестабильность жизненных условий в нашей стране в особенности отражается на судьбе данной категории детей. Опыт развитых стран показывает, что рыночные отношения обостряют конкуренцию рабочей силы, жертвой которой в первую очередь становится молодежь с невысокой профессиональной квалификацией. Выходцы из социальных приютов со своими слабыми адаптивными способностями и отсутствием поддержки родительской семьи в таких условиях становятся первыми кандидатами в изгои.

Разумеется, персонал приютов всячески старается помочь своим подопечным: проводит диагностическую работу с детьми, которая может помочь воспитателю и учителю подобрать ключ даже к самым трудновоспитуемым и обучаемым детям; организует коррекционные мероприятия по оптимизации поведения, эмоциональных проявлений у воспитанников; ведет социально-психологические тренинги, на которых ребята обучаются общаться, правильно выражать себя и понимать других. И, конечно же, работники приютов стараются отладить контакт с подопечными, добиться доверительно-дружеских отношений (ведь на подопечных нельзя давить). Но, например, если рассмотреть работу психолога в приюте, то, даже при всей его преданности делу, у него слишком мало времени на все виды работ психологической практики. Если же предположить возможность в 36-часовой рабочей неделе психолога отводить каждой встрече с воспитанником хотя бы один час, теоретически в неделю психолог может охватить в лучшем

случае лишь часть ребят. А также надо учитывать тот факт, что все-таки дети постепенно привыкают и к персоналу, и к своему сложившемуся окружению.

Эти проблемы можно решить при развертывании системы волонтерского движения студентов, особенно обучающихся на социальных, психологических и педагогических факультетах. У студентов появляется реальная практика и, самое важное, возможность самореализации в соответствии со своими профессиональными и альтруистическими намерениями.

В настоящее время на базе Института социальных наук Иркутского государственного университета (ИСН ИГУ) уже сделаны шаги по созданию и реализации проекта, направленного на оказание помощи детям в приютах в подготовке к будущей жизни. В ИСН ИГУ и ранее существовали формы волонтерской работы. Это помощь детским домам (общение, необходимые вещи), благотворительные выступления команды КВН для детей и т.д. Но сейчас пришло время выйти на новый уровень, необходимо решать больший диапазон проблем, связанных с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию. Сейчас на базе ИСН ИГУ также начинается свою работу студенческое волонтерское движение. Главными целями движения являются оказание помощи детям, попавшим в сложные жизненные ситуации, и работа по адаптации и развитию воспитанников социальных приютов.

Данная деятельность должна помочь воспитанникам сформировать навыки, необходимые для их адаптации к жизни в обществе, в процессе работы и дружеского общения со студентами-волонтерами. А именно создать правила и планы социального поведения детей, придавая ему в нужный момент необходимую ролевую форму, для помощи им в адаптации в настоящем и будущем; научить детей в играх и общении распознавать ошибки причинно-следственных связей социального поведения других людей, побуждать их относиться к окружающим людям так, как они хотели бы, чтобы относились к ним.

Волонтерское движение позволит обеспечить приют добровольными профессиональными помощниками; подготовить специальные кадры из числа волонтеров (социальных работников, психологов, педагогов) для будущей работы в штате социального приюта.

Но помимо этого необходимо предусмотреть в структуре государственных институтов, обслуживающих данную категорию детей, механизм защиты их прав в обществе. Начать, по-видимому, следует с четкой организации информационного обеспечения о потенциальных подопечных и о судьбе выпускников приютов, чтобы не только оказывать помощь нуждающимся, но и на основании имеющейся информации предлагать заблаговременно свои услуги детям для решения их проблем.

В завершение можно сделать вывод, что, несомненно, адаптация к жизни детей, находящихся в социальных приютах, весьма актуальная проблема в современном мире, но совместными усилиями ее можно решить.

Н.В. Мытник

РАЗРАБОТКА МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ РАБОТЫ ЗА КОМПЬЮТЕРОМ

В настоящее время влияние информационных технологий прослеживается во всех аспектах социальной жизни. Без компьютера невозможно представить современную науку, промышленность, медицину. Люди используют компьютер на работе, в учебе, для отдыха, решения бытовых задач и многого другого. Влияние современных достижений науки и техники на жизнь человека сложно переоценить. Безусловно, эти достижения способствуют повышению качества жизни, но в то же время порождают ряд проблем, которых раньше не существовало. В число этих проблем входит негативное влияние компьютера на здоровье человека [1].

В погоне за материальными благами, социальным положением, сиюминутными удовольствиями нельзя пренебрегать заботой о своем здоровье. Опираясь на свои знания и советы профессионалов, наблюдения за собой и окружающим миром, человек может сам обеспечить себе долгую, гармоничную и счастливую жизнь, восстановить и сохранить свое физическое и духовное здоровье [2].

Наиболее доступный и естественный путь к здоровью — устранение факторов, систематически его разрушающих. К сожалению, не все они возможны для изменения, например экология. Но такие основные из них, как питание, движение и состояние нервной системы, вполне поддаются коррекции [2].

Многочисленные исследования в области биологического действия компьютера позволили определить наиболее чувствительные системы организма человека — это нервная, иммунная, эндокринная и половая, а также костно-мышечный аппарат. Эти системы организма являются важнейшими. Их реакции должны обязательно учитываться при оценке риска воздействия на население [2].

Цель статьи заключается в том, чтобы показать студентам, преподавателям, специалистам социальной работы методики профилактики и устранения негативного воздействия компьютера на здоровье. Задача работы состоит в создании методических рекомендаций, которые можно использовать для профилактики негативных физических последствий долгого времяпровождения за компьютером. Также рекомендации имеют ценность пропаганды здорового образа жизни среди клиентов социальной работы.

В ходе исследования сопоставлялись нормативы, указанные в постановлении «Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы» [3], с реальной ситуацией.

В вышеуказанном документе можно выделить следующие требования и приложения.

1. Требования к организации и оборудованию рабочих мест с ПЭВМ (для каждой возрастной категории разные).

2. Требования к организации медицинского обслуживания пользователей ПЭВМ.

3. Приложения, в которых даются рекомендации по организации рабочего места, режима труда и отдыха, а также упражнения для снятия физического напряжения, появляющегося во время работы за компьютером.

Мы видим из вышесказанного, что для устранения негативных факторов разработаны подробные нормы и рекомендации. Следует придерживаться норм и рекомендаций, прописанных в [3], при организации рабочего места и работы за компьютером. Это необходимо для поддержания рабо-

тоспособности и нормального самочувствия. В студенческом возрасте человек в большинстве случаев мало беспокоится о своем здоровье, а когда появляются симптомы заболеваний, вызванных негативным воздействием компьютера и пренебрежением установленными рекомендациями, многие болезни уже приобретают хроническую форму. Среди причин, затрудняющих выполнение указанных рекомендаций, можно выделить следующие.

1. Руководители и преподавательский состав вузов не информированы о наличии такого рода нормативных документов.

2. Большой объем учебного материала вызывает нехватку времени для проведения дополнительных перерывов, во время которых должна проводиться гимнастика для глаз или физкультурная минутка.

3. Правильная организация компьютерных рабочих мест связана с дополнительными экономическими затратами.

4. Недостаточно ответственное отношение к своему здоровью большинства людей.

Вузы должны быть заинтересованы в выпуске не только высококвалифицированных, но и здоровых специалистов. Руководители вузов должны заботиться и о студентах, и о сотрудниках, проводящих много времени за компьютерами в поисках и обработке информации.

В ходе нашей работы сформулированы рекомендации для руководителей вузов, преподавателей, студентов и заведующих учебными лабораториями. Приведенные ниже рекомендации будут интересны и социальным работникам.

1. Разработать буклеты, плакаты или составить советы в журнал инструктажа студентов по технике безопасности. Ознакомиться с разработанными упражнениями можно в указанном выше постановлении:

приложение 16. Комплексы упражнений для глаз [3];

приложение 17. Комплексы упражнений физкультурных минуток [3];

приложение 18. Комплексы упражнений физкультурных пауз [3].

2. Поместить рекомендательную информацию в учебных лабораториях, оснащенных ПЭВМ, преподавательских, профкомах студентов и сотрудников, в местах наибольшей посещаемости (таких как холлы учебных корпусов, коридоры).

3. Руководителям вузов проводить рекомендательные беседы с преподавательским составом.

4. Проводить семинары по пропаганде здорового образа жизни.

5. На специальности «Социальная работа» включить изучение влияния ПЭВМ на человека, а также методов профилактики и устранения негативного влияния ПЭВМ на человека.

6. Ввести дополнительное медицинское обследование лиц, которые большую часть рабочего времени проводят за компьютером.

В обязанности руководителей вузов, преподавателей и социальных работников следует внести консультации студентов и других лиц о заболеваниях, вызываемых негативным влиянием компьютеров. Они должны уметь распознавать симптомы этих заболеваний и знать, какие меры профилактики нужно применить для устранения неблагоприятных воздействий. Таким образом, своевременное устранение негативного воздействия компьютера поможет сохранить здоровье, работоспособность и успеваемость студентов и сотрудников вузов, специалистов социальной работы.

Список литературы

1. Введение в культурологию : курс лекций / под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 101–102.

2. Глаза и компьютер. Как сохранить зрение / авт.-сост. Б.Н. Джерелей, О.Б. Джерелей. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2006. – 190 с.

3. Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы : введены в действие постановлением от 3 июня 2003 года № 118 «О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов». СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 [Электронный ресурс]. – СПС «Консультант Плюс».

Ю.А. Наумова

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Как известно, в 1995 году десять российских вузов осуществили первый выпуск профессиональных социальных работников, которым были вручены дипломы специалиста по социальной работе. В настоящее время специалисты по социальной работе трудятся во всех странах мира. Особенно масштабный характер эта работа приняла в середине и второй половине прошлого столетия.

В России квалификационная характеристика по социальной работе была включена Государственным комитетом по труду в квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих в апреле 1991 г. Тогда же была открыта новая специальность «Социальная работа», подготовку по которой начали вести высшие и средние специальные учебные заведения. По состоянию на начало 1998 года среди учебных заведений, занятых подготовкой и переподготовкой кадров для системы социальной защиты населения, было 10 государственных академий, 62 государственных университета, 9 институтов социального и гуманитарного профиля, 1 учебный центр [1, с. 110, 112].

На сегодня обучение по всем формам подготовки и переподготовки кадров проходит более 15 тыс. будущих социальных работников. В настоящее время многие практические работники не имеют специальной профессиональной подготовки. Поэтому подготовка социальных работников — это чрезвычайно актуальная задача [2, с. 63]. В России подготовка и переподготовка социальных работников идет разными путями. Она осуществляется в университетах, педагогических, медицинских и других вузах и колледжах, на курсах повышения квалификации. Сроки обучения разные: от нескольких месяцев до 4–5 лет. В целом по стране можно выделить несколько уровней подготовки кадров.

1. Допрофессиональная подготовка на курсах, в школах, лицеях. Выпускники со средним образованием работают в отделениях по обслуживанию больных, престарелых, одиноких людей. Им предоставляется право поступать в средние специальные учебные заведения или соответствующие вузы.

2. Обучение в средних специальных учебных заведениях. После их окончания можно работать бригадами отделений по обслуживанию больных, одиноких, престарелых лиц, социальными педагогами и т.д.

3. Обучение в университетах, академиях, отраслевых вузах (педагогических, медицинских и др.) на дневных, вечерних и заочных отделениях (срок обучения от 3 до 6 лет), на спецфакультетах (имеющие высшее образование обучаются 1–3 года).

Социальная работа — это очень сложный процесс, который требует глубоких знаний в области теории управления, экономики, психологии, социологии, педагогики, медицины, права, ведения и т.д. Эффективность социальной работы зависит не только от уровня подготовки социального работника, знаний, опыта, но и от его личностных особенностей и качеств. По проблемам теории и практики социальной работы за последние годы подготовлено большое количество учебных пособий, брошюр и статей. Значительный вклад в решение задачи обеспечения учебной литературой внесли Российский государственный социальный институт (РГСУ), Алтайский и Пермский государственные университеты, Институт молодежи [3, с. 223].

Большую научно-исследовательскую работу развернул созданный в 1994 г. Институт социальной работы. В стране выпускается ряд периодических изданий по проблематике социальной работы, в том числе «Российский журнал социальной работы». Систематически проводятся научные и научно-практические конференции международного, всероссийского и межрегионального уровней. В некоторых вузах открыта аспирантура по подготовке специалистов высшей квалификации.

Все это свидетельствует о том, что процесс становления социальной работы как науки и учебной дисциплины идет успешно. Создана система подготовки и переподготовки специалистов в одной из актуальных областей человеческой деятельности — социальной сфере. Однако еще немало проблем и нерешенных вопросов. Чрезвычайно остро стоит проблема кадров. Вот пример: на 89 территориях России в социальной сфере трудится более 400 тыс. человек. Многие из них получили узкоспециальное профессиональное образование (медики, педагоги, психологи, социологи и т.д.), но не имеют подготовки социального работника [4, с. 78].

В числе актуальных проблем подготовки социальных работников можно отметить следующие.

1. Нужна более тесная связь обучения будущих выпускников с их профессиональной деятельностью. Чем больше практических навыков будет получено студентом во время обучения, тем больше у него шансов реализовать свои профессиональные знания после окончания учебного заведения.

2. Стоит задача оформления социальной работы как самостоятельной научной дисциплины. Это позволит осуществлять подготовку социальных работников высшей квалификации, без чего успешное развитие этого актуального направления невозможно.

3. Необходимо оформление социального и юридического статуса социальных работников, определение их прав, гарантий деятельности, следует ввести данную специальность в штатное расписание всех служб и учреждений.

Актуальной остается проблема отбора лиц, избравших эту нелегкую профессию. Как в подготовке социальных работников, так и в содержании социальной работы необходимо прежде всего опираться на традиции своей страны, менталитет народа, особенности образа жизни населения России.

Список литературы

1. Павленок П.Д. Основы социальной работы : учебник / П.Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 365 с.

2. Топчий Л.В. Проблемы научно-методического обеспечения качества подготовки социальных работников / Л.В. Топчий. – М., 1992. – 170 с.

3. Социальная работа: учеб. пособие / под ред. проф. В.И. Курбатова. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 576 с.

4. Албегова И.Ф. Введение в специальность «Социальная работа» / И.Ф. Албегова. – Ярославль, 1997. – 220 с.

Н.В. Негрей

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В СТУДЕНЧЕСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

В современных социально-экономических условиях жизни студенческая молодежь является наиболее активной группой населения. Успешная учеба в вузе предполагает не только высокий уровень образовательных компетенций, но и в большинстве случаев развитие креативных знаний, умений и навыков. Создание условий для реализации инновационной деятельности студентов — одна из основных задач воспитательной работы в университетах.

На сегодняшний день в Институте социальных наук Иркутского государственного университета (ИСН ИГУ) обучается более 500 студентов по четырем специальностям, таким как менеджмент организаций, регионоведение, социология и социальная работа. Социальная работа относится к тем редким видам профессиональной деятельности, где зачастую не профессиональные знания и навыки, а личностные качества специалиста во многом определяют ее успешность и эффективность.

Поэтому в процессе обучения социального работника происходит не только познание им основ и тонкостей профессии, но и воспитание его как личности, формирование духовно-нравственных качеств, которые будущий специалист проявит в работе с людьми. Наши студенты имеют возможность приобретения практических навыков, работая в организациях и компаниях города, а также принимая активное участие в деятельности профсоюзной организации студентов Института социальных наук (ПОС ИСН).

ПОС ИСН — это одна из форм студенческого самоуправления, целью ее работы является защита социально-экономических интересов и прав студентов, оказание помощи тем, кто находится в трудной жизненной ситуации. Структура профбюро включает в себя руководителя организации — председателя, ответственных по различным направлениям, секретариат. Для успешной деятельности организации необходима не только четкая, скоординированная работа студентов,

но и помощь в разрешении внештатных ситуаций, в построении правильного взаимодействия с администрацией института. Эти направления могут быть использованы в качестве непрофессиональной деятельности будущих специалистов по социальной работе.

Личностные качества социальных работников, такие как эмпатия, коммуникабельность, склонность к сотрудничеству, гуманность, позволяют студентам принимать самое активное участие в деятельности ПОС ИСН. За десять лет существования института трое представителей этой специальности возглавляли ПОС ИСН. Безусловно, данная работа имеет свою специфику. Она заключается в более быстром усвоении навыков управления, взаимодействия с людьми, в формировании определенных моральных норм и принципов.

Благодаря этому была разработана определенная система сотрудничества администрации факультетов (институт объединяет в себе два факультета) с представителями студенческого актива. Сотрудничество включает в себя составление плана совместной работы на учебный год, выявление и поддержку наиболее активных студентов, проведение общих мероприятий для студентов и преподавателей.

За пять лет обучения студенты, занимающиеся общественной деятельностью в органах студенческого самоуправления, приобретают навык работы в коллективе, опыт организации массовых мероприятий, у них развивается инициатива и творческое мышление. Это способствует повышению общекультурного уровня студентов, расширению их социальных связей. Ребята становятся более общительными, повышается их интерес к участию в общеуниверситетских мероприятиях, появляется желание работать в городских организациях.

В течение учебного года профбюро института проводит более 10 традиционных мероприятий, апробируются более двух инновационных проектов. Интеллектуальные и спортивные состязания, капустники и вечеринки проводятся в актовом зале ИГУ и в ночных клубах города, в студенческом общежитии и учебных аудиториях. Наши ребята делают общественную карьеру в комиссиях первичной профсоюзной организации студентов ИГУ и рабочих группах по проведению общеуниверситетских мероприятий, играют и побеждают в КВН, занимаются волонтерской и добровольческой деятельностью, выступают на всероссийских и международных конференциях и публикуют

свои научные работы в сборниках трудов этих конференций. Всего в общественной работе института ежегодно принимает активное участие более 100 студентов. Конечно, стиль поведения этих студентов резко отличается от общей массы. Как правило, это более вежливые, воспитанные и интеллектуально развитые люди, которые не останавливаются на достигнутом, стремясь к большему.

Опыт общественной работы помогает студентам и после окончания института. Им легче найти работу, потому что они более коммуникабельны, самодостаточны, мобильны и ответственны. Их приглашают работать в компании уже на четвертом и пятом курсах после совместных проектов, демонстрирующих уровень компетентности и социального опыта. Профсоюзная деятельность студентов в ИСН ИГУ является основой для формирования профессиональных навыков и умений у будущего специалиста по социальной работе.

С.В. Попов

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
СЛУЖЕНИЕ ГЛУХИМ ЛЮДЯМ
(Краткий исторический очерк.
Опыт и формы работы студентов
Томской Духовной семинарии)**

...горе мне, если не благовествую
1 Кор. 9, 16

Православное просвещение глухих людей в Томске — одно из направлений просветительской работы студентов Томской Духовной семинарии. Ее целью является распространение Евангельского слова, православной культуры, приобщение неслышающего населения к Таинствам Церкви, перевод богослужений на язык жестов, исполнение заповеди: «...идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28,19–20).

По Церковному учению, главное в восприятии богослужения — это не видение, а слышание. А «Как веровать в Того,

о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?» (Рим. 10, 14–15). Донести до людей, лишенных слуха, голос Церкви, помочь им услышать Бога через язык жестов — основная задача студентов семинарии, владеющих жестовым языком. «С глухими мы разговариваем знаками и жестами не потому, что не имеем голоса, а потому что бесполезно было бы объясняться словами», — говорил об общении с глухими людьми святитель Григорий Нисский, живший в IV в. [1, с. 2].

С человеком, лишенным слуха, работать сложно, потому что и физиологически, и психологически инвалиды по слуху не такие, как мы. Их сознание изначально формируется при отсутствии слова, без опоры на те психологические связи в центральной нервной системе, которые образуются при словесном общении. Поэтому такие люди имеют особенности и в мышлении, и в восприятии обращенной к ним речи.

История взаимоотношений слышащих и глухих людей имеет глубокие корни. Ветхий Завет учит: «Не злословь глухого ...» (Лев. 19, 14), а Новый Завет показывает безграничную Божественную любовь к глухому косноязычному: «Привели к Нему глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведав его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, воззрев на небо, вздохнул и сказал ему: «Еффафа́», то есть: отверзись. И тотчас отверзся у него слух, и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто» (Мк. 7. 32–35). Господь Бог с глухим косноязычным действовал видимыми знаками, в отличие от многих других случаев, где он исцелял только словом.

На протяжении всей истории человечества общение между глухими людьми осуществлялось посредством знаков и жестов, которые передавали основные понятия и действия. Жестовый язык — это не примитивная, а достаточно сложная и своеобразная лингвистическая система общения глухих, включающая дактильную, то есть пальцевую, азбуку; разговорную и калькирующую жестовую речь, то есть дословный перевод устной речи с использованием жестового языка. Дактильная речь сходна с письменной и устной речью, воспринимается зрительно, легко усваивается.

В соответствии со статьей 14 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от

22 сентября 2004 года № 122 «язык жестов признается как средство межличностного общения...» [2].

Нам особенно интересны религиозные жесты, так как они не только отражают понятия, но и указывают на богословский смысл.

Кто первый изобрел дактильный алфавит, точно неизвестно. Существует предположение, что христиане научили глухих говорить, так как изображения пальцевых букв встречаются уже в латинской Библии X в.

Первая известная науке публикация дактильного алфавита содержится в книге испанского монаха де Вебра, изданной в 1593 г. [3, с. 13].

До настоящего времени дактильный язык является универсальным.

На протяжении всей своей истории Российское государство и Русская Православная Церковь совместно осуществляли призрение глухих людей.

В настоящее время в некоторых городах России ведутся службы с сурдопереводом. Томск единственный город в стране, в котором перевод богослужений на язык жестов осуществляют студенты Томской Духовной семинарии.

С осени 2004 г. в Томском отделении Всероссийского общества глухих студенты семинарии стали проводить беседы по теме «Азы православия». С помощью профессионального сурдопереводчика Ольги Андрейчик они учили глухих людей правильно креститься, вспоминали о евангельском событии исцеления глухого косноязычного человека. Было важно в подобных беседах объяснить и ответить на вопрос: «Почему Господь так решил, что есть люди, лишенные слуха?». В конце беседы отвечали на вопросы. Темы последующих бесед определяли сами люди [4, с. 4]. Вся работа проходила под девизом «...для Слова Божия нет уз» (2 Тим. 2, 9).

Благодаря помощи Божией, 29 января 2005 г. состоялась первая Божественная Литургия, перевод которой осуществляли сурдопереводчик православной общины глухих из Новосибирска Николай Соколов и студенты семинарии. На вопрос журналистов: «Как же вам удается слышать службу и почувствовать красоту церковного пения?» глухие люди отвечали: «Да, мы не слышим, но чувствуем душой...» [4, с. 4].

Регион проведения богослужений с сурдопереводом расширился. С января 2005 г. службы для глухих стали прово-

даться регулярно в Томске и Северске. Кроме того, студенты-сурдопереводчики перевели Божественную Литургию и Таинство крещения в городах Колпашево, Красноярске, Канске, Иркутске и Усолье-Сибирском.

Студент семинарии Евгений Морозов рассказал о работе с неслышащими людьми на XV Международных Рождественских образовательных чтениях в г. Москве.

В марте 2007 г. он представил программу «Основы духовной культуры для глухих и слабослышащих детей» на Международный образовательный форум «УЧСИБ-2007» в г. Новосибирске и получил диплом и Большую золотую медаль.

Богослужение — это таинственный духовный процесс соединения неба и земли, а также души человека с Богом.

Божественная Литургия предваряется Таинством исповеди. «Ты стыдишься и краснеешь, когда нужно сказать грехи свои? Стыдись лучше грешить, нежели исповедоваться...», — говорит преподобный Ефрем Сирий [5, с. 369]. Но как неслышащему человеку можно сказать свои грехи словами, ведь он не всегда может говорить голосом?

В практике исповеди томских глухих людей следует отметить как положительные, так и отрицательные черты. Положительным является то, что человек из мира тишины как член Церкви Христовой может очистить свою душу посредством покаяния на родном жестовом языке.

Отрицательным является проблема исповедующегося и священника: при отсутствии слуха у первого и незнании жестового языка у второго. Перед исповедью глухой человек пишет свои грехи на листе бумаги. Некоторые из них — люди пожилые и малограмотные, в силу невоцерковленности не всегда правильно понимают и выделяют, что такое грех. Священник не может задать уточняющие вопросы, он прочитывает листок с грехами и произносит разрешительную молитву. При этом исповедь может быть неполной.

За каждой Божественной Литургией с церковного амвона произносится проповедь на тему празднуемого события. Так, в праздник Святой Троицы глухим людям было рассказано, как несколько тысячелетий назад Бог разделил языки людей в день Вавилонского столпотворения и соединил их в Пятидесятницу. В День сошествия Святого Духа на апостолов проповедь стала звучать на всех языках. А сегодня она звучит и на языке жестов.

Катехизаторская работа, проводимая студентами среди людей, лишенных слуха, включает в себя: проведение бесед, изучение религиозных жестов, молитв, организацию экскурсий, выпуск православного листка и другое. Она имеет свои специфические особенности и требует больших моральных усилий.

Беседы — это самое лучшее время для формирования православного общества глухих. Они заканчиваются ответами на вопросы, которые определяют последующие темы занятий. Наиболее востребованной является тема о деятельности деструктивных сект, их губительном влиянии на душу человека. Беседы предваряются просмотром документальных фильмов с сурдопереводом. Так, например, в актовом зале семинарии был показан фильм «Мы глухие», на демонстрации которого присутствовали прихожане томской общины глухих, студенты семинарии и участники городского православного молодежного клуба. По окончании последовало обсуждение. Выступали все желающие, вскрывали общие проблемы. Сурдопереводчики переводили весь ход обсуждения. В результате пришли к выводу, что глухие и слышащие люди нужны друг другу. Неслышащие люди были тронуты до глубины души большим вниманием со стороны молодежи, о чем говорили слезы благодарности.

Возможно, где-то даже слышать сердцем и душой намного важнее, чем воспринимать слова на слух. Господь не дает не по силам: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 30).

Всякое благое дело у христиан начинается с молитвы, поэтому изучение молитв на языке жестов проводится на всех этапах духовно-просветительской работы семинаристов. На встречах с глухими студенты рассказывают историю появления молитвы, вручают ее текст на церковно-славянском языке в русской транскрипции, объясняют незнакомые слова. Затем, четко проговаривая губами и жестами, читают вместе с глухими, повторяя молитву несколько раз для запоминания. Всегда глухие люди живо реагируют на Слово Божие, участвуют в переводе молитв, помогая заменить дактиль жестами. Такая работа не остается безрезультатной, и на Божественной Литургии все присутствующие молятся соборно на жестовом языке.

Экскурсии по храмам, церковно-археологическому музею ставят своей целью через зрительное восприятие показать глухому человеку эстетическую красоту православного храма,

его внешнее устройство и внутреннее убранство; рассказать о спасительной жертве Христа, таинствах Церкви, святых угодниках, о пользе добродетельной жизни и возможности очищения души от грехов через покаяние.

Перед Распятием вспоминаются евангельские события о том, как Господь пришел в мир «...нашего ради спасения...», научил людей любить Бога и ближнего. И пострадав за наши грехи, воскрес из мертвых.

На экскурсии рассказывается, что среди великого сонма святых были также глухие и слабослышащие, например преподобный Андрей Критский «родился и оставался нем в течение семи лет. Чудодейственная сила святого причащения Тела и Крови Христовой разверзла уста семилетнего отрока...» [6, с. 5]. Святой праведный старец Феодор Томский был слабослышащим. У иконы преподобного Сергия Радонежского — случай исцеления от мощей святого немой девочки Марии, наказанной Богом за посмеяние над гугнивым мальчиком, который подошел просить милостыню [7, с. 319]. Побывав на экскурсии в церковно-археологическом музее, глухая женщина сказала: «Музей уникальный... Я слушала Вас внимательно. Когда хочешь что-то осмыслить, полезно побыть наедине с собой. Музей требует максимального внимания и душевного чувства».

Таким образом, физическая телесная глухота не может быть препятствием к слышанию голоса Божия.

С марта 2008 г. ежемесячно студенты семинарии издают листок «Православие в мир тишины», который пользуется большой популярностью у глухих. На вопрос, что дает «Православный листок» глухому человеку, наша постоянная прихожанка Нина Кочетова ответила: «Я не задумывалась. Читаю всю информацию, знакоюсь со смыслом молитв. Принимаю как должное, что надо знать верующему».

В заключение хочется вернуться к евангельской истории исцеления глухого косноязычного Христом Спасителем. Господь настолько возлюбил его, что сделал участником Божественной радости, даровал ему слух и речь после единого возгласа: «Еффафа́» (Мф. 7, 34).

Хочется верить, что доброе начало по распространению Слова Божия среди глухих людей не погибнет, а будет произрастать как зерно горчичное, «...которое, хотя и меньше всех семян, но, когда вырастит, бывает больше всех злаков и становится деревом...» (Мф. 13, 31).

Список литературы

1. Нисский Григорий Свт. О надписании псалмов / Свт. Григорий Нисский. – М., 1998.
2. Федеральный закон о социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Гемофилия в России. Веб-портал. – Режим доступа: <http://www.hemophilia.ru/old/zakon/sozschutz.html>, свободный.
3. Пирогов А. Торжественное безмолвие среди торжествующего равнодушия / А. Пирогов // Мирт. – 2000. – № 3(22).
4. Морозов Е. Проповедь без слов / Е. Морозов // Томские епархиальные ведомости. – 2008. – № 3 (122).
5. Сирин Ефрем, преподобный. Творения / преподобный Ефрем Сирин. – 5-е изд. – ТСА, 1912. – Ч. 3.
6. Критский Андрей, преподобный. Канон Великий / преподобный Андрей Критский. – Владимир : Изд-во Владимирской епархии, 1997.
7. Марк (Лозинский), игумен. Отечник проповедника. 1221 пример из пролога и патериков / игумен Марк (Лозинский). – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

Е.В. Попова

«ДЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ – SOS» КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Причины, по которым количество детей-сирот увеличивается, заключаются не только в отказе матери от ребенка, но и во многом в кризисе института семьи [1]. Сегодняшнее критическое состояние российской семьи обусловлено бедностью значительного числа семей, отсутствием эффективной социальной политики, широким распространением алкоголизма и связанного с ним семейного насилия [2].

О кризисном состоянии российской семьи также свидетельствует устойчивый рост числа родителей, лишенных родительских прав. В 2004 г. количество удовлетворенных судами исков о лишении родительских прав возросло до 56 тыс., а детей, изъятых у таких родителей, — до 65,2 тыс. Лише-

ние родительских прав является одной из причин увеличения числа детей-сирот. Так, половина выявляемых в течение года детей, оставшихся без попечения родителей, — это дети, родители которых лишены родительских прав или ограничены в родительских правах [3].

Несмотря на тяжелое положение российской семьи, Правительство Российской Федерации приняло за приоритетное направление устройство детей-сирот в приемные (или патронатные) семьи и тем самым начало исполнять право ребенка жить и воспитываться в семье, закрепленное в ст. 54 Семейного кодекса РФ. Денежное стимулирование этого направления привело к тому, что приемными семьями являются неблагополучные семьи, которые берут ребенка ради экономической выгоды. А это значит, что ребенок возвращается в те же условия, из которых был изъят ранее органами опеки и попечительства, т.е. в семью с ненадлежащими условиями содержания и воспитания. Следовательно, говорить о полноценном развитии ребенка в такой семье не приходится.

В условиях системы интернатного воспитания, которая была распространена в СССР, нормальная социализация детей-сирот также ставилась под вопрос. Эта система полностью соответствовала существовавшей идеологии коллективизма. Она продолжает функционировать и после распада СССР, не выполняя своих функций по воспитанию, образованию и социализации детей в соответствии с требованиями изменившегося общества.

Одним из выходов в данной ситуации является модернизация существующей системы воспитания детей-сирот, образом которой будет служить семья. И одной из таких форм является «Детская Деревня – SOS». «Детская деревня – SOS» — это особая форма воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, максимально приближенная к семейной. «Детская деревня – SOS» представляет собой социокультурный феномен современности [4]. Социальный аспект ее заключается, во-первых, в том, что это мононуклеарная семья. Соответственно она ретранслирует все функции семьи, а также прививает такие наиважнейшие навыки, как общение и ролевые установки поведения в обществе. Во-вторых, это специальная модель воспитания полноценного члена общества. Она основана на четырех принципах: мама «Детской деревни – SOS» — это призвание, образ жизни и профессиональная

работа; братья и сестры в «Детской деревне – SOS» есть у каждого ребенка. В SOS-семье живут и воспитываются 6–8 детей разного возраста, а родных братьев и сестер никогда не разлучают. Дом — это место, где живет семья, место со своим собственным внутренним миром, собственной субкультурой и собственными правилами. «Детская деревня – SOS», где каждая семья-SOS — это часть общества-SOS, семьи живут, вместе образуя деревню. Культурный аспект модели состоит в том, что это уникальное микрообщество, сохраняющее и привносящее культурные ценности, которые отражают характер национальных российских гуманистических традиций. «Детская деревня – SOS» — универсальная воспитательная модель, которая успешно существует в 132 странах мира, бесконфликтно вливаясь в культуру и общество страны, включая Россию.

Можно выделить следующее: эта форма опеки и воспитания детей-сирот призвана подготовить их к самостоятельной и независимой жизни. В деревне ребенок воспитывается в условиях, приближенных к семейным, что способствует его полноценному развитию. Для создания таких условий в деревне работает высококвалифицированный персонал, который ежегодно посещает различные семинары, конференции и тренинги в целях повышения квалификации. Подводя итог, мы можем констатировать, что скорейший переход к семейным формам воспитания поможет не терять поколения детей-сирот, а приобретать полноценных граждан общества.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Актуальные проблемы семей в России / Т.А. Гурко. – М., 2006.
2. Антонов А.И. Микросоциология семьи / А.И. Антонов. – М., 2006.
3. Дементьева И.Ф. Социализация детей в семье / И.Ф. Дементьева. – М., 2004.
4. Бурскова Е. Семья без родителей / Е. Бурскова. – М., 1993.

Т.Ю. Розманова

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ ИЗВЕСТНЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ В ИХ ОБЩЕСТВЕННОЙ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В российской истории социальной работы в достаточной степени освещены примеры личного участия известных благотворителей в помощи и поддержке нуждающихся людей, их роль в становлении социальной работы как профессиональной деятельности. Широко известны факты благотворительности в XV–XVII в. А. Ордын-Нащокина, Патриарха Никона, Ф. Ртищева, Ульяны Осорьиной, позднее, в XIX веке, — В.Ф. Одоевского, П.П. Помиан-Пезаровиуса, А.Н. Стрекаловой и других благотворителей [1, 2, 3].

Исследуя культурное наследие профессионального общения специалистов социальной работы, мы обнаружили интересные примеры культуры общения известных благотворителей в процессе оказания ими помощи и поддержки нуждающимся людям. В общении эти люди ориентировались на такие ценности, как чувство долга, личная ответственность, гуманность, человеколюбие и др. В 1819 г. князем Шаликовым был написан в стихах «Гимн человеколюбию», в котором есть такие строки: «Образ благодати небесной, / Восприятый смертным вновь, / Чувства перло, дар прелестный — / К Человечеству любовь! / Ты явилась — и страдалцу / Улыбнулся на земли; / Сирота, вдовица, старец / Пристань мирну обрели» [4].

Люди, осуществлявшие помощь и поддержку, находились под влиянием христианского вероучения, главными религиозными заповедями которого были «возлюби ближнего твоего, как самого себя», «благотвори с радушием» и др. Данные заповеди становятся ценностью, нравственным императивом, определяющим сущность не только поступка, но и слова помогающего индивида.

Ещё в древнерусских литературных памятниках находят отражение характеризующие личность культурно-нравственные нормы общения князей в процессе помощи различным категориям нуждающихся. Так, в «Слове Даниила Заточника» зафиксированы такие слова обращения Заточника к князю

Ярославу Владимировичу: «Мёд источают уста твои и послание твоё они рай с плодом...» [5, с. 240]. Коновалова А.Ф., анализируя «Написание о царях Московских», отмечает, что царь Борис предстаёт как «сладкоречив вельми...нищелюбив». Его сын царевич Фёдор «книжному научен почитанью, пустошное али гнилое слово из уст его вовек не исходише» [6]. Другой пример: в XII в. Великий князь Владимир Мономах в «Поучении» завещал своим детям: «Не свирепствуй словом, не хули беседою ... научись глазами управленью, языка удержанию, ума смирению, гнева подавлению, мысли чистоту, побуждая к добрым делам» («Изборник», 1076 г.) [7].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что значительное влияние на культуру общения в процессе княжеской помощи и поддержки оказали религиозная мораль, традиции и ценности христианской культуры, основанные на канонах милосердия и гуманизма.

Всякое культурное развитие обусловлено культурным наследием прошлого [8]. Анализ литературы позволил установить, что и в более поздний период государственного призрения (со второй половины XVII в. по вторую половину XIX в.), и в период общественного и частного призрения (с конца XIX в. до начала XX в.) [3] личные культурные нормы общения благотворителей, людей высокой культуры, оказали значительное влияние на культуру профессионального общения будущих специалистов социальной работы.

К примеру, князь В.Ф. Одоевский всегда помогал нуждавшимся советом, просил за них у тех, кто мог оказать помощь, лично беседовал с нуждающимися, выясняя их нужды [1, 9]. Благодаря энергии и личному примеру барона О.О. Буксгевдена в Петербурге в середине XIX в. не только были организованы «евангелические» дома трудолюбия, но установлена их главная цель — нравственное перевоспитание, прежде всего, и правила поведения и общения: «Внутренний режим в доме строг, но главным средством его поддержания служат меры убеждения» [1].

Особую ценность для данного исследования представляют взгляды и идеи Ф.П. Гааза, главного врача московских тюрем с 1827 г., секретаря тюремного комитета с 1830 по 1835 гг. По свидетельству его биографа, известного юриста, судебного оратора и общественного деятеля А.Ф. Кони, в своей профессиональной деятельности культурному общению с осуждёнными

и коллегами Ф.П. Гааз придавал решающее значение. Он «глубоко переживал грубость, словом стремился облагородить человеческие отношения» [10]. То, что, по мнению Ф.П. Гааза, «участие, доброе человеческое отношение, заставляющее думать, что человек не одинок, не брошен — наиболее действительные средства», подтверждает ценность и общественную значимость культуры общения в работе с осуждёнными. Доктор Гааз спрашивал осужденных: «Хорошо ли вы себя чувствуете? Получили ли (умеющие читать) книгу? Нет ли у вас каких-либо нужд? Довольны ли вы?» [10]. Это позволяет говорить о том, что доброе человеческое отношение можно выразить, прежде всего, через слово, через культурные нормы общения, такие как внимание к человеку, терпимость, сострадание.

В 1841 г. Гаазом была издана книга о нравственности «Азбука христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще о неприличных на счёт ближних выражений и начатках любви к ближнему». Как отмечает биограф, содержание книги было направлено на убеждение осуждённых, отправляемых по этапу, соблюдать культурные и нравственные нормы поведения. Нами было установлено, что также оно было направлено и на культуру общения: «...не предаваться гневом, не злословить, не злорадствовать, не насмехаться над убогими и не глумиться над слабыми» и т.п. «Азбука...» заканчивалась такими словами: «От души обещаю во всех моих отношениях с ближними...в твёрдом намерении исполнять сии правила: 1) не употреблять бранных слов; 2) никого не осуждать; 3) не лгать; 4) соблюдать наставление апостола Павла “исправляйте в духе кротости”» [10].

Мы также полагаем, что автором впервые был введён психологический приём в работе с осуждёнными. Так, А.Ф. Кони обращает внимание, что последняя страница книги была оставлена чистой для того, чтобы осуждённый мог поставить свою подпись или крест, как бы в подтверждение того, что он прочитал книгу. Следовательно, предполагалось, что тем самым заключённый брал негласное обязательство не нарушать культурно-нравственный «договор» с автором книги. Свою книгу, как и другую литературу религиозного, нравственного содержания, доктор Гааз выдавал каждому осуждённому как нравственное руководство по культуре поведения и общения «с верой в великую силу доброго слова» [9]. В этом стремлении автора к диалогу, пусть заочному, мы усматриваем понимание

значимости культуры общения в его благотворительной, просветительской и воспитательной деятельности.

Многие идеи Ф.П. Гааза актуальны и сегодня. В его работе «*Appel aux femmes*» («Призыв к русским женщинам») отражены культурные нормы общения, которые, по его мнению, необходимы для нравственного возрождения общества: «Вы призваны содействовать перерождению общества, поэтому избегайте злословия...умеете прощать, желайте примирения... Доказывайте словом и делом ваше расположение к людям — не отдавайте их во власть или под надзор людей недостойных. Воспретите себе и всем в вашем доме брань..., читайте и разъясняйте нравоучительные книги, охраняйте нравственность...» [10].

Период второй половины XIX – начала XX вв. характеризуется подъёмом духовного движения всех социальных групп и слоёв русского общества. В просвещённой среде возникло понимание культуры общения в процессе поддержки и помощи как необходимого и значимого условия в решении многих социальных проблем (нищенство, реабилитация военных инвалидов и др.).

Примечательно, что в документах того времени зафиксированы примеры культуры общения монарших особ с призреваемыми и нуждающимися людьми. К примеру, А. Сергеев, составивший в 1843 г. статистико-историческое Обозрение странноприимного Дома графа Шереметьева в Москве, отмечает, что «посещения странноприимного Дома Высочайшими особами и знаменитыми частными лицами» всегда сопровождалась примерами культуры общения с призреваемыми, а также с управляющими и работниками Дома. Так, Император Александр II, посетивший Дом в 1816 г., лично общался с больным унтер-офицером Смертовым, вместе с прусским королём Вильгельмом III общался с инвалидами, содержащимися в Доме, «о прежней службе». В 1818 г. Государыня Императрица Мария Фёдоровна во время осмотра Дома общалась с его работниками, с богадельными, Император Николай I в 1831 г. при посещении дома также беседовал с инвалидами [4].

Таким образом, не только образованность, энергия и самоотверженная общественная деятельность, но и культура общения известных благотворителей и сегодня могут служить примером для будущих и действующих специалистов социальной работы.

Список литературы

1. Антология социальной работы. В 5 т. Т. 1. История социальной помощи в России. – М.: Сварогъ – НВФ СПТ, 1994. – 288 с.
2. Жулаева А.С. История социальной работы: курс лекций / А.С. Жулаева. – Красноярск: ГОУ ВПО «СибГТУ», 2007. – 108 с.
3. Фирсов М.В. История социальной работы в России : учеб. пособие / М.В. Фирсов. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 256 с.
4. Статистико-историческое Обозрение странноприимного в Москве дома графа Шереметьева / сост. А. Сергеев. – СПб.: Военная типография, 1843.
5. Златогруй: древняя Русь X–XIII веков: сб. текстов / сост. А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 302 с.
6. Коновалова О.Ф. «Написание о царях Московских» И.Н. Катырева-Ростовского в переложении А.А. Волошина / О.Ф. Коновалова. – М., 1979. – (Древнерусские литературные памятники).
7. Изборник: повести Древней Руси / сост. Л. Дмитриева, Н. Поньрко. – М.: Художественная литература, 1987. – 158 с.
8. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси / А.И. Клибанов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 368 с.
9. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России / П.В. Власов. – М: Центрполиграф, 2001. – С. 405, 411.
10. Кони А.Ф. Биографический очерк. Собрание сочинений. Т. 5 / А.Ф. Кони, Ф.П. Гааз. – М.: Юридическая литература, 1969. – С. 288–423.

А.В. Савченко

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

В современном мире возникает вопрос о трудностях самоидентификации представителей молодого поколения.

Молодым людям свойственно стремление понять самих себя и свое место в ряду сверстников и старших — обрести идентичность. Российская молодежь реализует свой статусный

потенциал по-разному в зависимости от практикуемых стилей жизни и доступности разного рода социальных и культурных ресурсов. Сегодня во многом утрачен или значительно изменен смысл родительских норм и ценностей, что в свою очередь сказывается на характере воспитания и социализации нынешней молодежи. Именно со спецификой социализации (трудностями освоения опыта старшего поколения) связан один из парадоксов молодежного сознания и поведения. Процесс перехода молодого человека из детства в мир взрослых, от одних социальных ролей к другим сложен и противоречив. Возникает потребность в идентификации себя с определенной общностью. Высокая конформность в отношении ценностных ориентаций своей группы сочетается с критическим отношением к ценностям и нормам взрослых. Именно поэтому нашей целью становится попытка определить, какие изменения произошли в молодежной среде относительно идеалов и ценностей предшествующих поколений.

Мировоззрение молодых людей оказывает соответствующее влияние на выбор общечеловеческих ценностей, которые определяются как цель в жизни. Поэтому важным представляется определить, как студенты, исходя из идеалов, убеждений и мировоззрения, понимают и определяют свои собственные цели в жизни.

По данным исследования, проведенного в одном из вузов Москвы, лишь 18 % опрошенных студентов ставили перед собой общечеловеческие цели: жить в гармонии с собой и миром; быть счастливым; создать семью и родить детей; самореализоваться; удовлетворить все свои амбиции; достичь внутреннего апогея; свободу и душевное благополучие; взять от жизни все лучшее; умиротворение; состояться как личность; попасть в политику; поехать по миру; заниматься исследованиями; стать Нобелевским лауреатом. В большинстве же своем в качестве жизненных целей студенты указывали получение высокой должности, свободу от всех и вся, возможность купить все что пожелает, иметь свою квартиру, машину и т.п. Еще 20 % опрошенных студентов вообще не ставят перед собой долгосрочных целей, предпочитая жить настоящим [1, с. 51].

Двигаясь к намеченной цели, человек совершает определенного рода действия и поступки, которые могут совпадать или не совпадать с его идеалами и убеждениями. В связи с этим возникает необходимость проведения постоянного само-

анализа, контроля совершенных поступков, которые вызывают у человека различные чувства и рассматриваются им или как точка падения, или как высшее достижение. Здесь становится интересным то, как студенты, исходя из обозначенных выше идеалов, убеждений и поставленных на их основе задач, оценивают уже полученные результаты на пути к своей цели. По данным все того же исследования 32 % респондентов не смогли или не захотели отвечать на вопрос о высшем личном достижении. Еще 32 % посчитали высшим личным достижением устройство на работу, создание семьи — 10 % (все респонденты женщины). Большинство мужчин (10 %) считают высшим достижением выработанный ими самоконтроль и самообладание. Лишь 6 % респондентов гордятся своей самостоятельностью, а творческой деятельностью вполне довольны 5 % студентов. Также всего 5 % высшим достижением посчитали добиться признания, уважения и репутации своих коллег.

Новые «ценности» либерализма и рынка все более вытесняют молодежь из сферы производства в сферу потребления, что, как показывает опыт и практика, приводит к резкому усилению бездуховности, утрате нравственных критериев общественного поведения и ухудшению психофизического здоровья. Следствием из вышесказанного становится существенно возросший риск неправильного, деформированного развития молодежи. Согласно исследованию на данную тему большинство студентов не имеет на сегодняшний день своего кумира (46 %), а 6 % считает, наоборот, что в каждой сфере деятельности могли бы выделить успешную личность, достойную подражания. Положительным моментом является то, что 27 % студентов назвали в качестве добившихся успеха своих родителей, членов семьи, знакомых и даже начальников — живые примеры для подражания [1, с. 54].

Интересно было бы выяснить, как соотносятся между собой самооценка студентов в плане их конкурентоспособности как таковой, своих возможностей, умений и готовности к конкуренции. Среди опрошенных студентов лишь один чувствует себя конкурентоспособным на все сто во всех сферах своей жизни. Также стоит вопрос о том, что является предпочтительнее — согласие подчиняться внешнему управлению или готовность быть самоуправляемым. Эти вопросы и предстоит решить на следующем этапе работы.

Список литературы

1. Опрос студентов 4–5 курсов дневного и вечернего отделений Института журналистики и литературного творчества в период с 22.10.05 по 20.08.06, г. Москва // Вопросы культурологии. – 2006. – № 9.

Е.Н. Сизаева

РЕАЛИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В Г. АБАКАНЕ

Молодежь — особая группа, требующая к себе повышенного внимания. Ее особенность, с одной стороны, состоит в том, что молодежь является носителем будущего, стратегическим ресурсом развития города. С другой стороны, это та социальная группа, которая находится в стадии социального становления, поэтому сохранение у молодых людей чувства жизненного равновесия, устойчивости является одним из главных условий их органичного и безопасного пребывания в городском сообществе. Чтобы поддержать это чувство баланса у молодежи, необходимо заниматься решением всего комплекса молодежных проблем. Поэтому сегодня в городе уделяется значительное внимание вопросам реализации молодежной политики [1, с. 233].

По данным городского статистического управления на 01.09.2007 г. в г. Абакане проживало 51985 горожан в возрасте от 14 до 30 лет, т.е. каждый 5-й житель — представитель молодого поколения, поэтому именно от него зависит развитие будущего города, а значит, приоритеты духовной культуры, его экономический потенциал, численный состав и здоровое поколение в целом. Понимая это, субъекты молодежной политики стремятся создать условия для реализации потенциала молодых людей, включая их в общественную жизнь города.

Одной из главных проблем остается низкий уровень общественной самоорганизации и самоуправления молодежи: «Что конкретно сама молодежь готова сделать или сделала для повышения своего собственного благосостояния, удовлетворения интересов?». Поэтому в качестве приоритета работы с молоде-

жью выделяется деятельность по созданию условий для формирования и реализации активной гражданской позиции молодых людей с целью их включения в общественно-политическую жизнь города. Для обеспечения этих условий реализуются три городские целевые программы.

В рамках программы «Я, город, государство» проводится работа по созданию системы формирования правовой культуры молодежи и развитию существующих форм поддержки деятельности молодежных общественных организаций, просвещению молодых избирателей (ролевая игра «Выборы», «Школа политического лидерства», «День гражданской активности»). Уже сегодня можно говорить о положительных результатах этой работы. Итоги выборов 2 декабря 2007 г. показали: на избирательные участки Абакана пришло 56,3 % из общего числа молодежи, которая впервые могла принять участие в выборах, что значительно выше активности молодежи на предыдущих выборах. Продолжает развиваться студенческое самоуправление как в учебных заведениях, так и на уровне городского студенческого совета. Совместно со старостами ведется работа по формированию активистов молодежи в микрорайонах города. Определелись и закрепились на практике основные направления и формы поддержки общественных формирований молодежи: проведение конкурсов социальных проектов, обучение лидеров и активистов, оказание методической и правовой помощи. Появляются новые формы совместных мероприятий и проектов: конкурс «Молодежная инициатива», ТВ-версия КВН, семинар «Менеджер социальных проектов», акции «Взгляд в мир», «Чудеса здорового образа жизни» и др.

Основные направления деятельности по формированию духовно-патриотических и нравственных качеств определены в городской целевой программе «Патриотический выбор молодежи». В результате реализации программы расширяется аудитория активных участников практики патриотического воспитания. Создан городской клуб краеведов «Мой город», секция литературно-исторического туризма «Есть город, в который я с детства влюблен». Клубом разработаны экскурсии по городу: «Здесь начинался Абакан», «Прогулка по улице Пушкина», «Радужная летопись города» и др. Заботу и поддержку города на себе ощущает и молодежь, призванная на службу в армию, при этом не только абаканская, но и прибывшая в Абаканский военный гарнизон из других регионов страны.

Для создания условий социально-экономической самостоятельности молодежи реализуется программа «Содействие», которая предусматривает проведение комплекса мероприятий. Среди них: проект «Трудовой десант» — создание временной молодежной биржи труда для учащейся и студенческой молодежи; городской студенческий отряд, в составе которого «Горизонт» (РЖД), «Путина» (о. Сахалин), «Строители» (в МЖФ), «Краеведы» и «Педагоги».

Деятельность в области молодежной политики на территории города осуществляют государственные, муниципальные, общественные структуры, представители бизнеса, политики и другие субъекты.

За прошедшие годы в сфере реализации молодежной политики достигнуты определенные результаты:

1. Создана и функционирует единая информационная сеть для молодежи. В нее включены две газеты — подростковая «Большая перемена» и молодежная «Поколение.ru», телевизионная информационно-развлекательная программа «Поколение.ru» и радиопрограмма. Появилась практика проведения «круглых столов» по проблемам молодежи с широким привлечением муниципальных учреждений молодежной инфраструктуры и молодежных общественных объединений, молодых лидеров и активистов.

2. Увеличился объем и возросло качество социальной поддержки молодежи. Сегодня это не только стипендии и премии мэра студенческой и работающей молодежи, одаренным детям, но и временное трудоустройство подростков, молодежи через Городской центр занятости населения, организация практики студентов. Профилактика негативных социальных явлений в молодежной среде осуществляется через деятельность общественно-культурных центров микрорайонов (акция «Анти»; тематические беседы; встречи со специалистами Центра «СПИД» и др.), организацию городского конкурса «Перекресток семи дорог».

Поддержка одаренной молодежи осуществляется через организацию творческих фестивалей, конкурсов, наиболее яркими из которых являются игры Абаканской лиги КВН, студенческий фестиваль «Синяя птица», фестиваль самодетельного творчества «Большая перемена», конкурс военно-патриотической песни «Полигон», конкурс «Выпускник года».

3. Решение задачи по формированию общественно-активной позиции молодежи стало более системным, оно реализуется в целенаправленной работе по гражданско-патриотическому воспитанию, созданию условий для роста молодых лидеров, развития добровольчества.

4. Поддержка молодежных общественных организаций обрела устойчивые формы — это в первую очередь организационно-методическая, финансовая помощь программам и проектам подростковых и молодежных объединений, имеющих общественное значение; совместное планирование деятельности; включение активных представителей подростковых и молодежных организаций в систему межрегиональных и международных молодежных обменов. В результате повысился уровень подготовки руководителей молодежных общественных организаций, накапливающих организационный опыт, они успешнее реализуют свои уставные цели. Среди них можно выделить такие молодежные организации, как «Клуб молодых педагогов», «Аргумент-тренинг», центр исторического моделирования «Мирген», «Эдельвейс», союз детей и подростков «Дружба – Ынырхаз».

5. Значительно увеличился охват молодежи различными мероприятиями.

Следует отметить, что для более успешной реализации молодежной политики требуется глубокое осознание чиновниками, политиками необходимости комплексного подхода в заботе о молодежи и ответственности перед ней.

В свою очередь молодежь также должна взять на себя ответственность за свое будущее и выбрать активную позицию, создавая различные формы молодежного самоуправления по месту жительства, на предприятиях, в учебных заведениях. Определена стратегия работы с молодежью: переход от политики опеки над молодежью к созданию условий для ее формирования и развития как самостоятельного и целостного субъекта реализации молодежной политики.

Список литературы

1. Курбатов В.И. Социальная работа / В.И. Курбатов. – Ростов н/Д, 2006.

В.Н. Хлопотникова

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ СРЕДСТВАМИ КУЛЬТУРЫ АМЕРИКАНСКОГО МИНИМАЛИЗМА

В числе актуальных проблем, интересующих современную молодежь, выделяются проблемы теории и практики не только отечественной, но и американской культуры. Одним из таких явлений представляется мало знакомая студентам, но интересная им эстетика американского минимализма. Постмодернизм в американской культуре и искусстве вызревает из недр искусства американского модернизма в 60-е и начале 70-х годов XIX столетия. Своими корнями постмодернизм уходит в такие течения начала XX века, как футуризм, кубизм, дадаизм, сюрреализм, конструктивизм в искусстве стран Западной Европы и России. Все эти течения оказали большое влияние на американское искусство 10–20-х годов XX века.

Постмодернизм приближается к реализму, провозглашает в качестве своей главной установки фактуализм, документализм, представляет публике предметы как таковые и «сырую» информацию, никак не осмысленную в рамках художественного произведения мастером искусств. Но это не реализм в общепризнанном смысле. Поскольку художник занимает позицию наблюдателя, он уже не диктует свою мысль и эмоцию, свое осмысление действительности воспринимающему искусству. Постмодернизм, прокламируя как свою философско-эстетическую позицию «радикальную объективность», отчуждение художника от созданного им произведения искусства, резко отличается от тех направлений модернизма, которые привержены глубоко личностному, подчеркнута субъективно-му переживанию «я» как материала для художественного творчества.

Особое место в данном контексте отводится минимализму в американском искусстве и эстетике. Постмодернисты считали, что минимализм наполнен богатым содержанием. Этот тезис заложен в приеме повторений — повторения монотонны, искусство как бы обеднено, однако возникает новый смысл, читается новое содержание, открываются глаза на что-то, чего прежде воспринимающий искусство не осознавал.

Термин «минимализм» принадлежит Р. Уоллхайму. Он рассматривал его применительно к анализу творчества минимализма Дюшана, а также поп-артистов, которые сводили к минимуму вмешательство художника в окружающую среду. К середине 1960-х годов у минимализма появилось уже достаточное множество синонимов: прохладное искусство, АВС-искусство, серийное искусство, первичные структуры, искусство как процесс и систематическая живопись.

Минимализм выражается в использовании простых, стандартных (обедненных) форм и образов, пауз и интервалов (образующих «пустоты»), молчания, инертных образов. Он выражен в полном «ничто». В различных видах искусства это проявляется следующим образом. В живописи и скульптуре преобладают простые геометрические формы. Художник Ад Рейнхардт писал черные на черном, почти невидимые монотонные структуры. Скульптор Р. Моррис, создавая произведения из очень немногих простых элементов, говорил, что создает «пустые формы», «намеренное ничто». Художественные принципы минимализма оказали существенное влияние на вскоре возникшее течение структуралистского кино с характерным для него повторением в течение длительного времени — иногда на протяжении нескольких часов — одного и того же образа.

Кинокритики выражали мнение о близости структуралистского кино феноменализму. Художники и скульпторы понимали стандартные и обедненные формы как такие, которые обеспечивают прорыв к внутренней сущности предметов, к их аутоотелическим качествам и к «чистому искусству», то есть к искусству, никак не зависящему от давления окружающей реальности, говорили о своей приверженности к восточному искусству с его пониманием стандартных, обедненных форм, как по существу своему антиформальных. В архитектуре получил большую популярность и распространился затем на все другие сферы искусства лозунг Миса ван дер Роэ: «Меньше есть больше». «Меньше в искусстве — это не меньше. Больше в искусстве — это не больше. Слишком мало в искусстве — это не слишком мало. Слишком много в искусстве — это слишком много».

«Less in art is not less. More in art is not more. Too little in art is not too little. Too much in art is too much», Strickland, 1991.

Минимализм отразил влияние восточной эстетики, приверженной к традиционной форме и к отсутствию формы,

придающей особую ценность интервалу, паузе, монотонности, молчанию, инертности, пустоте. «Пустоты» и «ничто» трактовались в понятиях восточной философии как содержащие все формы, все богатство опыта, начало и конец сознания; трактовались также как соответствующие новейшим открытиям в науке. Маклюэн М., в частности, подчеркивал, что восточное искусство есть искусство интервала, что отцы модернизма — Йетс, Джойс, Эллиот, Паунд — использовали «акустический и резонирующий метод».

Пустота, «ничто» выражается, в частности, в отказе от Слова. И в этом отношении постмодернизм идет параллельно с западной философией. Критика Слова восходит, как известно, к Платону. Современный пессимистический иррационализм также видит в Слове жуткий образ действительности, угнетающую и уродующую людей силу. Сартр, например, писал, что «современный европейский поэт пытается дегуманизировать слова, для того чтобы вновь вернуть их природе». Маркузе выразил мнение, что искусство как познание и как воспоминание в значительной мере зависит от «эстетической силы молчания». В театре особенно господствовал отказ от Слова. Постмодернистский театр — это по преимуществу театр молчания.

Абстракция и обедненность (минимальность) трактовались как наполнение сущностью, новой чувствительностью, как новое соединение ритмов. Но это не единственный столп, на котором стоит постмодернизм. Он привержен и к конкретности. В литературе, в театре, в кино, в изобразительных искусствах конкретная жизнь преподносится публике как огромное скопление вещей, рекламы, образцов высокого искусства, будничных и музыкальных звуков, газетных статей, кино- и телеизображений, смонтированных (подлинных или сочиненных) магнитофонных записей, записей на перфокартах, движений и гримас самого или самих творцов произведения, наконец, мусора, отбросов (поэтому поп-арт — наиболее вульгарно — стереотипные конкретные соединения — называли иногда «мусорным искусством»). Киноэкран сплавлял живые образы, предметы, геометрические фигуры, цветовые пятна, мерцание света, мистические символы, абстрактную живопись, мультипликацию, буквы, рекламу. В этом отношении кино подражало изобразительному искусству, именно из изобразительного искусства черпая свои новшества.

Нотный текст нередко представляет собой набор «наметок — стимулов». Музыкантам разрешается свободно истолковывать его («открытая форма», «движущаяся форма»). В алеаторических произведениях часто можно услышать фрагменты из других сочинений, в том числе и из сочинений классиков. Композиторы-алеаторики призывали не искать причинно-следственных связей, а слушать каждое мгновение отдельно.

Таким образом, минимализм в американской эстетике и искусстве представляется определяющим направлением постмодернизма и, будучи широко востребованным в современной художественной культуре, требует теоретического рассмотрения.

Е.А. Хнытикова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С МОЛОДЕЖНЫМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

Важный вектор развития России на современном этапе — формирование гражданского общества. Условием функционирования гражданского общества является наличие людей, способных конструктивно взаимодействовать с другими силами общества во имя общих целей, ценностей и интересов. «Вырастить» активного субъекта гражданского общества легче с возраста, когда формируется личность. Начинать нужно с молодого поколения, которому завтра жить в государстве, формировать его политику и жизнедеятельность.

Именно поэтому сегодня приоритетным направлением государственной молодежной политики на всех уровнях (муниципальном, региональном, федеральном) является развитие социальной активности молодежи, гражданского самосознания через ее участие в деятельности молодежных и детских общественных объединений, молодежных парламентов, правительств, иных консультативно-совещательных структур, созданных при органах законодательной и исполнительной власти разного уровня, органах студенческого самоуправления.

Молодежное движение мы рассматриваем как совокупность состояний жизнедеятельности общественных формирований, обеспечивающих вхождение, адаптацию и интеграцию личности в социальную среду; молодежное объединение представляет собой общественное формирование, в котором самостоятельно или вместе со взрослыми добровольно объединяются молодые люди для совместной деятельности, удовлетворяющей их социальные потребности и интересы.

Детские, подростковые, юношеские объединения часто являются партнерами государства в реализации различных социально значимых программ, поэтому необходим анализ эффективности реализации таких программ в рамках объединений.

Важной особенностью молодёжных организаций Республики Хакасия можно назвать их незначительную среднюю численность (под численностью понимается количество фактически принимающих участие в работе организации лиц, а не списочное число участников организации).

В то же время мобилизационный потенциал многих молодёжных организаций, особенно принимающих участие в социальных кампаниях, существенно превышает их численность.

В чистом виде детских и молодежных объединений в республике Хакасия нет. Количественный и возрастной состав разнообразен. Самый многочисленный (около 15000 участников от 7 до 17 лет) и существующий уже 14 лет — союз детей и подростков «Дружба — Ынырхаз». Цель его деятельности — воспитание детей в духе гуманизма, патриотизма, социальной справедливости и сострадания к ближнему; формирование навыков управленческой деятельности, развитие лидерских качеств, социальной активности детей и подростков, т.е. формирование конкурентоспособной личности. Члены союза принимают активное участие в реализации большинства инициатив со стороны городской администрации и выражают свою готовность продуктивно работать в рамках деятельности молодежной администрации.

Наиболее яркая молодежная организация — Молодежная администрация города Абакана (МАГ), созданная при администрации города Абакана и являющаяся коллегиально-совещательным органом по вопросам муниципальной молодежной политики, осуществляющая свою деятельность на общественных началах. Содействие в ее организации и дея-

тельности обеспечивает Управление культуры, молодежи и спорта администрации г. Абакана.

Миссия МАГ: координация взаимодействия субъектов молодежной политики по вопросам реализации муниципальной молодежной политики; содействие в создании условий для проявления инициатив молодежи; разработка и внесение предложений в органы муниципальной власти по вопросам реализации муниципальной молодежной политики.

К компетенции МАГ относится:

- участие в разработке, формировании и реализации проектов молодежной политики города Абакана;

- инициирование и проведение конференций, круглых столов и других мероприятий для обсуждения молодежной проблематики;

- расширение и укрепление контактов между молодежными структурами города Абакана и других городов и регионов, федеральными молодежными организациями и молодежью других городов;

- участие в работе администрации города Абакана, в том числе разработка и представление в органы местного самоуправления предложений, направленных на развитие муниципальной молодежной политики;

- изучение проблем, затрагивающих интересы молодежи и общества и др.

Направления деятельности Молодежной администрации города Абакана:

- 1) комитет «Выбор» — гражданско-патриотическое становление молодежи, формирование правосознания и политической культуры;

- 2) комитет «Содействие» — экономическая самостоятельность и трудовая занятость молодежи, развитие форм социальной поддержки молодежи;

- 3) комитет «Самовыражение» — досуг и творчество, интеллектуальное развитие молодежи;

- 4) комитет «Здоровое общество» — экология города и образа жизни, формирование позитивных ценностей жизни.

Депутаты Верховного Совета (ВС) Республики Хакасия своим решением дали уникальный шанс для всей республиканской молодёжи проявить себя в политике и парламентаризме — одиннадцатая сессия ВС приняла постановление

о создании Общественной молодежной палаты (Молодежного парламента) при Верховном Совете Республики Хакасия.

Характерной тенденцией развития политических процессов на уровне субъектов Федерации в последнее время становится рост активности региональных властей в направлении организации работы с молодежью.

С точки зрения интересов региональных элит можно выделить два основных фактора, обуславливающих активную работу на «молодежном поле». Во-первых, региональные власти стремятся использовать молодежный ресурс прежде всего для упрочения своего влияния. Во-вторых, сохраняет актуальность стремление региональных властей поддерживать свой политический имидж среди молодежи. Но ничто не сравнится с тем эффектом, который получается при вовлечении молодежи в сферу *real*-политики.

Сейчас к этому процессу на правах полноправного участника присоединилась и Республика Хакасия — Верховный Совет впервые на уровне законодательной власти региона принял принципиальное решение о создании Молодежного парламента. Постановление принято практически единогласно всеми депутатами Республиканского парламента. Заместитель председателя ВС Юрий Шпигальских это решение назвал «эпохальным, ранее этого никогда не было!».

Инициатива о возрождении Молодежного парламента в Хакасии (в 1996–2002 гг. под таким названием уже действовала общественная организация) принадлежит группе депутатов, в которую вошли руководители всех фракций, члены Президиума Верховного Совета, молодые депутаты ВС РХ.

По их замыслу, Молодежный парламент при Верховном Совете может и должен стать той площадкой, на которой активные молодые лидеры, думающая молодёжь найдут возможность реализовать свои инициативы в области политики и парламентской деятельности.

Сферы продвижения своих проектов будущие молодые парламентарии определяют уже в ходе практической деятельности, правда, Верховный Совет чётко оговорил главное направление — содействие законодателям в защите прав и законных интересов молодёжи. Впрочем, уже сегодня можно говорить, что основные усилия новой общественной молодежной структуры будут сосредоточены вокруг проекта «Завтра начинает-

ся сегодня» в рамках Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации.

Предусматривается, что с помощью Молодежного парламента в Республике Хакасия по-настоящему реализуются цели по вовлечению молодых людей в деятельность органов власти и местного самоуправления, в программы по развитию лидерства, а молодежь получит возможность приобщиться к участию в проектной, управленческой и исследовательской деятельности.

Среди приоритетов в рамках проекта «Завтра начинается сегодня» рассматривается прежде всего взаимодействие с органами региональной власти, местного самоуправления, бизнес-сообществом, политическими партиями, победившими на выборах, в целях предоставления молодежи площадок для реального расширения знаний, формирования профессионального опыта участия в самоуправлении, управлении общественно-политическими и социально-экономическими процессами, для получения навыков общения в среде государственных служащих и выборных должностных лиц, повышения информированности о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по различным направлениям.

В ходе обсуждения проекта руководители фракций выразили сомнения, что, в отличие от партийных структур, найти 37 заинтересованных молодых людей, которые бы стремились реализовать свои лидерские качества и политические инициативы, в Хакасии достаточно трудно. Но их сомнения не выдержали критики: при наличии активного старшего звена в школах, нескольких тысяч студентов, аспирантов, молодых специалистов необходимое количество соискателей намного превысит заявленное число потенциальных членов Молодежного парламента. Впору ставить вопрос, что делать с теми, кто не прошел по конкурсу?

Основные цели и задачи Хакасской республиканской общественной молодежной организации «Молодежный парламент Республики Хакасия»:

– привлечение молодежи Республики Хакасия к общественной жизни, повышение правовой и политической культуры молодежи;

– содействие в создании и реализации социальных технологий вертикального обновления административной и политической элиты, действенного механизма подготовки и обучения кадрового резерва для всех звеньев законодательных и исполнительных органов власти, развитие общественно-активных форм деятельности молодежи;

– отстаивание приоритетов в решении молодежных проблем в государственной социальной политике, привлечение молодежи к участию в выработке и принятии управленческих решений на муниципальном и государственном уровнях.

Участвуя в реализации молодежной политики, государство берет на себя одну из важнейших социальных функций по социализации молодежи, которая предполагает формирование свободной, ответственной, социально активной личности и полноценного гражданина. Все это делает крайне актуальной задачу по выявлению критериев и формированию высокогоровня социализации молодежи.

Прогрессивные тенденции возрождения демократических институтов в России актуализируют проблему формирования социально активной личности, в том числе через участие в деятельности общественных объединений, что особенно значимо для гражданского и духовно-нравственного становления российской молодежи. Особенно важно в этот период обратить внимание на развитие социальной активности молодежи.

Для достижения этой цели необходимо, чтобы помимо обучения подростки и молодежь получили реальную возможность практически осваивать умения, ведущие к овладению механизмами социальных отношений между людьми.

Сегодня можно выделить пять вариантов взаимодействия органов государственной власти с молодежными общественными формированиями.

Первый — отсутствие взаимодействия. Это характерно для регионов, где практически нет детских и молодежных общественных объединений, иных молодежных общественных структур.

Второй вариант взаимодействия — потенциальный. Проблема сотрудничества власти и общественных формирований осознана, в стадии разработки находится вопрос о взаимодействии этих институтов.

Третий вариант взаимодействия предполагает поддержку органами по делам молодежи отдельных программ и меро-

приятий общественных формирований молодежи. Этот вариант сотрудничества представлен на большинстве территорий России.

Суть четвертого варианта заключается в поддержке всех программ, акций, мероприятий, инициатив общественных формирований молодежи. Наконец, пятый тип взаимодействия осуществляется в рамках принятых в субъектах Российской Федерации концепций, программ поддержки общественных объединений, иных общественных институтов молодежной политики — это системный уровень взаимодействия.

А.А. Хуриганова

СПЕЦИАЛИСТ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В учреждениях системы дошкольного образования социальный работник занимается вопросами потребностей дошкольников и возможностей их родителей удовлетворить эти потребности. В таких ситуациях специалист становится неким проводником ребенка в системе мер профилактики неблагополучия в его жизни (если оно имеется), примеряет на себя роль посредника и коммуникатора между ребенком и родителями, образовательным учреждением и семьей, ребенком и воспитателями (нянями). Это важно, если есть явные признаки насилия и жестокого обращения с ребенком, если он часто болеет, неухожен, подавлен.

Если социальный работник видит, что образовательное учреждение не в силах справиться с проблемой, то он обязан обратиться в соответствующие полномочные социальные организации.

Чтобы сократить количество детей с диагнозом «социальная дезадаптация», специалист должен внимательно проследить за развитием дошкольника, и если обнаружатся какие-либо отклонения (физические, познавательные, эмоциональные), он привлекает других специалистов — психолога, милиционера, социального педагога, медицинского работника и т.д.

Деятельность специалиста по социальной работе носит организационно-профилактический характер, но, несмотря

на это, имеет весомый результат: сокращение числа случаев неблагоприятного развития учащихся в общеобразовательных школах.

Социальный работник в школах стремится удовлетворить потребности учащихся соответственно возможностям их семей. Он следит за посещаемостью, успеваемостью, материальным и социальным положением учащихся (в первую очередь из малообеспеченных семей), за их взаимодействием с учителями и ровесниками.

Также функцией специалиста является содействие семьям в преодолении школьных трудностей, возникающих у их детей, с учетом личностной диагностики и анализа сложности обучения. Кроме того, ведется работа с учителями, психологическая и педагогическая некомпетентность которых, отсутствие в результате перегруженности внимания к ученикам, негативные личностные качества являются иногда причиной школьных проблем учеников.

Другая важная часть работы — взаимодействие с семьей «трудного» ребенка, выявление причин его проблем, оказание помощи его близким. Возможно, взрослые члены семьи не обладают нужной компетентностью, чтобы заметить и оценить негативную ситуацию, в которой оказался их ребенок, не знают, как вести себя в такой ситуации, чем помочь ребенку. Кроме того, семьи очень слабо информированы о своих правах во взаимоотношениях с образовательной системой, об источниках социальных ресурсов, которые способны оказать им содействие.

В перечень должностных обязанностей социального работника входит поддержка детей, исключенных из школы; беседы и консультирование родителей при переводе ребенка на другое место учебы; защита прав детей, являющихся представителями национальных меньшинств, беженцами или переселенцами; выявление детей, которые незаконно работают во время учебы; поддержка детей, получающих образование вне школы; выявление случаев жестокого обращения с детьми.

Этапы профессионального функционирования специалиста по социальной работе:

- изучение условий жизни учащихся, составление социальных паспортов:

- школы (состав учителей, уровень их образования и квалификации, материальная база школы и др.);

– семей обучающихся (состав родителей, сфера их занятости, образовательный и социальный уровень и т.д.);

- формирование системы адресной социальной помощи нуждающимся в ней школьникам и координация усилий специалистов социальной сферы, причастных к решению проблем детей «группы риска»;

- выявление существующих форм взаимодействия школы и родителей, семьи и учреждений дополнительного образования, родителей и детей;

- разработка программы оптимизации взаимодействия школы и родителей по совершенствованию социальной поддержки учащихся.

Социальная работа в системе начального и среднего профессионального образования должна учитывать следующие особенности: возраст (как правило, это молодые люди в возрасте 15–19 лет); интересы и ценности; стремление к самостоятельности.

Оказание адресной социальной помощи учащимся спецшкол, ПТУ, техникумов, колледжей осуществляется по следующим параметрам: составление социального паспорта на каждого учащегося, изучение житейских проблем подростков, ориентация в ситуации на рынке труда, налаженная система профессионального взаимодействия со специалистами ряда социальных сфер.

Работа специалиста по социальной работе тесно связана с деятельностью социально-психологических центров, основанных в вузах. Центр поддерживает связи с другими учебными заведениями, предприятиями и социальными организациями, оказывает помощь студентам в поиске работы.

Студентам (особенно первокурсникам), проживающим в общежитиях, предполагается поддержка со стороны сформированной социальным работником группы студентов-старшекурсников.

В вузах обучаются также молодые люди с ограниченными физическими возможностями, дети-сироты, дети из многодетных семей, студенты, имеющие детей, и многие другие категории социально не защищенной молодежи. Здесь специалист может оказать помощь студенту, информируя его о том, куда, к кому, как можно обратиться, чтобы улучшить свое положение.

Еще одна группа студентов, заслуживающих внимание специалиста по социальной работе, — это студенты, имеющие успехи в учебе, но не имеющие средств для ее продолжения и в связи с этим перешедшие на заочное или вечернее обучение. Они нуждаются в поддержке социального работника и в той помощи, которую он может оказать в соответствии с действующим законодательством РФ.

А.Я. Чигрина

ИНТЕГРАЦИЯ ИНВАЛИДОВ В СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Процесс интеграции инвалидов во многом связан с процессом получения образования, в частности с тем, как и где они начинают учиться. Сегодня в России постепенно расширяется выбор учреждений для получения среднего образования детьми-инвалидами. Традиционно сложилось, что дети с теми или иными физическими ограничениями обучаются в специализированных интернатах среди детей с подобными же заболеваниями, а зачастую еще там и живут. Это, безусловно, в определенной степени оправданно как мера улучшения усвоения информации для каждой категории инвалидов, но катастрофически снижает шансы на успешную социальную интеграцию подобных детей.

Сейчас уже не подвергается сомнению тот факт, что социальная интеграция детей-инвалидов тем успешнее, чем раньше начнется этот процесс. Для родителей детей-инвалидов важно, чтобы при получении образования, ребенок не покидал семью.

Опыт проведения «Уроков толерантности» в общеобразовательных школах некоммерческими организациями Нижнего Новгорода наглядно продемонстрировал факт: несмотря на довольно распространенную точку зрения, что дети значительно более жестоки, чем взрослые, они существенно легче усваивают новые идеи, в данном случае идеи толерантности. Жесткость же, про которую так много говорят, выражается в том, что дети открыто называют вещи своими именами, в то время

как взрослые привыкли прятать за корректными словами свои мысли. Дело в том, что, упуская возраст, когда дети способны принять идею непохожести некоторых людей на них, изолируя детей-инвалидов в специализированных учреждениях, мы теряем шанс интегрировать их в общество с минимальными потерями. Начиная с 5–6-го класса, здоровые дети постепенно замыкаются, им уже становится неловко говорить на тему инвалидности и к 9–10-му классу они лишь воспроизводят стереотипы, распространяемые взрослыми. Соответственно понятно, что, когда молодой человек с инвалидностью приходит в среднее специальное учебное заведение либо в вуз, ему самому и окружающим его людям довольно сложно приспособиться друг к другу. Многие инвалиды по этой причине получают среднее образование в училищах для инвалидов либо сразу идут работать на предприятия для инвалидов, что, почти наверняка, ставит крест на успешности дальнейшей интеграции. Отсюда и возникает внешне довольно изолированная группа людей с инвалидностью, причем каждая из таких групп, в зависимости от характера инвалидности, изолирована, в том числе и от других инвалидов.

Возникает вопрос: надо ли кардинально ломать уже давно сложившуюся систему специального образования, может быть, для успешной социальной интеграции вполне достаточно организовывать встречи детей-инвалидов и детей без инвалидности? Мы с уверенностью можем утверждать, что подобной меры будет недостаточно. Дело в том, что здоровые дети должны не просто наблюдать факт наличия в обществе людей с ограниченными физическими возможностями (людей, отличающихся от них), но должны воспринимать как само собой разумеющееся то, что подобные люди живут обычной, такой же, как и все остальные, жизнью, видеть, что к ним относятся так же, как и ко всем остальным.

С уверенностью можно сказать, что в зависимости от характера ограничений шансы ребенка на получение образования в обычной школе существенно разнятся. Ситуация складывается так, что на практике идея инклюзивного образования распространяется в обществе не равномерно относительно всех форм ограничений, а применительно к каждой форме в отдельности, и зачастую успешность ее продвижения различается значительно и зависит от активности заинтересованных групп (обычно это некоммерческие организации

инвалидов либо организации родителей детей-инвалидов). К примеру, в Нижнем Новгороде более или менее успешно реализуется идея инклюзивного образования относительно детей, страдающих заболеваниями опорно-двигательной системы, и, как ни удивительно, детей с ментальными нарушениями, в то время как дети, страдающие нарушениями зрения и слуха, почти не задействованы в данном процессе.

Наиболее успешно в современной России протекает вовлечение в общий процесс образования инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы при наличии сохранного интеллекта. Дело в том, что, если так можно выразиться, это «понятная инвалидность»: проще говоря, процессы восприятия у подобных детей остаются такими же, как и у всех остальных детей, и поэтому они понятны. Соответственно понятно, что для подобных детей достаточно адаптировать физическую среду и общее образование станет для них доступным. У незрячих же детей процессы восприятия происходят совершенно по-другому, и работа с ними требует дополнительных знаний. Незрячий ребенок, приходя в первый класс, как правило, не умеет самостоятельно ориентироваться, не знает азбуку Брайля и, конечно же, не умеет пользоваться компьютером — всему этому его надо научить для получения полноценного образования, причем это должны делать специалисты, которых сейчас нет в обычной школе.

При всей привлекательности и важности идеи инклюзивного образования надо понимать, что оно никогда не станет доступным для всех детей-инвалидов. Прежде всего оно вряд ли коснется детей с мультинарушениями в тяжелой форме и детей с тяжелыми ментальными нарушениями. Понятно, что такие дети не способны осваивать программу общеобразовательной школы в том же объеме и за то же время, что и остальные дети. Соответственно выбор образовательного учреждения, специального либо нет, всегда останется и будет стоять перед каждой семьей, что в конечном счете оправданно.

Остановимся немного подробнее на модели инклюзивного образования для детей-инвалидов по зрению, так как для данной категории детей процессы внедрения в общий образовательный процесс идут весьма неторопливо.

Сегодня незрячий ребенок при желании родителей может пойти в общеобразовательную школу с 5–6-го класса (да и то еще далеко не везде), когда он уже получил основы специали-

зированных навыков в интернате и дальше, при корректной помощи, может их успешно развивать, но практика показывает, что чем ранее ребенок приходит в коллектив со здоровыми детьми, тем легче происходит его интеграция.

Нам кажется, что ребенок с нарушением зрения может идти в общеобразовательную школу с первого класса, но, безусловно, он нуждается в дополнительном внимании: он посещает все уроки, но в первом классе с ним рядом постоянно находится специалист, обучающий его системе Брайля и свободно ориентироваться в пространстве; во втором и третьем классах ребенок кроме общих занятий посещает занятия со специалистами, которые развивают навыки ориентирования и обучают его работать на компьютере; с пятого класса за ребенком наблюдают специалисты и при необходимости помогают ему.

Итак, незрячему ребенку в общеобразовательной школе в первый, а возможно, и второй и третий годы обучения совершенно необходима постоянная помощь специалиста-дефектолога. Безусловно, подобных специалистов сейчас недостаточно и, можно сказать, что это весьма дорогостоящее предприятие, но надо учитывать, что в данных условиях на поддержание системы интернатного образования средств требуется значительно больше.

Следующий важнейший этап интеграции инвалидов — трудоустройство. Дело не только в том, что с трудоустройством решаются вопросы повышения уровня жизни. Сам факт работы (по найму или самозанятость) превращает человека, получающего пенсию, из иждивенца в обеспечивающего материально себя и свою семью работника, социальный статус которого существенно выше, что положительно сказывается на социальном самочувствии человека.

Сегодня довольно много говорится о сложностях, возникающих в процессе трудоустройства инвалидов, особенно это касается сферы интеллектуального труда. Дело в том, что работодатель зачастую не представляет себе, каковы реальные возможности людей с инвалидностью. Специализированные же предприятия Всероссийского общества инвалидов традиционно могут предоставить возможность лишь ручного труда людям с различными формами инвалидности. Да и в целом на рынке труда люди с инвалидностью заняты, как правило, на малопривлекательных, полуквалифицированных, рутинных и низкооплачиваемых работах, от которых здоровое

большинство отказывается. Инвалидами чаще всего комплектуются группы вторичного рынка труда — временно занятых, работающих неполное рабочее время. Среди наиболее распространенных вакансий для инвалидов — вахтер, уборщица, сторож, упаковщик, сортировщик, помощники на почте и др.

Существующая скрытая дискриминация при трудоустройстве не позволяет людям с инвалидностью работать в той области, где они имеют образование и где им хотелось бы, а в той, где приходится. Дискриминация на рынке труда является одной из основных проблем, с которой сталкиваются инвалиды.

Число инвалидов, желающих работать, растет. По данным управления Федеральной службы занятости по Нижегородской области с 2000 по 2006 гг. число инвалидов, желающих трудоустроиться, возросло в 1,8 раза, трудоустроилось за этот же период в полтора раза больше, из них более половины по квоте.

Опрос руководителей кадровых служб 187 предприятий и организаций Н. Новгорода, проведенный Межрегиональной общественной организацией инвалидов «Социальная реабилитация» в мае 2008 г., показал, что у большинства работодателей (65 %) нет выраженной политики трудоустройства инвалидов, 21 % приветствуют прием инвалидов, 15 % не принимают их на работу, ссылаясь на отсутствие рабочих мест, пригодных для лиц с ограниченными возможностями.

Неплохой вариант решения проблемы трудоустройства для людей с инвалидностью — самозанятость. Среди данной группы растет число людей, открывающих свой бизнес: сейчас довольно много программ, нацеленных на обучение ведению собственного дела, которые реализуют и образовательные учреждения, и общественные организации. Но в данном варианте самозанятости серьезным препятствием служит проблема стартового капитала. Можно обратить внимание на тот факт, что некоммерческие организации инвалидов, решающие проблемы лиц с ограниченными возможностями, в значительной степени составляют люди, сами имеющие инвалидность, и это тоже один из вариантов самозанятости.

Итак, коротко осветив ситуацию, мы можем сделать следующие выводы:

– интеграцию детей-инвалидов в общий образовательный процесс необходимо начинать как можно раньше (начальная

школа или даже детский сад), чтобы максимально повысить эффективность данного процесса;

– сегодня еще не все категории детей-инвалидов имеют реальный доступ к инклюзивному образованию; ограничения касаются прежде всего инвалидов по зрению и слуху;

– инвалиды в настоящее время имеют доступ лишь к ручному труду, хотя многие категории инвалидов все чаще получают среднее специальное и высшее образование и работали бы значительно эффективнее в сфере интеллектуального труда;

– решение проблемы трудоустройства инвалидов, не желающих заниматься ручным трудом, на сегодняшний день заключается в самозанятости.

М.П. Шульмин

АНТИЦИПАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНВАЛИДОВ ПОДГОТОВИТЬСЯ К ТРУДНОСТЯМ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Антиципация согласно психологическому словарю — способность системы в той или иной форме предвидеть развитие событий, явлений, результатов действий. В психологии различают два смысловых аспекта понятия антиципации:

а) способность человека представить себе возможный результат действия до его осуществления (В. Вундт), а также возможность его мышления представить способ решения проблемы до того, как она реально будет решена;

б) способность организма человека или животного подготовиться к реакции на какое-либо событие до его наступления. Это ожидание (или «опережающее отражение») обычно выражается в определенной позе или движении и обеспечивается механизмом акцептора результатов действия (П.К. Анохин). Антиципация особенно значима в творческой, научно-исследовательской деятельности.

Процесс профессионального образования требует приложения усилий как для реализации гностических задач, так и развития отношений с остальными участниками. Студенту

необходимо, ориентируясь на собственный образовательный уровень, гностические способности, социально-психологическую компетентность, быть готовым и уметь своевременно спрогнозировать вероятные трудности и заранее подготовиться к совладанию с ними.

В антиципационной концепции неврозогенеза В.Д. Менделевич экспериментально доказывает важность развития антиципационной состоятельности человека для его эффективного совладания с психотравмирующими ситуациями. По результатам исследования восприятия инвалидами собственного жизненного пути (О.А. Субботина) с помощью методики «психологическая автобиография» (Л.Ф. Бурлачук) можно сделать следующий вывод: инвалиды не отражают в проекции собственного будущего психотравмирующих событий, тем самым являются не готовыми к эффективному совладанию с ними.

Важнейшим условием развития антиципационных способностей является учебная деятельность, профессиональное обучение и профессиональная деятельность. Процессы антиципации играют значительную роль в педагогических системах. И если проблеме антиципационной деятельности педагога посвящены единичные исследования (И.Г. Батраченко, Л.А. Ретуш, Е.К. Черанева), то проблема антиципации учащихся остается недостаточно разработанной как в отечественной, так и в зарубежной психологии, хотя юношеский возраст считается определяющим и для развития высших уровней прогностических способностей, и для развития социально-психологической компетентности.

Интегральной интеллектуальной способностью, лежащей в основе социальной компетентности и определяющей успешность общения и социальной адаптации, является социальный интеллект. Эта проблема легла в основу научных интересов Дж. Гилфорда, Г. Оллпорта, Э. Торндайка, Ю.Н. Емельянова, В.Н. Куницыной, Д.В. Ушакова, А.Л. Южаниновой, О.Б. Чесноковой и др. Социальный интеллект представляет собой когнитивную составляющую коммуникативных способностей личности, в том числе и антиципационных способностей, его основными функциями являются: познавательная-оценочная, коммуникативно-ценностная, рефлексивно-коррекционная. Он объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению, группы людей).

В исследованиях отмечается, что на формирование социально-психологической компетентности влияют индивидуально-психологические и социально-психологические факторы. Они обусловлены особенностями высшей нервной деятельности, потребностями, интересами, мотивацией, способностями, индивидуально-психологическими характеристиками человека, а также условиями жизни и социальным опытом индивида (Н.Б. Буртовая, Ю.Н. Емельянов, В.А. Кольцова).

Все рассмотренные выше социально-психологические феномены в реальном человеческом поведении интегрированы, взаимно дополняют друг друга и предполагают умение прогнозировать развитие ситуаций взаимодействия у партнеров.

В ряде исследований доказано, что кроме генетических предпосылок на формирование антиципационных способностей влияет деятельность, в которую включен индивид (И.Г. Батраченко, А.А. Регуш и др.), а также особенности общества, культуры и характер семейного воспитания (В.Д. Менделевич). Спектр видов деятельности, в которые реально включен российский ребенок-инвалид, сужен по сравнению со здоровыми детьми. Состояние современной культуры дает повод разделять людей на мир инвалидов и мир здоровых. Примерами такого разделения могут выступать отдельное существование общего и коррекционного образования, отсутствие доступной среды к институтам социального значения, строительство отдельных жилищных массивов для инвалидов рядом с учебно-производственным предприятием, существование в культуре стереотипного образа инвалида и т.д. Имеются проблемы в качественной организации процесса воспитания ребенка-инвалида внутри семьи. Крайними выражениями неблагополучного семейного воспитания являются факты гипер- и гипеоопеки.

Опираясь на теорию В.Д. Менделевича, недостаточно сформированную способность личности предвосхищать ход событий и собственное поведение в различных жизненных ситуациях мы считаем антиципационной несостоятельностью. Процесс успешной социальной адаптации неразрывно связан с возможностью вероятностного прогнозирования и совладающим поведением, а антиципационно несостоятельный человек исключает из антиципационной деятельности нежелательные события и поступки, ориентируясь всегда лишь на желательные, демонстрирует моновариантный тип прогнозирования, оказываясь неподготовленным к трудным ситуациям.

В результате наблюдается реальная связь антиципационной несостоятельности студентов-инвалидов с их образом жизни. Общая идея А.Н. Леонтьева, воплощенная И.А. Соколянским в его методе воспитания слепоглухонемых, столь же научно убедительна, как и проста: путь очеловечения не от языка и сознания, а от построения реальных человеческих отношений к действительности и возникающего на этой основе общения к овладению человеческим языком и к человеческому сознанию. В исследовании феноменологии субъективных миров инвалидов (М.П. Шульмин) было выявлено, что у 65 % респондентов отношение к окружающему миру и своему месту в нем является фрагментарным и требует психотерапевтической интеграции. Высокие вербальные показатели коммуникативного стресса и коммуникативного транс у инвалидов, диагностируемые по методу В.И. Кабрина (метод моделирования коммуникативных миров), а также низкие значения стресстрансформации доказывают, что в субъективном мире инвалидов остается нереализованным значительный транскоммуникативный потенциал их личностного роста.

Мы придерживаемся методологических принципов системного подхода (Э.Г. Юдин, Б.Ф. Ломов) и представления об общении как субъект-субъектном взаимодействии, разрабатываемых в отечественной психологии Б. Ф. Ломовым и его последователями. Эффективность общения будет зависеть от уровня знаний, умений и навыков партнеров при передаче информации, организации взаимодействия и понимания друг друга, то есть от их социально-психологической компетентности. Факторами, определяющими развитие социально-психологической компетентности, являются и социальные условия, и индивидуально-психологические особенности субъектов общения, в том числе и уровень развития познавательных способностей.

Таким образом, развитие антиципационной состоятельности у студентов-инвалидов является одной из актуальных задач психологического сопровождения их профессионального образования. И эту задачу необходимо решать через построение продуктивных субъект-субъектных отношений между студентом-инвалидом и его сокурсниками, психологом, преподавателями профильных дисциплин и остальными участниками образовательного процесса.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Абрамов Николай		Отдел социального служения и благотворительности Томской епархии РПЦ, председатель	
Антонова Любовь Александровна		Иркутский государственный университет, студентка	luba_ant@mail.ru
Афанасьев Александр Лукьянович	Канд. ист. наук, доцент	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники	(3822) 70-15-99 isr@main.tusur.ru
Афанасьева Екатерина Николаевна	Канд. соц. наук, доцент	Главное бюро медико-социальной экспертизы по Красноярскому краю, начальник отдела по работе с письмами и обращениями; Сибирский государственный технологический университет, доцент	(3912) 27-86-16 afanas_kras@mail.ru
Бельчикова Ольга Владимировна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, аспирант	

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Берсенёв Максим Валерьевич	Канд. ист. наук	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, заведующий лабораторией социального проектирования	(3822) 51-38-01 labgpo@yandex.ru
Бурмакин Алексей Эдуардович		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, старший преподаватель	(3822) 53-32-80 tis@main.tusur.ru
Быкова Людмила Евгеньевна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	Luda_teg@mail.ru
Варыгина Нина Александровна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	
Вельш Дарья Владимировна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	daryavelsh@mail.ru
Вишневенко Максим Викторович		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студент	

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Грек Наталья Владимировна		Саратовский государственный технический университет, аспирант	elina-natalja@rambler.ru
Григорьева Светлана Анатольевна		Саратовский государственный технический университет, студентка	delffa_smile@mail.ru
Грик Николай Антонович	Д-р ист. наук, профессор	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, зав. кафедрой истории и социальной работы	(3822) 51-38-01 grik-na@mail.ru
Дубовская Людмила Николаевна		Комплексный центр социального обслуживания населения Томской области, директор	(3822) 41-08-21 ccss@mail.ru
Захаров Александр Анатольевич	Канд. ист. наук, доцент	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, доцент	(3822) 51-38-01
Зеленкова Ольга Сергеевна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	
Зиновьева Валентина Ивановна	Канд. ист. наук, доцент	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, доцент	(3822) 51-38-01

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Зыкова Елена Александровна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	
Казакевич Людмила Ивановна	Канд. ист. наук, доцент	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, доцент	(3822) 51-38-01
Кантерова Анна Викторовна		Томский государственный университет, студентка	M3ta@sibmail.com
Ким Максим Юрьевич		Томский государственный университет, аспирант	max198210@yandex.ru
Коробкова Ольга Алексеевна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	
Кос Алина Витальевна		Саратовский государственный технический университет, аспирант	alinakos@mail.ru
Косс Валерия Олеговна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	
Лавровский Николай Александрович	Д-р ист. наук, профессор	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники	

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Логунова Ольга Викторовна		Сибирский государственный технологический университет, аспирант	l.o.v.e.2006@mail.ru
Мингалёва Мария Александровна		Хакасский государственный университет, студентка	
Михайлова Екатерина Николаевна		Иркутский государственный университет, студентка	ekaterina mihailova@rambler.ru
Мусабиров Илья Леонидович		г. Санкт-Петербург ООО «Инфосети», системный аналитик	
Мытник Надежда Владимировна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	mnv2006.80@mail.ru
Наумова Юлия Анатольевна		Иркутский государственный университет, студентка	lulya19@mail.ru
Негрей Наталья Викторовна		Иркутский государственный университет, студентка	vesnushki87@mail.ru
Плащинская Людмила Васильевна		Муниципальное учреждение социальной защиты населения «Центр социальной помощи семье и детям» (со стационаром) г. Междуреченска, директор	family@rikt.ru

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Попов Сергей Витальевич		Томская Духовная семинария, студент	
Попова Елена Викторовна		Уральский государственный технический университет, г. Екатеринбург, аспирант	veve.pv@rambler.ru
Радченко Оксана Евгеньевна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, старший преподаватель	(3822) 51-38-01 oer@sibmail.com
Расказов Леонид Дементьевич	Канд. филос. наук	Сибирский государственный технологический университет, доцент	atropos@bk.ru
Решетникова Екатерина Владимировна	Канд. филос. наук, доцент	Иркутский государственный университет, зав. кафедрой социальной работы	(3952) 24-33-72 eresh80@mail.ru
Розманова Татьяна Юрьевна		Сибирский государственный технологический университет, аспирант	rozmanov@krk.ru
Савченко Анастасия Валерьевна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, аспирант	tis@main.tusur.ru

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Сигаева Екатерина Николаевна		Хакасский государственный университет, студентка	mpsi_khsu@dimetra.ru
Струк Наталия Максимовна	Канд. филос. наук, профессор	Иркутский государственный университет, профессор	(3952) 66-40-74 struknm@rambler.ru
Суслова Татьяна Ивановна	Д-р филос. наук, профессор	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, декан Гуманитарного факультета, зав. кафедрой культурологии и социологии, профессор	tis@main.tusur.ru
Текутьева Анна Викторовна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	
Трифоновна Ирина Александровна	Канд. мед. наук	Департамент социальной защиты населения Томской области, начальник	(3822) 49-80-19 dszn@socialwork.tomsk.gov.ru
Хлопотникова Вера Николаевна		Московский государственный университет, аспирант	veranda20@vail.ru
Хнытикова Екатерина Леонидовна		Хакасский государственный университет, студентка	rsc19@mail.ru

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, звание	Место работы, должность	Телефон, e-mail
Хуриганова Алиса Алексеевна		Иркутский государственный университет, студентка	alisakhurigano va@rambler.ru
Цыренова Марина Шириповна		Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, студентка	
Чигрина Анна Яковлевна		Нижегородский государственный университет, аспирант	Anna-chigrina@ yandex.ru
Шульмин Максим Петрович		Томский государственный университет, аспирант	scoobi@inbox.ru
Шухарева Оксана Николаевна	Канд. соц. наук, доцент	Хакасский государственный университет, зав. кафедрой социальной работы	8(3902) 22-31-92 oks20-4 @rambler.ru

Содержание

Предисловие редактора	3
Раздел I. Социальная работа: история, теория, практика	
Трифонова И.А.	
Система социальной защиты населения Томской области	7
Грик Н.А.	
Формирование профессиональной и социальной компетенции специалиста по социальной работе и технология группового проектного обучения	13
Суслова Т.И.	
Проблема социализации молодежи	20
Священник Абрамов Н.	
О социальном служении православной церкви.....	22
Афанасьев А.А.	
Опыт социальной работы обществ трезвости в Томске и Томском уезде (конец XIX в. – 1916 г.)	27
Афанасьева Е.Н.	
Социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями.....	34
Берсенева М.В., Мусабинов И.А.	
Лаборатория социального проектирования кафедры истории и социальной работы в процессе группового проектного обучения как знаниевый центр и проектный офис в первом приближении	38
Бурмакин А.Э.	
Предмет «Социальная экология» и организация работы с молодежью.....	43
Грик Н.А., Дубовская Л.Н.	
Практика и образование в системе подготовки социальных работников: из опыта содружества ТУСУРа и комплексного центра социального обслуживания населения Томской области	47
Захаров А.А.	
О концептуальных основах демографической политики Российского государства	52

Зиновьева В.И.

Студенческое самоуправление как тема социального проекта (на примере ТУСУРа).....58

Казакевич А.И.

К вопросу об эволюции термина «волонтерство»64

Лавровский Н.А.

Совершенствовать подготовку специалистов социальной работы («много призвано, мало признано»)74

Л.В. Плащинская77

Использование современных социальных технологий в укреплении семьи, оздоровлении отношений подростков и родителей78

Радченко О.Е.

Толерантность как императив профессиональной деятельности специалиста по социальной работе83

Рассказов Л.Д.

Из опыта профилактической работы системы муниципальных учреждений социальной защиты г. Красноярска с несовершеннолетними детьми, оказавшимися в кризисной ситуации: потенциальные аспекты.....89

Решетникова Е.В.93

Некоторые особенности подготовки социальных работников в современных российских условиях.....93

Струк Н.М.

Сетевая карта как инструмент диагностики в системной терапии96

Шухарева О.Н.

Социальная работа как относительно новый социокультурный феномен 102

Раздел II. Молодые исследователи о проблемах и тенденциях социальной работы**Антонова Л.А.**

Муниципальная молодежная политика города Иркутска 111

Бельчикова О.В.

Проблема свободной христианской воли в условиях либеральной свободы..... 113

Быкова Л.Е.

Социальная защита детей в Российской Федерации..... 117

**Варыгина Н.А., Коробкова О.А., Текутьева А.В.,
Цыренова М.Ш.**

Социализация первокурсников в вузе как социальный проект..... 122

Вельш Д.В.

Опыт разработки методики оценки эффективности социальных проектов на примере муниципальных грантов 129

Вишневенко М.В.

Социальная ответственность бизнеса в России..... 132

Грек Н.В.

От войны до войны: проблема раннего социального сиротства советской России 1920–30-х гг. 137

Григорьева С.А.

Возможности фотографии в социальной работе: терапия, обучение, развитие 142

Зеленкова О.С.

Проблемы социального сиротства 147

Зыкова Е.А.

Социальная работа с ВИЧ-инфицированными людьми... 151

Кантерова А.В.

Влияние молодежных организаций внеучебной сферы на социальную активность студентов (на примере Томского государственного университета)..... 157

Ким М.Ю.

Система общественного питания Карагандинского угольного бассейна в 1930-е гг. 161

Кос А.В.

Становление и развитие института психиатрической социальной работы в России 168

Косс В.О.

Инклюзивное образование. К постановке проблемы..... 173

Логунова О.В.

Самостоятельная работа как одна из форм подготовки будущего специалиста социальной работы к посреднической деятельности 178

Мингалёва М.А.

Социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в системе социальной защиты республики Хакасия 182

Михайлова Е.Н.

Дети из социальных приютов: сложности адаптации к жизни в обществе 184

Мытник Н.В.

Разработка методических рекомендаций для профилактики негативных последствий работы за компьютером 187

Наумова Ю.А.

Проблемы подготовки социальных работников 191

Негрей Н.В.

Социальная работа в студенческом самоуправлении 194

Попов С.В.

Духовно-просветительское служение глухим людям (Краткий исторический очерк. Опыт и формы работы студентов Томской Духовной семинарии)..... 196

Попова Е.В.

«Детская деревня – SOS» как альтернативная форма воспитания детей-сирот 202

Розманова Т.Ю.

Культура общения известных благотворителей в их общественной и благотворительной деятельности.... 205

Савченко А.В.

Проблема самоидентификации молодежи. Ценностные ориентации..... 209

Сигаева Е.Н.

Реализация муниципальной молодежной политики в г. Абакане 212

Хлопотникова В.Н.

Воспитание молодежи средствами культуры американского минимализма..... 216

Хнытикова Е.А.

Взаимодействие республиканских органов власти с молодежными общественными объединениями в республике Хакасия..... 219

Хуриганова А.А.

Специалист по социальной работе в системе
образования.....225

Чигрина А.Я.

Интеграция инвалидов в современное российское
общество: основные этапы228

Шульмин М.П.

Антиципационная состоятельность как возможность
для студентов-инвалидов подготовиться к трудностям
в процессе профессионального образования233

Сведения об авторах237

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В РОССИИ:
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАКТИКА

Сборник научных трудов
Под редакцией профессора Н.А. Грика

Корректор Л.И. Кирпиченко
Компьютерная верстка Г.В. Черновой

Подписано в печать 11.02.09. Формат 60 × 84/16.
Усл. печ. л. 14,65. Тираж 130 экз. Заказ 98.

Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники.
634050, Томск, пр. Ленина, 40.
Тел. (3822) 533018.